

Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан

УДК 327.7

На правах рукописи

ИСКАКОВА ЖАЙНАРА АСЫЛХАНОВНА

АСЕАН в региональных интеграционных процессах

6D020200 – Международные отношения

Диссертация на соискание степени
доктора по профилю

Научный руководитель
доктор политических наук,
профессор
Т.С. Сулейменов

Зарубежный научный консультант
доктор исторических наук,
профессор,
Б.А. Шмелев

Республика Казахстан
Астана, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ	3
ВВЕДЕНИЕ	5
1 ТЕОРЕТИЧЕСКО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЮВА	17
1.1 Основные подходы к понятию регионализации, регионалистики и интеграционных процессов.....	17
1.2 Концептуальные аспекты изучения интеграционных процессов в Юго-Восточной Азии и роль АСЕАН в межрегиональном сотрудничестве.....	26
1.3 АСЕАН в контексте теорий международных отношений: реализм, либерализм, конструктивизм, неофункционализм.....	40
2 РОЛЬ АСЕАН В РАСШИРЕНИИ ИНТЕГРАЦИИ СТРАН АТР	48
2.1 Основные этапы политико-экономической интеграции АСЕАН.....	48
2.2 Сообщество АСЕАН как основа региональных интеграционных процессов.....	55
2.3 АСЕАН Плюс: расширение сотрудничества в Азии.....	70
2.4 АРФ - фактор стабильности политической интеграции в регионе.....	79
3 РЕЗЕРВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И АСЕАН	91
3.1 Превентивная дипломатия Республики Казахстан в рамках Регионального форума АСЕАН.....	91
3.2 Партнерство Казахстана и стран АСЕАН в рамках архитектуры Нового Шелкового Пути и ЕАЭС.....	96
3.3 Проблемы и перспективы взаимодействия Республики Казахстан и АСЕАН.....	106
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	115
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	118
ПРИЛОЖЕНИЕ	132

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

АРФ	– Региональный форум АСЕАН
АСЕАН	– Ассоциация стран Юго-Восточной Азии
АСЕАН+1	– Диалог АСЕАН с каждым отдельным партнером
АСЕАН+3	– Государства АСЕАН и Китай, Республика Корея, Япония
АСЕАН+6	– Государства АСЕАН и Китай, Республика Корея, Япония, Австралия, Индия, Новая Зеландия
АСЕМ	– Форум стран Азии и Европы
АТР	– Азиатско-Тихоокеанский регион
АТЭС	– Азиатско-Тихоокеанское экономическое сообщество
АФТА	– Зона свободной торговли АСЕАН (ASEAN Free Trade Agreement)
ВАС	– Восточно-Азиатский саммит
ВВП	– Валовый внутренний продукт
ГАТТ	– Генеральное соглашение по торговле и тарифам
ДСА	– Диалог по сотрудничеству в Азии
ЕС	– Европейский Союз
ЕАС	– Евразийский Союз
ЕврАзЭС	– Евразийское Экономическое Сообщество
ЗСТ	– Зона свободной торговли
КАРИКОМ	– Единый рынок и экономика Карибского бассейна сообщество
КНДР	– Корейская Народно-Демократическая Республика
КНР	– Китайская Народная Республика
МЕРКОСУР	– Общий рынок Аргентины, Бразилии, Уругвая, Парагвая, Венесуэлы
МИД	– Министерство иностранных дел
НАФТА	– Североамериканское соглашение о свободной торговле
ОБРА	– Организация по безопасности и развитию Азии
ООН	– Организация Объединенных Наций
ОЭС	– Организация экономического сотрудничества
РВЭП	– Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство
РК	– Республика Казахстан
РФ	– Российская Федерация
СААРК	– Ассоциация регионального сотрудничества в Южной Азии
САПТА	– Южно-азиатская преференциальная торговая организация
СВМДА	– Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии СЕАТО – Организация Договора Юго-Восточной Азии
СМИД	– Совет министров иностранных дел
СМОА	– Совещание министров обороны Ассоциации государств Юго-Восточной Азии и партнеров по диалогу
СРВ	– Социалистическая Республика Вьетнам
США	– Соединенные Штаты Америки
ТПП	– Транстихоокеанское партнерство (Trans-Pacific Partnership, TPP)

- ТРАСЕКА – Транспортный корридор Европы-Кавказа-Азии (Transport Corridor Europe-Caucasus-Asia)
- ШОС – – Шанхайская организация сотрудничества
- ЭПШП – Экономический пояс Шелкового пути
- ЭСКАТО – Экономическая и социальная комиссия ООН для Азии и Тихого океана
- ЮВА – Юго-Восточная Азия
- SWOT – Strengths (сильные стороны), Weaknesses (слабые стороны), Opportunities (возможности), Threats (угрозы)

ВВЕДЕНИЕ

Общая характеристика работы. Диссертация посвящена исследованию роли и места АСЕАН в интеграционных процессах в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В работе дается анализ перспективы АСЕАН в региональных процессах, а также рассматриваются возможности АСЕАН в контексте ее сотрудничества с Республикой Казахстан.

Актуальность темы исследования.

В данной работе дается анализ задач теоретического и практического характера, которые вытекают из международной деятельности Республики Казахстан в условиях глобализации. Процессы укрепления государственности, социально-экономические реформы, формирование демократической правовой основы общества являются основными внешнеполитическими приоритетами Республики Казахстан.

В современных условиях глобализации локальные проблемы не являются проблемой только одного региона, поэтому интегрируя усилия для решения тех или иных проблем на сегодняшний день является необходимостью, а для науки поиск оптимальных путей для решения поставленных задач является одним из актуальных направлений.

Республика Казахстан проводя политику многовекторности, укрепляет отношения на межгосударственном уровне и со многими международными организациями.

Для осуществления более углубленного интегрирования в мировое сообщество Казахстан стремится развивать новые подходы, соответствующие современным реалиям.

В контексте многовекторной и сбалансированной внешней политики Республики Казахстан возрастающее значение приобретает азиатский регион. В этой связи, принимая во внимание динамичный рост Азиатско-Тихоокеанского региона, Республика Казахстан уделяет особое внимание развитию взаимовыгодных контактов с государствами АТР: Китаем, Японией, Республикой Корея, Таиландом, Филиппинами, Малайзией, Индонезией.

В обозримом будущем в Азии будет производиться свыше трети выпускаемой в мире продукции, а ее экономика будет сопоставима по своему размеру с экономиками США и Европы вместе взятыми. Крупнейшие страны континента осуществляют активную внешнеэкономическую политику, импортируют значительные объемы углеводородов и других сырьевых ресурсов.

По мнению Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева, «Азиатский континент превращается в главную площадку глобальных международных отношений XXI века, как по своему экономическому потенциалу, так и по степени влияния на мировую политику. Уже сегодня в совокупности страны этого региона производят более 57% общемирового ВВП, что акцентирует внимание исследователей к изучению особенностей азиатских процессов модернизации, подходов к обеспечению безопасности, эффективности деятельности многосторонних институтов [1].

Одним из наиболее успешных примеров региональной интеграции в АТР является АСЕАН - Ассоциация Стран Юго-Восточной Азии, основанная в 1967 году, благодаря своему активному развитию привлекает к себе внимание. На данный момент, в эту Ассоциацию входят 10 стран Юго-Восточной Азии: Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Таиланд, Сингапур, Филиппины.

Площадь суши государств-учредителей АСЕАН охватывает часть континентальной Азии и ряд прилегающих к ней архипелагов и характеризуется исключительной разобщенностью. В географическом отношении нельзя признать группировку стран АСЕАН компактной зоной, и это обстоятельство затрудняет налаживание сотрудничества в рамках этой организации.

Процесс АСЕАН действует на протяжении более 50 лет, который за этот период трансформировался в ключевой компонент региональной интеграции.

Учитывая высокий потенциал экономического развития, АСЕАН имеет тесные взаимоотношения с мировыми и региональными центрами, такими как Китай, США, РФ, Индия, Иран, интересы которых тесно переплетены в данном регионе. Кроме того, АСЕАН взаимодействует с другими международными платформами (АСЕАН с ШОС, ЕАЭС, СВМДА и др.), что позволяет координировать деятельность по всем ключевым аспектам сотрудничества.

21 ноября 2015 года на 27-м саммите Ассоциации было подписано Соглашение о создании Экономического сообщества АСЕАН, которое трансформировало Организацию в экономическую зону о свободной торговле, движении товаров, услуг, инвестиций, капитала и квалифицированной рабочей силы.

Деятельность сообщества нацелена на усиление интеграции внутри АСЕАН по трем основным направлениям: обеспечение политической стабильности и безопасности, развитие экономического взаимодействия и укрепление социально-культурных связей.

С момента своего основания АСЕАН добилась чрезвычайных экономических и социальных успехов, углубила сотрудничество внутри сообщества и сократила разрыв в развитии в государствах-членах. В 2016 году общая численность населения АСЕАН достигла 634,5 млн., что в три с половиной раза больше, чем население, проживающее в пяти государствах-учредителях в 1967 году.

50 лет развития Ассоциации также сделали АСЕАН крупным игроком в мировой экономике. В 2017 году объем торговли товарами в странах АСЕАН значительно расширился: объем экспорта и импорта превысил 1 триллион долларов США, что в 200 раз превышает стоимость экспорта и импорта, проданных пятью основополагающими государствами АСЕАН в 1967 году. Сейчас АСЕАН составляет почти 7% от общей мировой торговли и в совокупности является четвертым по величине торговым центром в мире после крупнейших мировых экономик Европейского Союза, США и Китая [2].

АСЕАН внесла важный вклад в формирование в целом адекватной современным вызовам внешнеполитической архитектуры региона. С момента

своего объединения членам альянса удалось избежать прямых междоусобных вооруженных конфликтов («поворотным моментом» в снятии с повестки вопроса о блоковой конфронтации стало присоединение к ассоциации в 1995 г. Вьетнама).

В рамках АСЕАН создана солидная договорно-правовая база. Как например, Декларация зоны мира, свободы и нейтралитета (Куала Лумпур, 1971 года), Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (Балийский договор) 1976 года [3, 4]. Стороны стремятся строго придерживаться целей и принципов взаимодействия, заложенных в базовых документах ассоциации.

Данное обстоятельство позволяет странам-участницам ЮВА активно расширять число своих «партнеров по диалогу», эффективно использовать механизм Регионального форума АСЕАН, динамично развивать сотрудничество в формате АСЕАН+3 (КНР, Япония, Южная Корея) и по линии Восточно-азиатского саммита (АСЕАН+3 + Австралия, Новая Зеландия и Индия).

В 2004 году в целях укрепления организационно-правовой базы деятельности Ассоциации было принято решение о разработке Устава АСЕАН. 20 ноября 2007 г. в ходе 13-го саммита АСЕАН в Сингапуре был подписан Устав лидерами «десятки». Его принятие стало отправной точкой нового этапа эволюции АСЕАН, ее трансформации в полноценную региональную организацию, обладающую международной правосубъектностью [5].

В связи с вышеизложенным можно сказать, что тема диссертации актуальна, так как позволяет понять на каких идейных предпочтениях формировалась внешняя политика и происходило позиционирование организации в мире. Кроме того, актуальность диссертационной темы определяется важностью исследования различных аспектов взаимодействия Республики Казахстан со странами АСЕАН и Азиатско-Тихоокеанским регионом в целом.

Таким образом, потребность в комплексном, более детальном исследовании сотрудничества Республики Казахстан с интеграционным пространством АТР, укрепление ее сотрудничества с АСЕАН в связи с увеличивающимся влиянием этой организации на мировые процессы определили актуальность данного исследования.

Объектом исследования является интеграционные процессы в Юго-Восточной Азии.

Предметом исследования роль интеграционной организации АСЕАН на современном этапе.

Цель диссертационного исследования определить системную основу для сотрудничества Казахстана с организацией АСЕАН.

Достижение цели реализуется посредством решения следующих исследовательских задач:

- определить концептуально-теоретический подход к изучению АСЕАН;
- рассмотреть становление концептуальной и институциональной основы экономической интеграции в рамках АСЕАН;

- дать анализ проблемам интеграционного процесса в АСЕАН и тенденции его развития;
- осуществить сравнительный анализ развития стран АСЕАН с основными торгово-экономическими партнерами и международными экономическими организациями;
- определить перспективы развития сотрудничества Республики Казахстан со странами АСЕАН в рамках Нового Шелкового пути и ЕАЭС
- проанализировать в рамках SWOT-анализа возможности и риски сотрудничества АСЕАН и Республики Казахстан;
- дать предложения и рекомендации по развитию сотрудничества АСЕАН и Республики Казахстан

Теоретико-методологическая основа исследования. Решение поставленных задач проводилось на основе комбинирования историко-сравнительного и аналитического подходов.

В качестве основополагающего теоретического подхода автор использовал *концептуальные положения «нового регионализма»*, согласно которым интеграционные процессы в современном мире имеют не только экономическое, но и политическое измерение, а также в условиях многополярности мира, регионализм характеризуется открытостью, формированием «снизу», участием негосударственных и субнациональных акторов.

Кроме того, теоретическую основу диссертации составляют *теории политического реализма, либерализма, конструктивизма и неофункционализма*, которые являются классическими для исследователей, занимающихся международными отношениями в АТР.

Методологической основой диссертации явилась совокупность общих и специально-научных методов:

- системный подход оказался полезен при определении понятия «регионализации» и интеграционных процессов;
- для определения концептуальных аспектов изучения интеграционных процессов и основных этапов развития АСЕАН был использован историко-ретроспективный метод;
- при характеристике структурных особенностей АСЕАН и ее сотрудничества в формате АСЕАН+ был использован структурно-функциональный метод;
- метод сравнительного анализа оказался эффективным при сравнении деятельности АСЕАН и АТЭС, а также РВЭП и ТТП;
- для определения резервов сотрудничества Центральной Азии и Казахстана, в частности, с АСЕАН был использован прогностический метод.

Кроме того, в отношении эффективности АСЕАН был применен метод SWOT анализа. Первые две позиции – сильные и слабые стороны – связаны преимущественно с позитивностью и негативностью ресурсной базы АСЕАН. Например, было выявлено, что с основания АСЕАН создана обширная институциональная база сотрудничества является одной из сильных сторон организации. Кроме того, высокая степень независимости внутреннего

потребления и производства стран от внешнего мира, а также крепкие связи внутри стран АСЕАН можно также отнести к положительным сторонам Ассоциации. К негативным аспектам развития АСЕАН можно отнести наличие в АСЕАН слабо развитых государств, а также отсутствие лидеров внутри организации.

Важнейшее значение имеет поле «Возможности и сильные стороны», которое определяет наиболее перспективный, стратегический вектор развития, а также поле «Угрозы и слабые стороны», которое демонстрирует «ахиллесову пяту» актора, наиболее уязвимые стороны его позиций. Поле «Возможности и слабые стороны» демонстрирует, каким образом «проблемные» позиции могут быть компенсированы за счет новых возможностей. Поле «Угрозы и сильные стороны» позволяет лучше понять, каким образом ресурсные преимущества могут быть направлены на ликвидацию угроз.

Проблемы в развитии сотрудничества Казахстана и АСЕАН можно проанализировать посредством выявления основных факторов, определяющих сильные и слабые стороны, потенциал дальнейшего развития, вызовы и угрозы такого сотрудничества. Для формирования рекомендаций по совершенствованию отношений АСЕАН-Казахстан был также применен метод SWOT-анализа.

Степень разработанности темы в казахстанских источниках.

Существует множество трудов зарубежных ученых, широко раскрывающих теоретические и прикладные аспекты интеграционных процессов в АТР. Вместе с тем необходимо отметить, что отдельные аспекты азиатской интеграции, в частности в рамках АСЕАН, не являлись предметом детального исследования отечественных ученых. Впервые вопросы азиатского вектора сотрудничества рассмотрен в диссертационной работе Токаева К.К. [6], в работе О. Должиковой изложены аспекты формирования стран Юго-Восточной Азии как группа нового геополитического кластера, учтен опыт мировых и региональных держав, вовлеченных в данный регион [7].

В работах Сыроежкина К.Л. [8] освещены вопросы безопасности в рамках деятельности Казахстана в этом направлении Н. Ермекбаев излагает регионализм в контексте сотрудничества Республики Казахстан с АТР [9], Лаумулин М. рассматривает спектр угроз Центральной Азии в рамках архитектуры азиатской безопасности [10].

В работах М. Аугана рассматриваются вопросы развития ЮВА, в том числе и АСЕАН, а именно ее особенности в рамках институционализации. Утверждается, что институционализация региональных организаций будет способствовать укреплению стабильности и предупреждения конфликтов [11, 12].

В монографии Д. Мухамеджановой исследуются мировые интеграционные объединения в рамках моделей формальной и неформальной интеграции, в том числе и АСЕАН, изучается опыт региональной интеграции развитых, развивающихся и переходных экономик, а также перспективы формирования пространства экономического сотрудничества Казахстана в условиях глобализации [13, 14].

Зарубежная историография представлена теоретическими работами в области безопасности АТР, интеграции, глобализма, регионализма, а также в трудах отдельных экспертов и политических деятелей.

В работе автором использованы фундаментальные основы теорий международных отношений, таких как реализм, либерализм, конструктивизм.

Специальное внимание автором было уделено работам, посвященным исследованию регионализма и регионализации, в которой заложен спор о перспективах дальнейшего развития мировой политики и экономики. Для изучения этой проблематики автор обратился к работам Х. Прюссе [15], Б. Хеттне [16], Эрнста Хааса [17], К. Хеммер [18], А. Валлиса [19], Э. Карра [20].

Регионализм появился в окончательной редакции Устава ООН [21].

Важную роль для выработки теоретических подходов к исследованию сыграли современные наработки концепции «нового регионализма». Считается, что первым этот термин ввел в научный оборот Э. Харрелл [22].

В работе М. Шульца регионализм представляет собой совокупность идей, ценностей и конкретных целей, направленных на создание, поддержание или изменение обеспечение безопасности и богатства, мира и развития в регионе [23]. Р. Хацуэ определяет регионализм в строгом порядке, как идеологию или лозунг, регионализацию, в широком смысле, как спонтанное региональное образование [24].

Для изучения интеграционных исследований автор обратился к работам Де Ломбарде и Ван Лангенхоу, которые описывает интеграцию как всемирный феномен территориальных систем, который увеличивает взаимодействие между их компонентами и создает новые формы организации, которые сосуществуют с традиционными формами государственной организации на национальном уровне [25].

Большим вкладом в разъяснение вопроса интеграции является книга Б. Балассы [26], которая широко цитируется во всех последующих исследованиях экономической интеграции. По Балассе существует четыре разных этапа экономической интеграции - зона свободной торговли (ЗСТ), Таможенный союз (ТС), общий рынок и экономический союз.

Рассматривая Юго-Восточную Азию с позиции значимых интеграционных объединений, автор использовал работу Г. Локшина, «40 лет АСЕАН», [27], Хью Патрик рассматривает АТЭС с точки зрения его эффективности [28], российские ученые Н.А. Васильева и М.Л. Лагутина отмечают формат реализации общих целей АТЭС в своих работах [29]. К вопросу о деятельности ТПП, РВЭП автор использовал труды П. Яковлева [30], Жин Жианмина [31], Й. Дамури [32], Б. Чаттерджи [33], Басу Ниянима [34].

Перспективы развития региональных интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе и, в частности, в Восточной Азии, отражены в трудах Ли Куан Ю [35], Дж. Айкенберри [36], А. Ачарии [37], В. Аггарвала [38], М. Бисона [39].

Что касается российской школы региональных исследований, то здесь следует отметить исследования Г.И. Чуфрина, А.Д. Воскресенского,

Н.А. Васильевой и М.Л. Лагутиной, Песцова С.К., и др. В этих работах авторы рассматривают проблемы регионализма, глобализма, даются определения ключевым понятиям таким как «регион», «регионализм», «регионализация», рассматриваются классификации перечисленных феноменов, их концептуальные основы [40-43].

В части, посвященной характеристике институциональных особенностей АТЭС, были изучены работы М. Руднер, Дж. Равенхилла, А.А. Бреславец, Е.Я. Островской и И.С. Фирсовой, Г.М. Костюниной, М. Потапова и др. Однако в большей степени данная глава основывается на источниковой базе – официальных документах АТЭС, представленных на официальном сайте организации [44-51].

В периодически издаваемых сборниках: Журнал «The Pacific Review» затрагивает вопросы развития АСЕАН в рамках так называемого «Пути АСЕАН», основанного на четырех пунктах «Кодекса поведения»: 1) соблюдение невмешательства, неприменения силы и мирного разрешения конфликта; 2) содействие в региональной автономии; 3) отказ от многосторонних военных пактов, но принятие двустороннего оборонного сотрудничества, осуществляемого независимыми отдельными государствами-членами (например, договоры о безопасности Филиппин и США и Таиланда); и 4) предпочтение социально-культурным нормам, основанным на неформальных консультациях (*musyawarah*) и консенсусе (*муфакате*). В периодических изданиях «Asian Survey», «Journal of Peace Research», «Asia Pacific Review», «Asian Security», «Asian Journal of Political Science», «Cambridge Review of International Affairs», «Pacific Focus» рассматриваются вопросы расширения деятельности АСЕАН, а также институционального становления организации. Данные журналы сыграли определяющую роль в области азиатских исследований в течение последних 70 лет, публикуя эмпирические и междисциплинарные работы по изучению Азии, включая вопросы истории и политики в данном регионе [52-59].

Для использования в третьей главе были изучены работы экспертов в области азиатского регионализма, а именно работы Амитавы Ачарии, который в своей книге «Конец американского мирового порядка», изданной в 2014 году, размышляет, что глобализация меняется кардинально по мере того, как развивается Китай. В этой связи речь идет уже о «глобализации 2.0», которая ориентирована на инвестиции и развитие в куда большей степени, нежели на торговлю. Ачария полагает, что крупнейшим китайским прорывом в вопросе глобализации стало строительство масштабных инфраструктурных проектов. Он обратил внимание, что инициатива «Нового шелкового пути» осуществляется с целью оформления торговой и инфраструктурной сети, связывающей Азию с Европой и Африкой [60].

Из исследований, проводимых в странах АСЕАН, особого внимания заслуживают работы авторов так называемой «второй дорожки», а именно публикации «think tanks» или научных центров, а также ответственных работников секретариата АСЕАН. Institute of Southeast Asian Studies (Сингапурский Институт исследований Юго-Восточной Азии) работает над

изучением вопросов развития АСЕАН. В работе «На пути к Сообществу безопасности АСЕАН», «АСЕАН сегодня и завтра» Р. Северино рассматривает аспекты политического сотрудничества государств-членов Ассоциации в сфере безопасности на пути к формированию Сообщества безопасности, а также дает оценку перспективам создания «Сообщества АСЕАН». [61] Кроме того, бывший генеральный секретарь АСЕАН Родольфо Северино, который занимал эту должность с 1992 по 2002 год, а ныне сотрудник этого центра в своей работе «Southeast Asia in Search of an ASEAN Community» размышляет о процессе принятия решений на основе консенсуса в АСЕАН. Он утверждает, что «Во многих случаях консенсус достигается, когда по меньшей мере шесть членов достигают соглашения, а остальные члены «не чувствуют себя достаточно уверенно в вопросе о блокировании действий по нему» [62].

Центр стратегических и международных исследований Джакарты (Centre for Strategic and International Studies), куда входят известные индонезийские политологи, международники, освещает вопросы сотрудничества государств АСЕАН, участие в урегулировании камбоджийского кризиса, перспективы создания системы коллективной безопасности. В книге «Инклюзивная регионалистика» известный ученый данного центра Юсиф Вананди изучает вопросы перспективы развития АСЕАН в сфере безопасности [63].

Кроме того, изучены работы официальных представителей стран АСЕАН. Премьер-министр Гох Чок Тонг Сингапура в своей статье указал на роль Китая в отношениях Сингапура и АСЕАН [64]. С. Дханабала, бывший министр иностранных дел Сингапура отмечает важность встреч на площадке АСЕАН [65]. Премьер-министр Индии Моди утверждает, что АСЕАН является ядром политики на Востоке [66].

Особого внимания заслуживают работы публициста, профессора, декана Школы государственной политики им. Ли Куан Ю при Национальном университете Сингапура Кишора Махбубани. В книге «Великая конвергенция» он показывает, что за предшествующие тридцать лет в мире произошло больше позитивных изменений, чем за последние три столетия. Предлагая блестящие и практичные решения, направленные на совершенствование мирового порядка, где АТР будет играть важную роль [67].

В работах китайских исследователей, среди которых хотелось бы выделить Хе Фана и Янг Панпана, Сю Кристи, Жанг Сяомин, Танг Си Сенг нашло отражение роли КНР в торговых отношениях с АСЕАН [68-71].

Эвелин Го известный ученый Центра стратегических и оборонных исследований, широко публикует данные о взаимоотношениях США и Китая, дипломатической истории, региональном обеспечении безопасности в Восточной Азии, стратегиях Юго-Восточной Азии в отношении великих держав и экологической безопасности [72-74].

В вопросах развития проекта Нового Шелкового пути значительный пласт литературы принадлежит китайским авторам, среди которых можно выделить П. Хонг, Ю. Хон, Джи Ву и Юнби Жанг [75-77].

Анализ американских исследований *отражает широкий спектр работ, посвященных АСЕАН.* Ральф Эммерс в своей работе сущность АРФ, отмечая

недостаточную эффективность АРФ в содействии сотрудничеству в области безопасности в Азиатско-Тихоокеанском [78, 79]. Р. Штаббс в работе АСЕАН плюс отмечает особенности АСЕАН, а именно, что с момента своего создания слабосвязанная группировка быстро продвигалась вперед в разработке и объявлении новых инициатив в области сотрудничества, тогда как другие многосторонние группировки, такие как АСЕМ и, в частности, АТЭС, все чаще представляют собой громоздкие организации со слабой инициативностью [80]. Масвуд в своих работах рассуждает о роли Японии в отношениях с АСЕАН, а также ее парадигмы идентификации как восточноазиатской страны [81].

Историография исследований Северо-Восточной Азии

Исследователи в области международных отношений Японии и Кореи в своих работах раскрывают причины многосторонности АСЕАН. Их аргументация включает использование многосторонних соглашений для борьбы с военными альянсами. Среди множества авторов хотелось бы отметить работы Т. Юзавы, Ши Чунлая, С. Пе, Кай Хе, Т. Кивимаки, И. Ямазавы и Т. Киношиты, Д. Юн, Х. Йошимацу [82-89].

Историография исследований Центральной Азии. Большую значимость для работы имели исследования авторов *Центральной Азии*, посвященные субрегиону Северо-Восточной Азии, а также поиску вариантов сотрудничества с АСЕАН. Наибольший интерес в этой области представляли работы таких ученых как Рахматуллаев Э.М., Рахимов, Н. Касенова, Е. Молдакасимов, Г. Джоробекова. [90-94].

Вместе с тем, в указанных работах слабо отражены предпосылки, перспективы и практический опыт сотрудничества в странах АСЕАН, а также отсутствуют количественные оценки эффектов торговой интеграции и скоординированной политики в регионе, что и предопределило цель и задачи настоящего исследования.

Хронологические рамки исследования охватывают начало 60-х гг. XX в. по 2017 г. Такая периодизация обусловлена необходимостью анализа институциональных основ сотрудничества, заложенных в период «холодной войны» и продолживших свое развитие в условиях нового мирового порядка.

Источниковая база исследования. При написании диссертации был использован широкий круг источников, которые, в соответствии с характеристикой использованных данных были сгруппированы следующим образом.

Среди источников наиболее важными в исследовании были нормативно-законодательные акты АСЕАН, прежде всего договоры, подписанные в рамках АСЕАН и опубликованные на электронном сайте организации или в официальных изданиях, содержащие обширный материал о разных этапах формирования и развития АСЕАН [95-101].

Кроме того, в работе использованы официальные документы других интеграционных объединений АТР таких как АСЕАН+3, АСЕАН+1, Восточноазиатский саммит, АРФ, официальные документы АТЭС, ТПП, РВЭП [102-110].

Вторая группа источников включает монографии и статьи экспертов

ЮВА, в числе которых следует отметить исследования А. Харелла, А. Ачарии, Ю. Вананди. Кроме того, поставленные в работе задачи были достигнуты также при использовании публицистических источников, в которых наиболее полно отражены взгляды сингапурских, индонезийских, вьетнамских ученых, а также исследовательские работы Центра стратегических и международных исследований Джакарты (Индонезия), Сингапурского Института исследований Юго-Восточной Азии, Центра стратегических и оборонных исследований Австралии.

Третья группа источников включает в себя обращения, заявления, выступления и труды первых руководителей АСЕАН, официальных лиц, глав государств и различных государственных деятелей, в том числе премьер-министров стран Юго-Восточной Азии, а также выступления Президента РК Н.А. Назарбаева в отношении деятельности страны в направлении сотрудничества с Тихоокеанским регионом.

Четвертую группу источников составляют документы, регулирующие сотрудничество АСЕАН и Республику Казахстан, а также Центральную Азию по многостороннему сотрудничеству в рамках ШОС, СВМДА, ДСА. Например, Меморандум о взаимопонимании между АСЕАН и ШОС, «Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов Шанхайской организации сотрудничества» и «Бишкекская декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества», Каталога мер доверия СВМДА.

В ходе работы над диссертационным исследованием были проанализированы материалы периодических научных изданий, которые составляют **пятую группу источников**.

Научная новизна.

В работе осуществлен комплексный анализ динамики отношений Казахстана и АСЕАН на современном этапе. Новизна исследования определяется, прежде всего, тем, что впервые в казахстанской науке исследуется деятельность АСЕАН и ее сотрудничество с Республикой Казахстан. Данная тема анализируется на основе новейших источников, анализируется точка зрения политологов и экспертов государств АСЕАН на эти процессы. Автором используются источники на русском, английском языках. К элементам научной новизны можно отнести следующее:

- рассмотрены и систематизированы основные теоретические подходы к изучению АСЕАН;
- проанализирована модель интеграции ЮВА и выявлен опыт интеграции АСЕАН, представляющий успешный пример для регионального развития;
- раскрыты специфика и перспективы развития многосторонних институтов под эгидой АСЕАН;
- выявлены слабые и сильные стороны интеграции в рамках АСЕАН, а также его влияние на внутреннюю и внешнюю политику организации;
- выявлены совместные политические и экономические интересы Казахстана и АСЕАН на основе изучения новейших материалов саммитов и

многосторонних совещаний;

– сделан SWOT анализ проблем и перспектив отношений Казахстана и АСЕАН на современном этапе и определены основные направления сотрудничества;

– разработаны практические рекомендации по возможным направлениям сотрудничества АСЕАН в среднесрочной и долгосрочной перспективе;

Теоретическая и практическая значимость исследования. Основные положения данного диссертационного исследования могут быть использованы в учебном процессе. Работа может оказаться полезной для разработки учебных курсов по теме азиатского регионализма и проблем Юго-Восточной Азии. Выводы и материалы диссертации могут быть также использованы в качестве аналитического материала для различных государственных учреждений (Правительство РК, Парламент РК, Министерство иностранных дел РК и т.д.).

Положения, выносимые на защиту:

1. В современном мире интеграционные процессы получили глобальное измерение, однако в то же время проявляется ряд характерных региональных особенностей интеграции. Это дало основание для выделения «азиатской» модели глобальной регионализации, в рамках которой АСЕАН рассматривается в качестве ведущей интеграционной структуры региона. Автор видит в АСЕАН черты интеграционного объединения нового поколения, представляя собой синергию «старого регионализма» и «нового» регионализма.

2. За период с момента создания АСЕАН достиг прогресса в области политической и экономической модернизации и мирного развития. К внутренним факторам, подкрепляющим данное положение можно отнести формирование особой нормативной культуры международного общения Ассоциации в рамках так называемого «Пути АСЕАН», а также переориентация стран региона от конфликтности в сторону развития регионального сотрудничества. Успех «Пути АСЕАН» вдохновил участников Ассоциации проецировать данные нормы на весь макрорегион ЮВА.

3. Достижением АСЕАН стало создание сети диалогового сотрудничества с внешними игроками, что позволило Ассоциации лавировать между экономически и политически стабильными игроками (США, Япония, Китай, Индия), при этом сохраняя свою автономность. Развитие АСЕАН на современном этапе связано с развитием Сообщества АСЕАН в области политики и безопасности, экономики и социокультурной сфере. При этом приоритет в создании сообщества отдается экономическому направлению. Ключевыми задачами АСЕАН является сохранение конкурентноспособности и превращение АСЕАН в «третью силу» в регионе после Китая и Индии в плане экономического развития и инвестиционной привлекательности.

4. АСЕАН и другие партнеры в регионе имеют схожие цели и приоритеты в области либерализации торговли и инвестиций, содействия экономического и технического сотрудничества, обеспечения продовольственной и энергетической безопасности, борьбы со стихийными бедствиями, обеспечения связи. Однако эти вопросы решаются по-разному. Для них приоритеты устанавливаются «сверху вниз» указаниями от экономических лидеров. В силу

сохраняющегося соперничества в регионе результаты деятельности АСЕАН и ее экономических и политических партнеров зависят от крупных игроков региона Китая, Японии, США и Южной Кореи.

5. Автор видит большой потенциал в развитии отношений Республики Казахстан с АСЕАН как на двустороннем, так и многостороннем уровне. Для Республики важно использовать традиционно дружественные отношения с АСЕАН для успешного вхождения в состав АРФ, а также для успешного сотрудничества в рамках ШОС, СВМДА и других диалоговых площадках.

6. Казахстан и страны Центральной Азии могут сыграть решающую роль в реализации сухопутной части китайской инициативы «Один пояс, один путь». Республики региона обладают большими транзитными возможностями. Республике Казахстан может сконцентрировать собственные ресурсы на развитии внутренней интеграции для развития новых механизмов регионального партнерства в рамках проекта «Нового Шелкового Пути», что в свою очередь, открывает большие перспективы и возможности перед компаниями стран АСЕАН по выходу на рынки Казахстана и Центральной Азии.

7. Для АСЕАН союз с Евразийским экономическим союзом открывает возможность к более глубокому проникновению в относительно уединенный континентальный регион. С другой стороны, альянс с АСЕАН позволяет странам ЕАЭС преодолевать континентальные барьеры и использовать альянсы с компаниями АСЕАН как платформу для интеграции в мировую экономику, для получения доступа к быстрорастущему азиатскому рынку и оптимизации транспортных расходов.

8. Использование «мягкой силы», а именно развития взаимных проектов в сфере СМИ, образования, культурного обмена будут играть важную роль в процессе построения взаимоотношений Казахстана и АСЕАН.

Апробация результатов исследования. Основные положения, результаты и выводы диссертационного исследования были отражены в 10 публикациях, в том числе 3 казахстанских изданиях, рекомендованных Комитетом по контролю в сфере образования и научных РК; в 1 международном журнале, который индексируются в базе данных компании Scopus; 5 статьи в материалах международных научно-практических конференций, из которых 4 – зарубежные. Кроме того, докторант представила основные результаты диссертационной работы на площадке Казахстанского института стратегических исследований в рамках обсуждения научных работ молодых исследователей.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, трех разделов, заключения и списка использованных источников. Полный объем диссертации состоит из 131 страницы. Диссертация включает 3 рисунка, 4 таблицы и 1 приложение. Список использованных источников включает 249 наименований.

1 ТЕОРЕТИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЮВА

1.1 Основные подходы к понятию регионализации, регионалистики и интеграционных процессов

Термин «глобализация» стал ключевой концепцией, объясняющую международную систему и нынешнюю трансформацию мира после окончания «холодной войны». В то же время «регионализм», «регионализация» или «региональная интеграция» стали своего рода противоположными концепциями в отношении «глобализации».

С конца 80-х годов глобализация изменила международную экономическую среду на регионализм [15, р. 5]. Действительно, в XXI веке политическое и экономическое развитие стало определяться в контексте развития процесса регионализации. Обновленный академический интерес к регионализму, появление новых региональных образований и соглашений о международной торговле, таких как Североамериканское соглашение о свободной торговле и развитие единого европейского рынка демонстрируют повышенное значение политического сотрудничества к регионам [16, р. 160].

Джозеф Най определил международный регион «как ограниченное число государств, связанных географическим отношением и степенью взаимной взаимозависимости», а регионализм как «формирование межгосударственных объединений или группировок на основе регионов» [17, р. 7]. Это определение, однако, никогда не принималось единогласно, и некоторые аналитики отметили, например, что множество региональных организаций, созданных по инициативе развивающихся стран, не способствовали стремительному росту регионализма в странах третьего мира. Другие авторы, такие как Эрнст Б. Хаас, подчеркнули необходимость различать понятия регионального сотрудничества, региональной системы, региональной организации и региональной интеграции и регионализма [18, р. 607-610].

Российские ученые В.Г. Игнатов и В.И. Бутов рассматривают «регион» как «отдельную территорию в административных границах государства, характеризующуюся комплексностью, целостностью, специализацией и управляемостью» [111].

Хелд рассматривает регион с точки зрения юриспруденции и определяет его как «географическая группа соседних национальных государств, которые достигли устойчивого уровня взаимодействия и институционализированной кооперации посредством многосторонней структуры» [112].

«Декларация о регионализме» ООН рассматривает регион как «выражение отличительной политической самобытности, которая может принимать всяческие политические формы». Таким образом регион рассматривается как географическое пространство, население которого объединяют общие ценности и самобытность [113].

Таким образом, при изучении региона в теории международных отношений именно идентичность рассматривается как своеобразный ключ к конструированию региона как экономического, политического, социального и

институционального пространства [114].

Вместе с тем, внутри регионов образуются суб-регионы, которые характеризуются тем, что включают в себя группу государств, с более тесными взаимоотношениями в отношении всего региона. В этой связи, можно считать, что регионализация приобретает ряд особенностей, что выразилось в образовании, *субрегиональных союзов*, таких как Европейская ассоциация свободной торговли или Содружество независимых государств, а также *общерегиональных* экономических группировок, таких как НАФТА, АСЕАН, АТЭС.

Инициативы в направлении более тесной региональной интеграции относятся к 1980-м годам. Первые согласованные инициативы регионализма имели место быть в 1950-х и 1960-х годах. Однако в конце 1990-х годов появился новый интерес к регионализму и привел к быстрому появлению глобальной системы регионов с политическими и экономическими параметрами.

К концу Второй мировой войны регионализм еще не вошел в словарь международных отношений. Однако к 1940-м годам все большее число ученых уже выступало за «выход из теоретического и неэффективного универсализма в русло практического регионализма» [20, р. 45]. Регион как единый анализ стал важным не только в контексте холодной войны, но и в результате деятельности самих регионов. Из-за последующих требований со стороны государств, которые уже ввели крупные политические инвестиции в региональные механизмы, такие как Межамериканская система, Содружество Наций и Лига арабских государств, регионализм появился в окончательной редакции Устава ООН [21].

Эндрю Харрел выделяет пять элементов регионализма: 1) регионализация; 2) региональная осведомленность и идентичность; 3) региональное межгосударственное сотрудничество; 4) региональная интеграция, поддерживаемая государством; и 5) региональная сплоченность. Регионализм, таким образом, согласно Э. Харрел, является ментальным и/или физическим направлением формирования региональной идентичности, основанная на предположении, что такая идентичность приведет к дальнейшей регионализации (создание регионального образования, более тесного сотрудничества и/или интеграции), что, в свою очередь, будет способствовать развитию населения региона. Таким образом, понятие регионализма двояко: регионализм, определяемый в строгом смысле слова, как идеология или лозунг и регионализация, определяемая в широком смысле, касающаяся спонтанного регионального образования, регионального сотрудничества, международной региональной интеграции и формирования региональной идеологии [24, р. 107].

Кроме того, Майкл Шульц определил различия между регионализмом и регионализацией ниже;

«... Регионализм в первую очередь относится к общему явлению, обозначающему формальные проекты, а также процессы в самом широком смысле... регионализм представляет собой совокупность идей, ценностей и конкретных целей, направленных на создание, поддержание или изменение

обеспечение безопасности и богатства, мира и развития в регионе: стремление любого набора участников к реорганизации вдоль определенного регионального пространства. Регионализация подразумевает элемент активизма и обозначает эмпирический процесс, который можно определить как процесс относительной гетерогенности и отсутствия сотрудничества в направлении расширения сотрудничества, интеграции, конвергенции, согласованности и самобытности в различных областях, таких как культура, безопасность, экономическое развитие и политика, в пределах данного географического пространства. «... регионализм ... может описывать государство, рынок и широкий круг субъектов гражданского общества и что он выходит из соответствующего (эмпирического) процесса регионализации региона, рынка и гражданского общества ...» [115].

Таким образом, термин «регионализм» является наиболее подходящей концепцией для этой диссертации. Во-первых, регионализм содержит регионализацию и региональную интеграцию или обозначает ценности конкретных проектов, как указал Шульц. Во-вторых, регионализм, как отмечает М. Шульц, больше фокусируется на процессе регионализации, в том числе и на региональной организации. В Восточной Азии существует несколько региональных проектов, таких как АТЭС, ЕврАзЭС, АФТА, но среди них АСЕАН воспринимается как организация, формирующая конструктивную региональную систему. В данной диссертации будет рассмотрено какое влияние регионализм оказал на Восточную Азию с конца 1980-х годов в контексте АСЕАН. При этом необходимо рассмотреть регионализм с позиции интеграционных процессов.

Региональная интеграция является одним из основных направлений развития международных экономических отношений за последние несколько десятилетий. Существует множество примеров, практически повсеместно в мире, которые демонстрируют, что это не изолированное событие, а реальное глобальное явление.

Растут возможности, предоставляемые различными формами соглашений об экономической интеграции, а также способы их использования.

Региональная интеграция – это процесс, посредством которого независимые национальные государства «добровольно смешиваются, сливаются и смешиваются со своими соседями, теряют фактические атрибуты суверенитета, но приобретают новые методы разрешения конфликтов между собой» [116].

П. Де Ломбарде и Л. Ван Лангенхоу описывает интеграцию как всемирный феномен территориальных систем, который увеличивает взаимодействие между их компонентами и создает новые формы организации, которые сосуществуют с традиционными формами государственной организации на национальном уровне [117] Некоторые ученые рассматривают региональную интеграцию просто как процесс, посредством которого государства в конкретном регионе увеличивают свое взаимодействие по уровню экономического, социального и культурного характера [118].

Согласно Балассе [26, р. 1], экономическая интеграция может быть определена как «ликвидация дискриминации в пределах региона». Ф. Канерт определяет ее как «процесс постепенного устранения тех различий, которые происходят на национальных границах» [119]. Поэтому меры, которые только уменьшают дискриминацию между странами, называются экономическим сотрудничеством, а не экономической интеграцией. Р. Аллен [120] утверждает, что каждый исследователь понимает экономическую интеграцию по-разному. Согласно Р. Аллену, одним из основных вкладов Б. Балассы является то, что он дает определение интеграции и показывает ее отличие от сотрудничества. Так, интеграция - это ограничение дискриминации, а сотрудничество просто снижает ее негативные последствия.

Иными словами, региональная интеграция - это объединение отдельных государств в регионе в более крупное целое. Степень интеграции зависит от готовности и приверженности независимых суверенных государств делиться своим суверенитетом.

Региональные инициативы по интеграции, по словам В. Ван Лангенхоу, должны выполнять по меньшей мере восемь важных функций:

- укрепление торговой интеграции в регионе;
- создание надлежащих благоприятных условий для развития частного сектора;
- развитие инфраструктурных программ в поддержку экономического роста и региональной интеграции;
- развитие сильных институтов государственного сектора;
- сокращение социальной изоляции и развитие инклюзивного гражданского общества;
- вклад в дело мира и безопасности в регионе;
- создание программ по охране окружающей среды на региональном уровне;
- укрепление взаимодействия региона с другими регионами мира [117, с. 377-383].

Интеграция имеет множество различных форм. Большим вкладом в разъяснение этого вопроса является книга Б. Балассы «Теория экономической интеграции», которая широко цитируется во всех последующих исследованиях экономической интеграции. По Балассе существует четыре разных этапа экономической интеграции - зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок и экономический союз.

До сих пор нет единого мнения о точном числе и характеристиках форм развития (этапов) интеграции. Автор предлагает классификацию, включающую восемь этапов интеграции, основанные главным образом на подходе Балассы к определению их содержания и различий между ними (таблица 1).

Таблица 1 - Этапы экономической интеграции - основные особенности и примеры

Этап интеграционного процесса	Основные характеристики	Пример
1	2	3
Льготные торговые соглашения	Снижение торговых барьеров между государствами-членами	<p>На двусторонней основе:</p> <ul style="list-style-type: none"> – Индия - МЕРКОСУР (2009) – АСЕАН - КНР (2005) <p>На многосторонней основе:</p> <ul style="list-style-type: none"> – Азиатско-тихоокеанское торговое соглашение; – Организация экономического сотрудничества; – Ассоциация Латинской Америки; – Южно-азиатская преференциальная торговая организация; – Южно-тихоокеанское региональное торгово-экономическое сотрудничество; – Соглашение
Зона свободной торговли	Нулевые тарифы	<p>Зона свободной торговли АСЕАН:</p> <ul style="list-style-type: none"> – Азиатско-тихоокеанское торговое соглашение; – Центрально-американская система интеграции; – Центральное-вропейское соглашение о свободной торговле. <p>Общий рынок для Восточной и Южной Африки:</p> <ul style="list-style-type: none"> – Соглашение о свободной торговле G-3; – Большая арабская зона свободной торговли; – Соглашение о свободной торговле в Доминиканской Республике и Центральной Америке; – Совет сотрудничества стран Персидского залива; – Северо-американское соглашение о свободной торговле; – Тихоокеанский союз; – Соглашение о свободной торговле Южной Азии; <p>Сообщество по вопросам развития стран юга Африки</p>
Таможенный союз	Общий таможенный тариф	<p>Андское сообщество</p> <p>МЕРКОСУР</p> <p>Восточно-африканское сообщество</p> <p>Южно-Африканский таможенный союз</p>

Продолжение таблицы 1

1	2	3
		Таможенный союз Беларуси, Казахстана и России ЕС - Андорра, ЕС - Сан-Марино, ЕС - Турция Швейцария - Лихтенштейн Израиль - Палестинская администрация
Общий рынок	Свободное перемещение производственных факторов	Европейская экономическая зона Европейская ассоциация свободной торговли Южноазиатская зона свободной торговли Единое экономическое пространство Таможенного союза Беларуси, Казахстан и Россия Швейцария - Европейский Союз Канада - Соглашение о внутренней торговле
Экономический союз	Согласование и координация экономической политики	Единый рынок ЕС КАРИКОМ Союзное государство России и Белоруссии Монако - Европейский союз
Экономический и валютный союз	Общая денежная политика, единая валюта	Экономический и валютный союз ЕС Восточно-Карибский валютный союз Монако - Еврозона
Полная экономическая интеграция	Наднациональные компетенции, унификация экономической политики	
Политический союз	Общая политика во внешних отношениях, безопасность	
Примечание – Составлено автором		

Согласно А. Панагария [121], самой низкой формой интеграции является преференциальное торговое соглашение. Это соглашение между двумя или более странами, в которых товары, произведенные в союзе, подвержены более низким торговым барьерам, чем товары, произведенные за пределами союза. Таким примером являются соглашения об экономическом партнерстве между Европейским союзом и африканскими, карибскими и тихоокеанскими странами.

Зона свободной торговли является преференциальным торговым соглашением, в которой страны-члены не налагают никаких торговых барьеров (нулевые тарифы) на товары, произведенные в зоне соглашения. Однако каждая страна сохраняет свои тарифные барьеры для торговли с государством вне

такого соглашения. Обычно это называется «интеграцией торговли» [122]. ЗСТ определены в пункте (8) статьи (XXIV) Генерального соглашения по торговле и тарифам (ГАТТ) следующим образом: Под зоной свободной торговли понимается группа из двух или более таможенных территорий, в которой отсутствуют пошлины и другие ограничительные правила торговли ...». Например, Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА), образованное США, Канадой и Мексикой в 1993 году [123].

Таможенный союз является зоной свободной торговли, в котором страны-члены применяют общий внешний тариф на товары, импортируемые из других стран. Самый известный пример - Европейское Сообщество, образованное в 1957 году Западной Германией, Францией, Италией, Бельгией, Нидерландами и Люксембургом.

Общий рынок – это таможенный союз, который также позволяет свободно перемещать труд и капитал среди стран-членов. Помимо этого, для достижения такого уровня интеграции, участники должны устранить все торговые барьеры (включая нетарифные ограничения), а также обеспечить определенный уровень координации некоторых экономических политик. Обычно это называется «факторная интеграция». В начале 1993 года ЕС достиг статуса общего рынка.

Экономический союз – еще более глубокая форма интеграции, в которой существует гармоничная и даже унифицированная денежно-кредитная и фискальная политика отдельных стран. На основе общего рынка экономическая политика в разных областях интегрирована, формируются общие подходы и обеспечивается скоординированное финансирование. Устранение дискриминации связано с определенной степенью координации национальной экономической политики с целью устранения различий между ними. Этот этап часто называют «интеграцией политики».

Конечной целью экономического союза является Экономический и валютный союз, который устанавливает единый механизм обменного курса, который превращается в единую валюту, которая функционирует на общем рынке. Существует общая денежно-кредитная политика и координация макроэкономической политики государств-членов. Примером экономического валютного союза является еврозона в ЕС, которая с 2001 года имеет единую валюту - евро. Б. Баласса говорит об очередном этапе интеграционного процесса - полной экономической интеграции, который «подразумевает унификацию денежной, фискальной, социальной и антициклической политики и требует создания наднациональных органов власти, решения которых являются обязательными для государств-членов». Здесь формулирование и осуществление экономической политики является исключительной компетенцией институтов интеграционного сообщества.

Некоторые исследователи утверждают, что существует еще один этап интеграционного процесса, который, однако, является политическим. Конечной политической целью интеграции является достижение политического союза, где интеграция осуществляется в областях, затрагивающих национальный суверенитет. До сих пор ни одно интеграционное сообщество не достигло такого этапа интеграции, хотя ЕС прилагает усилия для углубления

политической интеграции, чтобы стать реальным политическим союзом - с введением общего гражданства и попытками осуществления общей политики в иностранных делах, безопасности, правосудия и внутренних дел.

Э. Хаас отмечает, что одним из главных ограничителей успешной региональной интеграции является разница в экономическом развитии стран-участниц [124]. Вместе с тем, условием развития интеграции может быть использование формы «открытых национальных экономик», которая, однако несет угрозу для стран с низким уровнем развития экономики. Такого рода интеграция может негативно влиять на волю населения вступать в какие либо региональные объединения либо ассоциации. Вместе с тем, стоит отметить, что если интеграционное объединение представляет собой развитый и институализированный орган, то существуют все предпосылки для формирования успешного и всесторонне развитого интеграционного пространства.

Необходимо подчеркнуть также, что процесс интеграции представляет собой закономерный процесс, в котором процессы интегрирования проходят постепенно, но не волнообразно с резкими изменениями. Акцентируя внимание на экономической интеграции, необходимо отметить, что АСЕАН в соответствии со ступенями развития интеграции Б. Балассы преодолел первый этап – создание ЗСТ внутри Ассоциации. Кроме того, АСЕАН заключил ЗСТ не только с внутренними партнерами, но также и с внешними игроками, такими как Китай, Австралия, Новая Зеландия, Южная Корея, Япония. Однако из всех внешних партнеров, только с Австралией АСЕАН имеет ЗСТ высокого уровня развития, включающее в себя 4 уровня таких как перемещение товаров, услуг, людей и капиталов.

Процесс регионального сотрудничества необходимо рассматривать значительно шире, чем региональную интеграцию. Если максимально возможное число членов зоны свободной торговли – 16, исходя из существующих и серьезно рассматриваемых концепций, то в процессе кооперации будет включено значительно большее число стран. В данном вопросе надо исходить из функционирования форума АТЭС и Манильской программы действий.

Значимый вклад в исследование концептуальных основ регионального сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе именно в АТР, поскольку, рассматривая региональную кооперацию нельзя ограничиваться границами Восточной Азии, внес американский экономист, директор Института международной экономики Петерсона Фред Бергетен.

В основе критериев членства и качества заключенных соглашений предложил возможные направления расширения сотрудничества в регионе. Первый критерий членства предполагает, что рассматривать процесс регионального сотрудничества можно либо внутри стран Азии, либо в масштабах всего Азиатско-Тихоокеанского региона. Под «качеством» Бергстен понимает направления заключения двусторонних и многосторонних соглашений. Двусторонние соглашения с участием Соединенных Штатов Америки охватывают гораздо более широкий круг направлений, включая так

называемые чувствительные сектора экономики, такие как сельское хозяйство. А все двусторонние и многосторонние (НАФТА) соглашения о свободной торговле, заключенные между странами – участницами Транстихоокеанского партнерства, по данным ВТО, распространяются как на торговлю товарами, так и на торговлю услугами.

Что же касается двусторонних соглашений о свободной торговле, заключенных внутри региона Восточной Азии, преимущественно с участием Китая, то они в большинстве случаев исключают такие сектора, как сельское хозяйство, из-под действия норм заключенных соглашений.

При исследовании процессов торговой либерализации можно говорить об уникальности Восточной Азии как региона. Его уникальность выражается в первую очередь в «интеграционной мотивации». Сейчас много говорят о так называемой корпоративной модели интеграции. Этот термин полностью применим к Восточной Азии, в особенности к формату АСЕАН+3, где главными движущими силами выступают компании Китая и Японии. Современная корпоративная интеграция представляет собой своеобразный кластер экономических взаимосвязей в глобальном мире с общим разделением труда. При этом корпоративная интеграция опирается не столько на торговые и агентские сети (которые, впрочем, продолжают играть важную роль), сколько на инвестиционную активность транснациональных корпораций. Таким образом, исходя из данного определения можно сказать, что корпоративная модель интеграции основывается на двух направлениях: торгово-производственном и инвестиционном переплетении. И то, и другое направление получили развитие в Восточной Азии. Причем если лидером в расширении торговых и производственных сетей выступает Китай, то локомотивом инвестиционного сотрудничества на корпоративном уровне выступают японские компании.

Таким образом, еще одной отличительной особенностью Восточной Азии как региона является усиление корпоративных связей. При этом бизнес-структуры в Азии все чаще выступают инициаторами создания формальных региональных объединений (пример – АТЭС), тем самым содействуя формированию «классических» интеграционных группировок на уровне государств.

Кроме того, в Восточной Азии действуют несколько трансграничных проектов, так называемых треугольников роста, которые возникли в 1980-х гг., в большинстве своем нацеленных на совместное развитие инфраструктуры и освоение ресурсов. В 1989 г. для интенсификации экономического взаимодействия был создан треугольник, объединяющий Сингапур и территориальные образования Малайзии и Индонезии. К настоящему моменту в Юго-Восточной и Восточной Азии сформировались уже несколько таких треугольников, например отдельные территориальные образования Малайзии, Индонезии и Таиланда; Бруней и отдельные территориальные образования Филиппин, Индонезии и Малайзии; экономическое сотрудничество в районе Желтого моря (Южная Корея, отдельные провинции Китая и префектуры Японии). И тот факт, что такие неформальные объединения функционируют в

регионе наравне с формальными интеграционными группировками, решения о создании которых принимаются на уровне государств, действительно свидетельствует о появлении совершенно новой, до сих пор неизвестной и еще слабо изученной интеграционной модели.

1.2 Концептуальные аспекты изучения интеграционных процессов в Юго-Восточной Азии и роль АСЕАН в межрегиональном сотрудничестве

Для более глубокого понимания региональных процессов в Азии, необходимо раскрыть понятия Восточной и Юго-Восточной Азии, а также раскрыть понятие «нового регионализма».

На рисунке 1, на карте желтым цветом обозначена «Восточная Азия», которая включает в себя Китай, Японию, Северную Корею, Южную Корею и Монголию, а оранжевая часть называется «Юго-Восточная Азия», которая включает материк Юго-Восточной Азии, включающий Камбоджу, Лаос, Мьянму, Таиланд, Вьетнам и полуостровную Малайзия и приморскую часть Юго-Восточной Азии, который включает Бруней, Восточную Малайзию, Восточный Тимор, Индонезию, Филиппины и Сингапур.

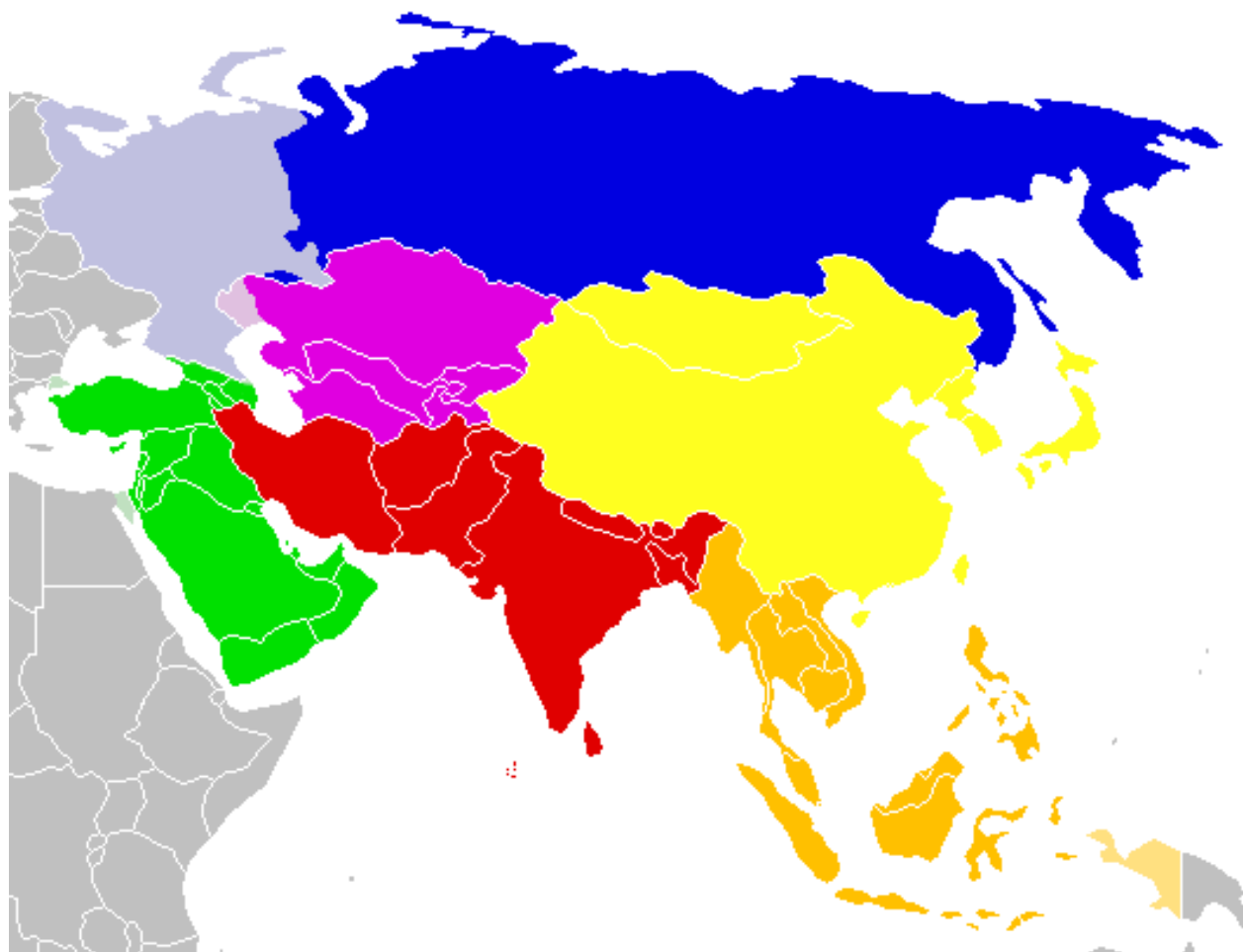

Рисунок 1 – Карта Юго-Восточной Азии

Примечание - Составлено автором

В данной работе «Восточная Азия» рассматривается как субрегион Азии как на географическом, так и на культурном уровнях. Географически и геополитически, во-первых, Восточная Азия включает Восточную Азию и Юго-Восточную Азию (в основном страны АСЕАН). Восточная Азия и Юго-Восточная Азия связаны как континентами, так и морем; поэтому эти страны с древних времен сохраняют тесное сотрудничество. Во-вторых, регион Восточной Азии включает в себя Японию, развивающиеся страны, такие как Китай и большинство стран АСЕАН, а также Северную Корею. Тот факт, что страны находятся на разных позициях в регионе, говорит о том, что на данном этапе развития этим странам выгодно сотрудничать друг с другом. Кроме того, Восточная Азия и Юго-Восточная Азия тесно связаны в рамках сотрудничества «АСЕАН+3» и «АСЕАН+1»; а также в рамках зоны свободной торговли АСЕАН-Китай, Всеобъемлющего экономического партнерства АСЕАН-Япония, которые также в значительной степени укрепляют отношения между Восточной Азией и Юго-Восточной Азией.

Большинство культур Юго-Восточной Азии подвержены влиянию Китая. Прежде всего, многие общества в Восточной Азии были частью китайской культурной сферы в истории. Поэтому, учитывая географическую связь, исторические взаимодействия и текущие достижения, целесообразно использовать как Восточную Азию, так и Юго-Восточную Азию в контексте региональной интеграции в Восточной Азии.

В контексте Юго-Восточной Азии очень часто упоминается понятие «нового регионализма». Как отмечают многие ученые, регионализм не является новым явлением. Например, перед началом Второй мировой войны существовали экономические региональные блоки. С другой стороны, регионализм рассматривался как важная стратегия обеспечения региональной безопасности, мира, развития и благосостояния, особенно в Европе 1950-х и 1960-х годах. Старый регионализм имел определенные цели; зоны свободной торговли или альянсы безопасности. М. Шульц назвал его гегемонистским регионализмом [115, р. 3].

С другой стороны, «новый регионализм» имеет несколько разных измерений, хотя они в какой-то степени схожи. Новый регионализм связан с нынешней трансформацией мира, то есть новый регионализм взаимодействует с глобальной (экономической) системой. Шульц характеризует «новый регионализм» как «... переход от биполярности к многополярной или, возможно, триполярной структуре, сосредоточенной вокруг ЕС, НАФТА и Азиатско-Тихоокеанского региона, с новым разделением власти и новым разделением труда» [115, р. 3].

Нынешний регионализм имеет тенденцию быть более спонтанным процессом, возникающим извне и внутри самого региона. Кроме того, новый регионализм представляет собой неоднородное, всеобъемлющее и многоплановое явление, основанное на рыночных и общественных организациях, а также на национальных государствах и охватывающее экономические, культурные, политические, аспекты безопасности и окружающей среды. Нынешний регионализм не всегда можно понять как

отдельную альтернативу национальным интересам и национализму. Размер регионализма простирается от мегарегионов, таких как АТЭС, макрорегионов, таких как ЕС или НАФТА, и субрегионов (микрорегионов), таких как АСЕАН.

Новый регионализм представляет собой сложный процесс трансформации в результате глобальных, региональных, национальных и локальных взаимодействий, в которых участвуют национальные государства, а также негосударственные, рыночные и общественные деятели, где цели, институты, организация и процесс формирования в каждом регионе весьма различны.

В отношении нового регионализма в Восточной Азии существуют три типа регионализма: Р. Хацуэ определит три типа регионализма; суб, макро и мега регионализм, принимая во внимание количество участников, уровень развития этапов экономического развития, производственных отношений, культурной идентичности, уровня регионализации и/или региональной интеграции, институциональной формальности и идеологии [24, p. 122].

Субрегиональность можно объяснить с позиции АСЕАН, состоящей из нескольких государств-членов, где руководство организации равномерно распределено между ними. Макрорегиональность, как концепция более подходящая для процесса интеграции в ЕС, в плане более формального институционального формата. На территории азиатского региона макрорегиональность более подходит в рамки ЕврАзЭС. Мегарегиональность наиболее применима в отношении АТЭС в Восточной Азии. Этот тип регионализма состоит из стремления к созданию экономической зоны, разделяемой большим числом государств-членов с развитыми странами. Включают в себя сочетание горизонтального и вертикального разделения труда, подразумевая неравное распределение экономических достижений, гетерогенность с точки зрения культуры, открытости, гибкой схемы внутреннего/внешнего сотрудничества [24, p. 122].

Внимание к региону Юго-Восточной Азии определяется тем, что в последней четверти века он неуклонно оставался наиболее динамично развивающимся регионом мира. Напомним, что в конце сороковых годов эксперты ООН предрекали, что «азиатская стагнация», вызванная Второй мировой войны, затянется на долгие годы. Однако в пятидесятые годы Япония начала быстро развиваться. В конце 60-х - начале 70-х годов был зафиксирован резкий скачок темпов развития Тайваня, Гонконга, Сингапура и Южной Кореи.

Затем появились две новые концепции в отношении этих государств: научные - «новые индустриальные страны» и «азиатские тигры». В 80-е годы в мире наблюдался быстрый экономический рост стран АСЕАН - Индонезии, Филиппин, Таиланда, Малайзии и Брунея, который стал известен как «азиатские драконы». В конце 80-х годов быстрому экономическому развитию последовал Вьетнам и Китай [125].

В докладе Всемирного банка «Восточноазиатское чудо» [126], говорится, что Восточная Азия стала «центром технологических цивилизаций» - великим историческим сдвигом в истории человечества, который, вероятно, определит форму мира в начале XXI века. В нем также говорится, что за последние 30 лет страны Восточной Азии развивались в два раза быстрее, чем страны Латинской

Америки. В 1993 году совокупный продукт Японии, «четырёх тигров», четырёх драконов и Китая значительно превзошел совокупный продукт США.

В соответствии с А.Ачария существуют три уровня развития регионализации в Юго-Восточной Азии [127]:

- 1960 годы – формирование «паназиатского» регионализма;

- 1960-1990 годы – развитие сотрудничества в АТР с усилением роли АСЕАН;

- с 1990 года – возникновение инфраструктуры «нового» азиатского регионализма.

Таким образом, первые шаги по организации межгосударственного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе были предприняты еще во второй половине 20 века. Однако на общерегиональный уровень интеграционные процессы в экономической сфере в АТР вышли в конце 1980-х годов прошлого века. Основной причиной этому стало желание кооперироваться, чтобы экономически противостоять протекционизму и дискриминационной внешнеэкономической политики ЕС и США по отношению к государствам АТР, а также стремление более полно встраиваться в мирополитические и мирохозяйственные связи [128].

Современные тенденции развития интеграционных процессов в АТР определяются двумя факторами:

- во-первых, этот регион является сферой взаимодействия ведущих участников мировой политики (Китай, Япония, США, Россия);

- во-вторых, для АТР, как ни для какого другого региона, характерны существенные различия в уровнях развития и степени влияния государств-участников интеграционных взаимодействий.

В последние годы в АТР идет активный процесс укрепления уже существующих региональных объединений, а также их модернизация. Наряду с такими региональными организациями и форумами, как АСЕАН, Региональный форум АСЕАН по безопасности, форум «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество», в последние годы все большее значение приобретают такие структуры сотрудничества, как «АСЕАН плюс один», «АСЕАН плюс три», Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии, Диалог по сотрудничеству в Азии. Наряду с экономическими вопросами, участники региональных объединений уделяют большое внимание решению проблем, связанных с вопросами безопасности. В этой связи, в АТР необходимо уделять внимание не только экономическим вопросам, но и вопросам безопасности также. А.Н.Бородавкин отмечает, что формирование более системной и эффективной региональной архитектуры является наиболее приемлемым способом взаимодействия для этого региона [129].

На сегодняшний день в АТР отсутствуют общая система региональной безопасности, учитывая данный аспект регион столкнулся с целым рядом угроз:

- территориальные споры в Южно-Китайском море;

- угроза терроризма, экстремизма и наркотрафика;

- неконтролируемая региональная гонка вооружений;
- опасность распространения ракетных и ядерных технологий;
- неразрешенный вопрос о статусе Тайваня;
- конфликтогенная среда на Корейском полуострове между Республикой Корея и Корейской Народно-Демократической Республикой и т.д.

Распространение мер доверия, расширение военных контактов и обменов, обнародование долгосрочных планов военного и военно-морского строительства, обмен перспективными планами военной деятельности в регионе может привести регион к единой системе безопасности.

Рассматривая Юго-Восточную Азию с позиции значимых интеграционных объединений, которые существуют на ее пространстве, помимо АСЕАН, то нельзя не отметить Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество - АТЭС. АТЭС является межправительственной организацией, объединяющей 21 государство региона [27, р. 7], которое было создано в 1989 году по предложению Австралии с целью развития экономического сотрудничества в Тихом океане. Первоначально в нее вошли 12 стран: Австралия, Бруней, Канада, Индонезия, Япония, Малайзия, Новая Зеландия, Филиппины, Сингапур, Южная Корея, Таиланд и США. В последующие годы к ним присоединились Китай, Гонконг, Тайвань, Мексика, Чили, Новая Гвинея, а также Вьетнам, Перу и Россия.

Развитие АТЭС происходит в соответствии со сценарием, принятым на встрече в Багоре в 1994 году в Индонезии. Таким образом, главные цели организации в соответствии с Багорскими предписаниями являются:

- снижение таможенных пошлин, устранение барьеров в торговле между странами региона;
- построение эффективных экономик с увеличением экспортной составляющей;
- создание к 2020 году во всем регионе системы свободной и открытой торговли и либерального инвестиционного режима.

Форум изначально осуществлял свою деятельность в рамках неофициальной диалоговой группы на уровне министров, в состав которой входили 12 членов из Австралии, Брунея-Даруссалама, Индонезии, Японии, Южной Кореи, Малайзии, Новой Зеландии, Филиппин, Сингапура, Таиланда, Канады и Соединенных Штатов. АТЭС был инициирован в качестве ежегодного совещания министров иностранных дел и торговли для развития экономического сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Основной причиной и целью создания АТЭС является желание создать форум, способствующий улучшению экономических условий государств, что повлечет за собой содействие экономическому росту, содействие сотрудничеству между государствами, либерализацию торговли и создание возможностей для инвестиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В течение последних двух десятилетий АТЭС и АСЕАН работают над содействием в развитии региональной экономической интеграции в Азии. Хотя АТЭС является гораздо более обширной организацией, АСЕАН состоит из десяти членов в непосредственной географической близости и имеет

соглашения о свободной торговле с Китаем, Индией, Республикой Корея, Японией, Австралией и Новой Зеландией. АСЕАН также сотрудничает с США и Россией на уровне Восточно-Азиатских саммитов, а также с Канадой и Европейским союзом как с партнерами по диалогу. Помимо экономики, АСЕАН также работает над политическим обеспечением и социально-культурным сотрудничеством в регионе.

АТЭС и АСЕАН имеют схожие цели и приоритеты в области либерализации торговли и инвестиций, содействия экономического и технического сотрудничества, обеспечения продовольственной и энергетической безопасности, борьбы со стихийными бедствиями, обеспечения связи. Однако эти вопросы решаются по-разному. Для АТЭС приоритеты устанавливаются «сверху вниз» указаниями от экономических лидеров. Затем они объединяются идеями и инициативами «снизу вверх» с непосредственным вкладом бизнес-сообщества, рабочих групп и проектов по наращиванию потенциала [130]. С другой стороны, АСЕАН в основном использует подход «сверху вниз» и имеет юридически обязывающие региональные обязательства.

Особенностью работы АТЭС является его работа в качестве экономического и торгового форума, где страны-члены участвуют в нем на добровольной основе. На форуме обсуждается устранение торговых барьеров и увеличение инвестиций, не требуя от своих членов вступить в юридически обязывающие предписания. Это один из его основных недостатков, поскольку данный неофициальный подход побуждает членов АТЭС участвовать в нем, но не прибегая к каким-либо эффективным механизмам соблюдения обязательств. Несмотря на это, Хью Патрик [131] отмечает, что «рекорд АТЭС неоднозначен, но положителен». Его общее влияние не следует недооценивать. Снижая тарифы и другие барьеры в торговле, страны-члены АТЭС стали более эффективными, а экспорт резко расширился. Реальный ВВП региона удвоился с 17,7 трлн. долл. США в 1989 году до 35,8 трлн. долл. США в 2010 году. Для сравнения, реальный ВВП в остальном мире вырос только на 3 процента в год - с 17,2 трлн. долл. США до 31,9 трлн. долл. США. Объем торговли товарами внутри страны увеличился с 1,7 млрд. долл. США в 1989 году до 9,9 трлн. долл. США в 2010 году, и составляет 67 процентов от общей торговли товарами АТЭС. Сотрудничество стран в рамках АТЭС способствовало упрощению бизнеса, укреплению потенциала и безопасности людей. АТЭС сотрудничая на самом высоком политическом уровне и охватывая более широкую географическую территорию оказывает сильное влияние на процесс глобализации.

АТЭС стремится к созданию большего благосостояния для населения региона путем содействия сбалансированному, всеобъемлющему, устойчивому, инновационному и безопасному росту и ускорению региональной экономической интеграции. АТЭС гарантирует, что товары, услуги, инвестиции и люди могут легко перемещаться через границы. Страны-члены облегчают эту торговлю посредством более быстрых таможенных процедур на границах; формированием более благоприятного бизнес-климата за границей; и согласованием правил и стандартов по всему региону. Например, АТЭС ведет к

синхронизации систем регулирования, которые являются ключевым шагом в интеграции экономики Азиатско-Тихоокеанского региона. Продукция может быть легко экспортирована только с одним набором общих стандартов во всех странах АТЭС - Австралия; Бруней-Даруссалам; Канада; Чили; Китайская Народная Республика; Гонконг, Китай; Индонезия; Япония; Республика Корея; Малайзия; Мексика; Новая Зеландия; Папуа - Новая Гвинея; Перу; Филиппины; Российская Федерация; Сингапур; Китайский Тайбэй; Таиланд; США, Вьетнам.

АТЭС превратилась в динамичный двигатель экономического роста и один из самых важных региональных форумов в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В 21 стране-члене проживает около 2,8 миллиарда человек и составляет примерно 57 процентов мирового ВВП и 49 процентов мировой торговли в 2014 году.

В АТЭС входят страны с такими крупными экономиками, как США, Китай и Япония. Такой состав может быть и причиной проблем в организации, например соперничеством этих держав, а значит могут возникнуть препятствия на пути к достижениям общих целей Форума. Российские ученые Н.А. Васильева и М.Л. Лагутина отмечают, что формат реализации общих целей имеет важное значение: «С одной стороны, подобный формат очень удобен, поскольку позволяет варьировать деятельность в рамках организации в зависимости от конкретной ситуации, но, с другой стороны, тот факт, что осуществление практических действий находится в сфере полномочий национальных государственных структур, является потенциальной основой изменения динамики развития, что и произошло во время экономического кризиса 2008-2009 гг. [29, с. 87]. Действительно способ работы АТЭС основан на отсутствии правил работы, консультаций и обмена идеями. Организация была создана на основе понимания последовательного и растущего экономического роста и улучшения благосостояния. В 1994 году этот подход трансформировался в понимание Богорских целей, подразумевая свободную и открытую торговую и инвестиционную политику в Азиатско-Тихоокеанском регионе [132]. Вместе с тем Лагутина и Васильева в защиту Форума приводят аргумент, что АТЭС это не организация, а «институт альтернативной формы управления, создаваемый государствами с целью прогнозирования глобальных экономических процессов (именно поэтому участники АТЭС называют себя не государствами, а экономиками)» [29, с. 88].

Действительно, целями данного форума являются:

1. Содействовать росту и развитию региона для общего блага своих народов и таким образом способствовать росту и развитию мировой экономики.
2. Повысить положительную выгоду как для региона, так и для мировой экономики, в результате повышения экономической взаимозависимости, в том числе путем поощрения потока товаров, услуг, капитала и технологий.
3. Развивать и укреплять открытую многостороннюю торговую систему в интересах стран Азии и всех других экономик.
4. Уменьшить барьеры для торговли товарами и услугами между участниками в соответствии с принципами, где это применимо, и без ущерба для других стран.

Структура интеграции Организации Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества находится на трех основных направлениях. Этими столпами являются либерализация торговли и инвестиций, простота торговли, экономическое и техническое сотрудничество [133].

В то же время АСЕАН также успешно внедряет «путь АСЕАН» в АТЭС. Как и АСЕАН, АТЭС зависит от консенсуса в отношении принятия решений и не требует от своих членов законных обязательств, а вместо этого «обязательства принимаются на добровольной основе».

Таким образом, АТЭС описывает себя как «совместный многосторонний экономический и торговый форум ... [который] является единственной международной межправительственной группировкой в мире ... [которая не требует] от своих членов вступать в юридически обязывающие обязательства. АТЭС достигает своих целей путем развития диалога и принятия решений на основе консенсуса, придавая равный вес мнениям всех членов» [134].

Азиатский кризис, в этом плане, имел такое же значение - он сильно подорвал представление об АТЭС как об эффективной региональной экономической структуре. Если страны Юго-Восточной Азии и Япония имели какие-то экономические интересы в АТЭС, так это, определенно, уверенность, что Форум служит залогом помощи со стороны США в поддержании экономической стабильности.

Если говорить о Японии, то, безусловно, для нее АТЭС – это вопрос сдерживания в регионе Китая. Поэтому, поначалу, она продвигала Форум в такой же мере, что и Штаты с Австралией. Возможно причиной тому так же старое стремление Японии служить особым мостом между западными и восточными государствами. Тем не менее, особенно после Азиатского кризиса, Япония уже не скрывает переориентации своей внешней политики в сторону Юго-Восточной Азии и не так скептически относится к возможности неучастия США в региональных объединениях, примером чему может служить и концепция японского премьер-министра Юкио Хатоямы о «Восточноазиатском сообществе», позиция США в котором остается неясной [135].

Несмотря на эти переплетения различных интересов участвующих экономик АТЭС, безусловно, когда речь идет о будущем АТЭС, нельзя говорить о его несостоятельности. Помимо всех геополитических перипетий в АТР существуют также и интересы бизнеса, где в рамках АТЭС есть несколько эффективных инициатив. После того, как в 1997 году была создана группа по мобильности деловых людей (Business Mobility Group), помимо традиционных мер против коррупции и барьеров для деловой мобильности, была разработана система карт для деловых поездок (APEC Business travel card). Она позволяет свободно передвигаться в экономиках-участницах проекта с ускоренной процедурой оформления в аэропорту и с отсутствием необходимости оформления визы. «Система карт АТЭС была первоначально введена в тестовом режиме в 1997 году тремя экономиками: Австралией, Республикой Корея и Филиппинами. В 1998 к ней присоединились Чили и Гонконг. В результате анализа итогов проект оправдал себя, и в 1999 году присоединяются новые участники – Новая Зеландия и Малайзия, далее – Бруней, Перу и

Таиланд в 2001, затем Китай и Индонезия в 2002. После этого система была полностью или частично принята всеми экономиками. Исключения в данном случае составляют США, Канада и Россия – они участвуют в программе не в полной мере, а в качестве транзитных членов» [136].

Возвращаясь к противоречиям в АТЭС, прежде, чем давать окончательную оценку Форуму, хотелось бы рассмотреть одну из последних инициатив, которая поставила в затруднительное положение тех, кто однозначно говорил о «затухании» сотрудничества в рамках АТР. Речь идет о Транстихоокеанском партнерстве.

Транстихоокеанское партнерство (Trans-Pacific Partnership, TPP) – преференциальное торговое соглашение между 12-ю странами АТР (США, Канада, Япония, Австралия, Новая Зеландия, Бруней, Вьетнам, Сингапур, Малайзия, Перу, Чили, Мексика). Потенциальными членами объединения являются еще шесть государств: Филиппины, Индонезия, Тайвань, Южная Корея, Таиланд, Индонезия. Соглашение о создании Транстихоокеанского партнерства было подписано 4 февраля 2016 года в Окленде, Новая Зеландия. Заявленные цели партнерства - снижение тарифных барьеров, регулирование внутренних правил в странах-участницах в таких сферах, как трудовое право, экология, интеллектуальная собственность и другие [137].

ТПП имеет стратегическую цель поддержки формирования зоны свободной торговли и инвестиций в регионе АТЭС к 2020 г. с учетом Богорских целей. Недаром в АТЭС это партнерство рассматривают как первый этап на пути формирования Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли, как записано в Декларации лидеров АТЭС и станет комплексным соглашением о зоне свободной торговли на основе построения региональных структур по моделям АСЕАН+3, АСЕАН+6 и ТПП.

23 января 2017 года новый президент США Дональд Трамп подписал указ о выходе США из соглашения о Транстихоокеанском партнерстве. Президент Мексики Пенья Ньето пообещал начать двусторонние переговоры со странами, входящими в Транстихоокеанское партнерство, после выхода США из соглашения. По его словам, в ТПП входят пять стран, являющихся важными партнерами для Мексики в части торговли, инвестиций и туризма. Согласно расчетам Института мировой экономики Петерсона (США), реальные доходы участников партнерства в результате соглашения могли возрасти на 285 миллиардов долларов, экспорт на 440 миллиардов долларов к 2025 году. Но большую выгоду оно могло бы принести Японии и США – на них пришлось 64% от общего прироста ВВП. Австралия начала переговоры с Японией, Новой Зеландией и Сингапуром о возможности продолжения проекта ТПП без США, в формате «ТПП: 12 минус 1» [30, с. 25-40].

РВЭП - мегарегиональное торговое объединение, включающее в себя 10 стран АСЕАН и шесть существующих партнеров АСЕАН, включая Китай, Японию, Южную Корею, Австралию и Новую Зеландию и Индию. РВЭП был предложен на 9-м саммите АСЕАН в ноябре 2011 года и официально вступил в силу в ноябре 2012 года. Целью РВЭП заключается в расширении и углублении взаимодействия АСЕАН с его партнерами в рамках зоны свободной торговли.

В большинстве случаев РВЭП является альтернативой ТПП. РВЭП менее амбициозен, чем ТПП в аспекте стандарта либерализации, поскольку это стратегия, направленная на поддержание регионального экономического роста за счет обеспечения открытости и конкурентоспособности рынков для участвующих стран. Между тем, РВЭП работает для укрепления так называемой «центральной АСЕАН» в региональной экономической интеграции для сдерживания ТПП [31].

РВЭП включает в себя небольшие и менее развитые экономики Юго-Восточной Азии, некоторые развитые экономики Северо-Восточной Азии (Япония и Южная Корея) и мировой экономической гигант (Китай). Цели каждой отдельной страны по присоединению к переговорам ЗСТ различны. Рассматривая каждую страну АСЕАН отдельно, можно заметить существенные различия в культурном, этническом аспектах. Десять стран АСЕАН представляют собой разницу в экономическом развитии, существуют конкурирующие интересы и территориальные споры.

ТПП и РВЭП представляют собой крупные соглашения о свободной торговле. Оба этих соглашения направлены на то, чтобы обобщить двусторонние и более мелкие региональные соглашения на более согласованные общерегиональные договоренности. Хотя предельная цель как ТПП, так и РВЭП заключается в создании универсальной зоны свободной торговли в Азии, в какой-то мере ТПП и РВЭП являются возможностями для либерализации торговли и инвестиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе. И поэтому две крупные ЗСТ являются возможными путями для достижения зоны свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Если РВЭП и ТПП будут ратифицированы странами-участницами, оба будут оказывать влияние на региональную торговую архитектуру Азиатско-Тихоокеанского региона в целом.

Тем не менее, ТПП в основном состоит из развитых стран со сравнительными преимуществами, которые работают вместе для либерализации торговли, РВЭП же в основном состоит из стран с формирующимся рынком Восточной Азии с конкурентными преимуществами в обрабатывающих и ориентированных на экспорт отраслях, но с небольшой готовностью быть более открытыми в экономике.

В общей сложности 12 стран присоединяются к переговорам по ТПП, в то время как в РВЭП участвуют 16 членов. Каждое участвующее государство ТПП или РВЭП имеет собственные расчеты для вхождения или выхода из проекта. Поэтому внутренняя ситуация каждой отдельной страны может повлиять на будущий прогресс переговоров по ТПП и РВЭП.

Учитывая, что государства-члены АСЕАН имеют сильно различающиеся уровни доходов и производительности, готовность к открытию доступа к рынку также различна. Хотя АСЕАН как организация давно установила консенсусный механизм в соответствии с принципом «пути АСЕАН» для решения вопросов, каждая отдельная страна все еще может сохранять свое мнение и идеи.

Совершенно очевидно, что 10 членов АСЕАН достигли консенсуса по принципу «пути АСЕАН» для совместной работы в целях достижения

соглашения РВЭП. Однако в последние несколько лет, прошедших с начала переговоров по РВЭП, некоторые отдельные страны АСЕАН имеют свои конкретные мнения относительно одного из своих партнеров принимая во внимание свои национальные интересы. В таблице 2 содержится мнение каждого отдельного государства-члена АСЕАН относительно переговоров РВЭП и ТПП.

Таблица 2 – Позиция стран АСЕАН относительно РВЭП и ТПП

Страна-участница АСЕАН	Отношение к РВЭП	Отношение к ТПП
1	2	3
Индонезия	- Крупный игрок в АСЕАН редко принимает инициативы для переговоров по ЗСТ; - не очень активное участие в формировании торговых сделок со своими партнерами в регионе; - рассматривает Китай как своего конкурента в трудоемких отраслях промышленности, таких как текстиль, т.д.	- Обращает внимание на процесс и возможные результаты переговоров; - ТПП не отвечает его интересам.
Сингапур	Приветствует переговоры	Присоединился к переговорам ТПП
Малайзия	Не против присоединения	Присоединилась к переговорам по ТПП в июле 2010, главным образом потому что не было возможности для создания ЗСТ между США и Малайзией, переговоры которых были начаты в 2006 году
Тайланд	Приветствует переговоры	Таиланд высказывал намерение присоединиться к ТПП, но это не обязательно означает его готовность к самостоятельному присоединению
Филиппины	- Приветствует переговоры. - Борьба с Китаем в вопросе Южно-Китайского моря	Не обязательно показывает готовность присоединиться к ТПП самостоятельно.
Вьетнам	- приветствует переговоры - Борьба с Китаем в вопросе Южно-Китайского моря	Присоединился к переговорам по ТПП.

Продолжение таблицы 2

1	2	3
Камбоджа	Выполняет предложение АСЕАН	Из-за внутренней экономической ситуации менее квалифицирован, чтобы присоединиться к переговорам
Лаос	Следует рекомендации АСЕАН	Из-за внутренней экономической ситуации менее квалифицирован, чтобы присоединиться к переговорам.
Бруней	Приветствует переговоры.	Присоединился к переговорам по ТПП. Способствует развитию отношений с США, чтобы противостоять территориальным амбициям Китая.
Мьянма	- Следует рекомендации АСЕАН. - Не доверяет Китаю	Из-за внутренней экономической ситуации менее квалифицирован, чтобы присоединиться к переговорам
Примечание - Составлено автором		

Из таблицы 2 видно, что все 10 членов АСЕАН соглашаются вести переговоры с РВЭП, но некоторые из них сохраняют недоверчивость по отношению к внешним контрагентам, особенно к Китаю. Кроме того, для таких относительно бедных стран как Камбоджа, Лаос и Мьянма не так много вариантов по присоединению к данным переговорам, но им необходимо следовать коллективному решению АСЕАН для участия в переговорах по РВЭП. Учитывая, что некоторые страны-участницы, чей экономический рост отстает, например Камбоджа, Лаос и Мьянма, менее вероятно что они соответствуют одинаковым высоким стандартам переговоров по ТПП [32].

Таблица 3 - Отношение стран-участников РВЭП к ТПП

Страна	Отношение к РВЭП	Отношение к ТПП
1	2	3
Китай	Настоятельно одобряет РВЭП Является лидером для переговоров РВЭП.	Не является участником ТПП
Австралия	Приветствует переговоры	Присоединилась к ТПП
Новозеландия	Приветствует переговоры	Присоединилась к ТПП
Индия	Приветствует переговоры. Сохраняет определенный уровень нежелания из-за борьбы с Китаем, например, спор о границе.	Обеспокоена, потому что не является частью ТПП. В настоящее время не может проводить крупномасштабную корректировку свободной торговли в соответствии с критериями ТПП

Продолжение таблицы 3

1	2	3
Япония	Нейтральна к переговорам по РВЭП.	Присоединились к переговорам по ТПП, но популярное мнение разделено по этому вопросу.
Южная Корея	Приветствует переговоры	Активно выразила свое намерение присоединиться к переговорам по ТПП
Примечание - Составлено автором		

В таблице 3 показано отношение стран-участниц РВЭП к переговорам ТПП Индия имеет пограничный конфликт с Китаем. Позиция страны в отношении либерализации широко варьировалась в зависимости от экономической ситуации. Ожидается, что экономика Индии получит выгоду от РВЭП путем укрепления своих торговых связей с Австралией, Китаем, Японией и Южной Кореей [33]. Однако негативные настроения относительно либерализации и открытости, по-видимому, распространены в Индии [34].

В настоящее время участие Китая в переговорах по РВЭП меняется от позиции сторонника данного проекта к лидеру в РВЭП. Кроме того, что касается переговоров по ТПП, из-за накопленной уверенности в результате повышения экономической мощи Китай считает, что он может справиться с более высоким стандартом ЗСТ. Китай изменил свою роль в региональной экономической интеграции от «пациента-наблюдателя» до «активного игрока» [138]. Китай также выразил свое позитивное отношение к успешным переговорам по ТПП, заявив, что он рад видеть, что члены ТПП могут достичь консенсуса.

Отношение Японии к переговорам по РВЭП с самого начала были неопределенными. Японские политики и СМИ редко говорили о проблеме РВЭП, равно как не было заявлений за и против данного проекта. Популярное мнение Японии разделилось по вопросу о ТПП. Было высказано мнение, что ТПП может «бросить японское общество в смятение» [31].

Используя основу ЗСТ АСЕАН+1, РВЭП работает над укреплением центральности АСЕАН в региональной экономической интеграции. АСЕАН обеспокоена тем, что некоторые из стран-членов АСЕАН, присоединяющихся к ТПП, могут ослабить связи в этом регионе. АСЕАН была обеспокоена тем, что ТПП могло, когда в нем участвовали США, отнять руководство азиатской экономической интеграцией и маргинализировать Ассоциацию. Поэтому при поддержке Китая АСЕАН изначально взяла на себя инициативу по переговорам с РВЭП. Интегрируя пять существующих ЗСТ АСЕАН+1, АСЕАН вместе с Китаем, Японией, Южной Кореей, Индией, Австралией и Новой Зеландией работают над переговорами РВЭП. Постепенно Китай заменил АСЕАН в лидерстве по РВЭП [139]. Некоторые страны-члены АСЕАН обеспокоены растущей сферой влияния Китая над АСЕАН в результате проводимых Китаем переговоров по РВЭП.

Страны, вовлеченные либо в ТПП, либо в РВЭП, имеют схожие черты; их деятельность обусловлена не только экономическими проблемами, но и

вопросами международного стратегического развития. Таким образом, между участвующими странами РВЭП и ТПП существуют некоторые споры. Во-первых, Индонезия обеспокоена растущей силой Китая. Кроме того, Индонезия считает, что ЗСТ АСЕАН-Китай привела к ухудшению конкурентоспособности промышленности Индонезии. Во-вторых, переговоры между КНР и Японией и Южной Кореей о ЗСТ находятся в тупиковой ситуации. Эти три страны по-прежнему обеспокоены своими интересами, поэтому трехсторонняя ЗСТ не имеет возможности достигнуть договоренности в ближайшее время.

В-третьих, из-за спора в Южно-Китайском море Вьетнам и Филиппины не участвуют в переговорах по РВЭП, поскольку данная проблема вызвала враждебные настроения среди заинтересованных сторон.

В целом страны Азиатско-Тихоокеанского региона находятся в одной и той же ситуации. Национальное экономическое развитие и национальная безопасность являются основными интересами каждого правительства. Готовность сотрудничать по вопросам торговли в более широком аспекте заключается в том, чтобы, с одной стороны, развивать национальное экономическое развитие и избегать маргинализации в региональном торговом блоке с другой. При этом страны-партнеры ТПП и РВЭП соревнуются в равновесии между обеспечением защиты инвесторов и сохранением способности правительств регулировать общественные интересы. С одной стороны, участники ожидают получить преференциальный и беспрецедентный доступ в Азиатско-Тихоокеанский регион; с другой стороны, им необходимо провести некоторые экономические корректировки, чтобы вписаться в рамки переговоров. Разумеется, необходимо больше вопросов принимать во внимание, например, такие как экологические стандарты, для того, чтобы повысить конкурентоспособность или устранить имидж протекционизма.

Таким образом, сложности, с которыми сталкиваются государства АТР в ходе переговоров о создании полноценного интеграционного объединения, выходящего за пределы 13 государств Восточной Азии, свидетельствуют о том, что на сегодняшний день в расширенном составе можно говорить лишь о расширении сотрудничества в отдельных областях, формировании площадок для переговоров в процессе обсуждения ключевых вопросов регионального развития, но не о расширении интеграционных процессов. В свою очередь, полноценной платформой развития сотрудничества могут выступить ежегодные Восточноазиатские саммиты, к деятельности которых с 2011 г. в качестве полноправных членов присоединились Россия и США.

Для решений вопросов региональной интеграции или глобальной экономической интеграции либо напротив, в вопросах сохранения национальной идентичности в экономическом измерении нет идеального ответа, поскольку нет возможности найти всеобъемлющее решение. С другой стороны, нет ни одного окончательного решения, поскольку экономические проблемы являются косвенными по своей природе. Сохранение национальной экономической идентичности не может означать полного исключения всех внешних факторов, поскольку невозможно быть чисто изолированным в современном обществе. Региональная или глобальная экономическая

интеграция также не означает, что все защитные меры будут неизбежно отменены, что сделает весь народ абсолютно беззащитным на экономической линии.

Азиатско-тихоокеанское сообщество имеет самую выдающуюся экономическую динамику за последние несколько десятилетий. Народы внутри региона, возможно, уже прошли через различные стадии трансформации. Тем не менее, как уже упоминалось ранее, будущая экономическая среда по-прежнему полна динамики. Соответствующие меры и политика должны приниматься соответствующим образом.

Автор полагает, что ТПП противоречит понятию регионализма в АТР, поскольку это проект новый и в нем отсутствует институциональная база, которая существовала, например, в АСЕАН+3.

В целом, принимая во внимание современную картину развития азиатского регионализма, можно предположить, что эти процессы усложняются. Для каждого из его участников остается актуальной задача по формированию собственного прогресса в рамках сотрудничества того или иного объединения на пространстве АТР.

1.3 АСЕАН в контексте теорий международных отношений: реализм, либерализм, конструктивизм, неофункционализм

Основные теоретические школы международных отношений, такие как реализм, либерализм, а также новые теоретические учения, такие как конструктивизм и функционализм, во многом остаются актуальными на сегодняшний день. С точки зрения реалистов АСЕАН является частью региональных сил безопасности [140], либерализм позволяет изучить организацию на предмет экономического взаимодействия стран участниц АСЕАН, конструктивисты же полагают, что АСЕАН это сотрудничество стран в рамках общей идентичности, так называемого «духа АСЕАН».

Г. Моргентхау, как представитель школы реализма утверждает, что главными акторами международных отношений являются государства, проводящие собственную политику: «не все государства одинаково вовлечены в международную политику... отношение государства к международной политике является динамическим качеством. Оно изменяется вместе с изменением силы государства, которая может выдвинуть его на передний край в международной политике, а может лишить его возможности активно действовать на международной арене» [140, с. 189-201].

Реалисты считают, что сильные государства делают то, что они могут, а слабые – то, что им позволяют сильные. С точки зрения реализма, первостепенным видом международного сотрудничества остаются военные и военно-политические союзы и альянсы, заключаемые государствами в целях совместной обороны. В этой связи интересна роль АСЕАН с момента ее становления. Так, в 1967 году формирование АСЕАН было вызвано необходимостью военно-политической стабилизации в Юго-Восточной Азии. Для политической ситуации того времени было характерно укрепление коммунистической идеологии на севере ЮВА, создававшее угрозу

распространения ее на юг региона. К тому же война во Вьетнаме создавала напряженную политическую атмосферу в регионе. Требовалась политическая консолидация стран в целях противостояния коммунистическому влиянию.

Г. Моргентау исходит из того, что государства – это постоянные элементы международных отношений. В этой связи главным элементом внешней политики любого государства являются вопросы безопасности, а главным средством обеспечения безопасности является военный потенциал. Таким образом, наращивание военного потенциала и укрепление безопасности одного государства неизбежно ведет к ослаблению безопасности других государств. В этой связи, государства для того, чтобы обеспечить свою безопасность, начинают сотрудничать между собой [140, с. 189-201].

С точки зрения Моргентау международные отношения представляют собой арену противоборства государств. В основе лежит их стремление к увеличению своей власти и уменьшению власти других. Два основных пути, на которых государство обеспечивает себе власть – это военная стратегия и дипломатия, где под военной стратегией понимается продолжение политики насильственными средствами, а дипломатия – это мирная борьба за власть.

Несмотря на тот факт, что теория реализма акцентирует внимание на самоподдержке каждого из участников, реалисты все же считают, что международный институт играет важную роль в международных отношениях. В первой главе Устава АСЕАН закреплены такие общепризнанные принципы международного права, как уважение суверенитета, территориальная целостность государств, невмешательство во внутренние дела друг друга и т.д. Согласно оценкам реалистов, все данные принципы соответствуют «анархии и системе самоподдержки». Однако это не всегда объективно отражает саму реальную практику. Устав закрепляет принцип реалистического принятия решений, а именно принцип согласованного принятия решений

Принцип согласованного принятия решений основан на соглашении, достигнутом общим голосованием, когда каждое решение принимается совместно всеми государствами-членами. Каждое государство сохраняет при этом статус равноправия, и соответственно, решения не могут приниматься большинством голосов или путем отдельного голосования. Следовательно, процесс консультирования предшествующий принятию решения, является крайне необходимым и желательным, и налагает обязанность ясно излагать свою позицию.

Между тем нельзя не отметить, что в процессе разработки и принятия Устава организации некоторые государства-члены предлагали отказаться от такого метода как единогласия при принятии решений. В качестве альтернативы ими «выдвигалась идея «гибкого консенсуса» или формула «10 минус икс» (10 minus X) - проще говоря, предложение о принятии решений большинством голосов». Но тем не менее, впоследствии принцип принятия решений посредством консультаций и консенсуса все-таки был сохранен.

Одним из основных мотивов создания АСЕАН было стремление закрепить принцип отказа от применения силы при урегулировании межгосударственных конфликтов. Так, Бангкокская декларация устанавливает «укрепление

регионального мира и стабильности при уважении принципов ООН, верховенства закона и справедливости». Отказ стран основателей АСЕАН от сотрудничества между собой и с внешними державами в 1960-70 годах в форме создания военно-политического блока был связан с отсутствием готовности к такому сотрудничеству в связи с непрекращающимися территориальными спорами в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Поэтому экономическое сотрудничество было наиболее благоприятным инструментом для смягчения политических противоречий.

Либерализм утверждает, что государственные предпочтения, а не государственные возможности являются первостепенными определяющими поведения государств. В отличие от реализма, где государство рассматривается как унитарный игрок, либерализм допускает плюрализм в действиях государства. Следовательно, предпочтения будут различаться от государства к государству, в зависимости от культуры, экономической системы или от политического режима. Либерализм также считает, что взаимодействие между государствами не ограничивается только проблемой государственной безопасности, но также происходит взаимодействие через коммерческие фирмы, организации и частных лиц. Как следствие, вместо анархической системы международных отношений, вводится понятие о более сложном устройстве системы международных отношений [141, p. 215].

В Бангкокской декларации экономическое сотрудничество было названо одним из основных приоритетов. Стороны установили «стремление АСЕАН к упрощению условий торговли между членами к стимулированию экономического роста» [142, с. 368].

Задачами АСЕАН, согласно Бангкокской декларации, стали содействие экономическому росту, социальному и культурному прогрессу путем налаживания сотрудничества в области сельского хозяйства и промышленности, расширения торговли, включая изучение проблем международной торговли отдельными товарами, улучшения транспортных и коммуникационных возможностей и повышения жизненного уровня своих народов.

Таким образом, экономический приоритет является одним из основных в Бангкокской декларации. Однако фактически экономические аспекты стали претворяться в жизнь только в конце 1980-х годов. Вопросы безопасности оставались на повестке дня АСЕАН долгое время и были закреплены в принципе отказа от применения силы при урегулировании межгосударственных конфликтов, невмешательства великих внерегиональных держав [142, с. 368].

В 1976 г. на о. Бали состоялся первый саммит Ассоциации, где была принята Декларация согласия АСЕАН. Ассоциации предписывалось разработать меры по усовершенствованию институциональных механизмов для укрепления политического сотрудничества. Экономическому измерению была посвящена статья 5 Декларации, в соответствии с которой был учрежден новый рабочий орган – Встречи по экономическим вопросам - для согласованности программ и проектов, обмена мнениями по разработке национальных планов

развития региона, обеспечения преференциального доступа на региональный рынок основных экспортных товаров и т.д.

В 1997 г. лидеры Ассоциации приняли «Программу развития АСЕАН до 2020г.», основу которой составила идея т.н. «Партнерства в динамическом развитии», выдвигающая на первый план региональную экономическую интеграцию. Целью Программы является также создание устойчивого, процветающего и обладающего высокой степенью конкурентоспособности «Экономического региона АСЕАН», в котором предполагается свободное передвижение товаров и услуг, инвестиций и капитала, а также равномерное экономическое развитие и снижение уровня бедности и социально-экономического неравенства. «Ханойский план действий», принятый в 1998 г., послужил в качестве первого плана действий по реализации указанной Программы.

В дополнение к торговой и инвестиционной либерализации, идея региональной экономической интеграции получила развитие посредством создания единой «Транспортной системы АСЕАН», в которую вошли главные внутригосударственные автомобильные пути и железные дороги, принципиальные порты и ключевые маршруты морского транспорта, внутренний водный транспорт, а также основные маршруты полетов гражданской авиации. АСЕАН развивает возможности взаимосвязи национальных телекоммуникационных систем и услуг. Параллельно ведется работа по развитию «Энергетической системы АСЕАН» (ASEAN Power Grid), состоящей из энергетической сети и транснациональных газопроводов [141, p. 215].

В результате сотрудничество стран АСЕАН способствовало расширению региональной интеграции.

Что касается теории конструктивизма, то ее сторонники подчеркивают, что помимо силовой составляющей, в понятии власти существенным является влияние культуры, языка, идеологии, знания. Особый акцент конструктивизм делает на активной роли субъектов политики, которые способны через свои взаимодействия изменять структуру международных отношений. В отличие от неореализма, который считает конфликтность следствием анархичности структуры, конструктивизм утверждает, что проблема мира и войны зависит от степени близости культур и общественной практики людей, народов, государств. Международная политика не управляется какими-то объективными законами. Это область исторической случайности. На политику оказывают определенное влияние лишь идеи, нормы, ценности и знания, которыми обладают субъекты политики [143, p. 88].

Стремясь к созданию гуманного сообщества наций, в 1995 г. лидеры АСЕАН решили поднять функциональное сотрудничество на более высокий уровень для достижения совместного процветания для всех стран-участниц Ассоциации. В этих целях в 1996 г. под девизом: «Разделенное процветание путем гуманитарного развития, технологической конкуренции и социальной сплоченности» был принят базовый Договор об усилении функционального сотрудничества (Framework for Elevating Functional Cooperation).

Представители либерализма затрудняются с определением функции АСЕАН. Однако в контексте либерализма стоит отметить Региональный Форум АСЕАН как успешно действующий межгосударственный институциональный орган. Более того, в настоящее время наблюдается тесное переплетение в регионе нетрадиционных угроз безопасности с проблематикой региональных конфликтов. В этом отношении работа Форума в сфере превентивной дипломатии становится особо востребованным. В АТР вопросы безопасности и выработка мер доверия, а также оказания содействия странам региона в противостоянии наиболее опасным традиционным и новым угрозам и вызовам остаются в компетенции данного института [144].

По мнению Е. Адлера, интересы и идентичность государств в соответствии с конструктивизмом формируются и меняются в процессе взаимодействия государств [143, p. 88].

Конструктивизм объясняет разницу между формализованным и бюрократизированным регионализмом европейского образца и азиатским регионализмом – неформальным, основанным на консенсусе и ориентированным на процесс, нежели на результат.

По конструктивизму, существующая реальность создается на основе не рациональных условий, а способом транслирования социокультурных ценностей и видения акторов международных отношений, задействованных в этих процессах. Акторами могут выступать как государства, так и лидеры государств, транснациональные субъекты и т. д.

«Исходная установка состоит в том, что мир международных отношений – социальная реальность, которая не является ни неизменно данной, ни рационально predetermined, а, напротив, может и должна рассматриваться как социальный конструкт, идея, которая воспринимается как естественная и очевидная теми, кто принимает ее. При этом реальность – фактически «воображаемый», изобретенный или искусственно созданный, культурный артефакт, принадлежащий определенной культуре или общности, она всегда ценностно и культурно специфицирована».

Таким образом, можно предположить, что АСЕАН это воплощение коллективной идентичности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а региональная идентичность стран АСЕАН является основной причиной ее активной позиции в Азии. Некоторые ученые предполагают, что теория конструктивизма, в этой связи является наиболее релевантной для изучения данного международного института.

Функционализм развивался на фоне европейской интеграции. Он наиболее близок по идеям к реализму, но различается от него тем, что во главу угла ставятся не собственные интересы государства, а общие интересы группы стран. Как только начался процесс интеграции между государствами, его крайне сложно остановить. Основоположником данной парадигмы принято считать Давида Митрани, который считал, что нужно не искать идеальную форму международного сообщества, а раскрыть те функции, которое оно должно выполнять. Д. Митрани описывает функционализм как «использование существующих социальных и научных возможностей для ведения совместной

деятельности или продвижения определенных интересов, предоставляя друг другу право на проведение собственной политики в пределах данной деятельности» [145].

Принцип функционализма – четкое разделение функциональных сфер и секторов, что сводит до минимума конфликты между государствами посредством рационального регулирования. Функциональное сотрудничество начинается с составления не политических, а экономических и социальных планов и задач, таких как общее укрепление ресурсами, борьба с безработицей, здравоохранение [146, р. 141-161].

Неофункционалисты считают, что процесс перехода от политического объединения к экономической и политической интеграции должен произойти автоматически. Неофункционализм представляет угрозу суверенности национального государства, так как предполагает делегирование части его полномочий наднациональному органу.

Между тем, АСЕАН – не наднациональная организация, одним из ее основных принципов является уважение государственного суверенитета всех членов, и в этом отношении она придерживается позиции невмешательства в их внутренние дела. Следовательно, в рамках АСЕАН никогда не обсуждаются двусторонние проблемы между странами-членами. Они рассматриваются через двусторонние механизмы между странами, которых это касается.

С точки зрения неофункционалистов, наднациональные интеграционные институты позволяют наилучшим образом выделить и защитить общий интерес участников интеграции.

Наглядно демонстрируется тезис неофункционализма об эффективной интеграции на основе взаимного и поэтапного развития политической и экономической кооперации. Уместным будет привести тезис Э. Хааса о том, что функционирование общего рынка по большей части является основанием для образования политического союза [147, р. 366-392].

Данная теория описывает именно региональную интеграцию, а в нашем случае АСЕАН является именно таким региональным интеграционным объединением.

Таким образом, необходимо отметить, что неофункционализм как теория региональной интеграции способна логично объяснить процессы, происходящие в рамках АСЕАН, так как социокультурная интеграция является логической закономерностью интеграции, где связующие характеристики стран ЮВА служат главными предпосылками для интеграции региона и образования АСЕАН.

Некоторые ученые утверждают, что если рассматривать регион с точки зрения безопасности, то в данном контексте наиболее подходящими являются теории реализма и либерализма. Так, в регионе существуют две парадигмы – реализма и неолиберализма. Страны АСЕАН наращивают военный потенциал в сфере в связи с нерешенными территориальными проблемами, с другой стороны, в регионе успешно работают институциональные органы, направленные на разрешение острых конфликтов. Например, Региональный Форум АСЕАН. Так, Ш. Саймон считает, что данные две теории подходящи

для данного региона, однако теория неолиберализма будет наиболее релевантна и будет играть все большую роль в политике стран АСЕАН. Между тем, конструктивисты считают, что организация является генератором ключевых идей в регионе и способности сплотить членов АСЕАН вокруг общих интересов. По мнению неофункционалистов, данная теория вышла за рамки сугубо европейской теории и доказывает свою состоятельность в глобальном масштабе, а именно в АСЕАН. Поскольку теория неофункционализма описывает именно региональную интеграцию, в нашем случае АСЕАН является именно таким региональным интеграционным объединением. Кроме того, теория неофункционализма зародилась для объяснения самого успешного на данный момент примера эффективной региональной интеграции-интеграции в рамках ЕС, то более целесообразным можно было бы использовать опыт данного объединения в контексте изучения АСЕАН.

Таким образом, автор приходит к выводу, что концепция АСЕАН основана на сотрудничестве в регионе, а именно соблюдении правил, что дает возможность успешно сотрудничать на взаимовыгодной основе и устранять недопонимание между членами Ассоциации, а изучение данной организации как интеграционного объединения более релевантно, основываясь на теории неофункционализма [148, p. 339].

Проводя анализ в рамках неофункционализма, можно сделать вывод о том, что успешность интеграции во многом зависит от прямой в ней заинтересованности национальных элит. В частности, заинтересованность в успешном ведении бизнеса может вызвать эффект перетекания. Таким образом, соблюдение компаниями корпоративной социальной ответственности через ряд факторов приводит к укреплению социокультурной интеграции. Очевидно, что не только стремление руководителей государств могут усиливать интеграцию, но и другие группы интересов так же могут оказывать свое влияние. В категорию таких агентов входят: большой бизнес - транснациональные корпорации, ученые, деятели культуры и образования, организации гражданского общества т.д. Так же, по мнению неофункционалистов, противоречия между государствами не должны восприниматься как нечто, способное остановить интеграцию. Наоборот, интеграция станет своеобразным ключом к разрешению тех или иных противоречий. Следовательно, один из главных уроков ЕС для АСЕАН является постоянный поиск компромисса.

Подводя итог, мы суммируем все указанные нами выше причины, по которым для анализа перспектив формирования социокультурного сообщества АСЕАН была выбрана именно теория неофункционализма:

1) данная теория описывает именно региональную интеграцию, в нашем случае АСЕАН является именно таким региональным интеграционным объединением;

2) этапы развития интеграции в рамках АСЕАН полностью укладываются в положения данной теории: начало эффективного взаимодействия на основе корреляции политики и экономики, наличие эффекта перетекания в различных сфера взаимодействия, влияние лояльности элит на формирование интеграционного объединения;

3) так как неофункционализм как теория зародился для объяснения самого успешного на данный момент примера эффективной региональной интеграции-интеграции в рамках ЕС, то автор считает логичным использовать опыт данного объединения как образец для проработки будущих совместных действий по сближению среди стран АСЕАН.

В качестве результатов исследования, проведенного в первом разделе, необходимо сделать ряд определенных **выводов**:

Во-первых, формирование и развитие единого политического, экономического и социально-культурного пространства организацией АСЕАН является интересным явлением развития регионального международного сотрудничества. АСЕАН представляет собой «старый» регионализм, а региональная группа – АСЕАНоцентричных образований представляют «новый» регионализм и имеют значительные перспективы в регионе.

Во-вторых присутствие великих держав в регионе повлияло на деятельность АСЕАН. С позволения данных держав АСЕАН стала «движущей силой» интеграции в регионе, однако, в то же время, противоречия держав в регионе, и как следствие среди членов АСЕАН повлияли на деятельность организации в регионе.

В-третьих неофункционалистская концепция строится вокруг центрального стержня, который Хаас определил как перелив. Перелив подразумевает, что интеграция постепенно распространяется из одной отрасли в другие. Данная концепция наиболее подходит для анализа процессов, происходящих в АСЕАН, поскольку интеграция в АСЕАН началась с политических целей, а завершилась экономической и социо-культурной интеграцией.

2 РОЛЬ АСЕАН В РАСШИРЕНИИ ИНТЕГРАЦИИ СТРАН АТР

2.1 Основные этапы политико-экономической интеграции АСЕАН

АСЕАН была основана Индонезией, Малайзией, Филиппинами, Сингапуром и Таиландом в 1967 году, когда страны Юго-Восточной Азии существовали в состоянии взаимного подозрения и неопределенности. Между Сингапуром и Малайзией существовала напряженность после разделения, в то время как Малайзия и Филиппины были втянуты в территориальный спор над Сабахом. В то же время большинство государств Юго-Восточной Азии только что обрели независимость и, таким образом, сосредоточились на защите своего суверенитета и политического и экономического развития [149, с. 497].

В основополагающем документе Декларации АСЕАН (также известной как Бангкокская декларация) подчеркнута решимость Ассоциации «обеспечить стабильность и безопасность от внешних вмешательств ... в целях сохранения национальной идентичности в соответствии с идеалами и чаяниями своего народа» [95].

С этой целью в Декларации содержится призыв к поощрению «регионального мира и стабильности путем соблюдения уважения справедливости и верховенства права в отношениях между странами региона и приверженности принципам Устава Организации Объединенных Наций», в то же время подчеркивая необходимость экономического и социального сотрудничества [95].

Формирование и создание Ассоциации (1967-1990 годы)

Первоначально, после подписания Бангкокской декларации организация оставалась в основном малофункциональной. Только через девять лет, в 1976 году, организация провела свой первый саммит. Это свидетельствует о том, что первый саммит произошел сразу после победы коммунистического Северного Вьетнама в 1975 году. «Коммунистическая угроза» побудила региональных лидеров смягчить двустороннюю напряженность и вместо этого сосредоточить внимание на путях создания стабильной «благоприятной для рынка региональной среды» (рисунок 2) [150, р. 507].

Это общее видение также означало, что страны АСЕАН смогли договориться с США в качестве внешнего гаранта безопасности.

Таким образом, на своем первом саммите лидеры АСЕАН подписали Декларацию АСЕАН «Конкорд» и Договор о дружбе и сотрудничестве для продвижения стабильности региона, в котором все государства сосредоточились на экономическом росте как оплоте против коммунизма. Декларация Согласия АСЕАН так и Договор о дружбе и сотрудничестве закрепляли принципы невмешательства во внутренние дела [97, 101]. Декларация устанавливает, что члены АСЕАН должны «полагаться исключительно на мирные процессы в урегулировании внутрорегиональных различий».

Рисунок 2 – Этапы формирования АСЕАН

Примечание - Составлено автором

Договор о дружбе и сотрудничестве более детально рассматривает «Тихоокеанское урегулирование споров» и призывает членов «воздерживаться от угрозы применения силы ... [и] урегулировать ... споры ... через дружеские переговоры». Данный договор также предусматривает создание «Высокого совета», в состав которого входят представители на уровне министров государств, подписавших Конвенцию, с целью рекомендовать мирные способы разрешения споров. Однако в договоре также подчеркивается, что ни одна из этих мер не может применяться к спору «если все участники спора соглашаются [d] на их применение», а также указывается, что «призывают [стороны спора] принять инициативы по разрешению [спора] путем дружеских переговоров, прежде чем прибегать к другим процедурам, предусмотренным в Уставе Организации Объединенных Наций» [101].

АСЕАН разработала неофициальный механизм предотвращения споров, который часто называют «Путь АСЕАН». «Путь АСЕАН» включает в себя процессы консультаций и консенсуса. Это процессы, которые связаны с тихой дипломатией, где часто споры откладываются на некоторое время до того, как будет предпринята попытка их разрешения [150, р. 507; 151, р. 254]. Таким образом, конфликты либо устраняются, либо предотвращаются путем преумношения или игнорирования спорных вопросов, которые в противном случае могли бы привести к открытому конфликту.

«Путь АСЕАН» основан на четырех пунктах «Кодекса поведения»:

- 1) соблюдение невмешательства, неприменения силы и мирного разрешения конфликта;
- 2) содействие в региональной автономии;
- 3) отказ от многосторонних военных пактов, но принятие двустороннего оборонного сотрудничества, осуществляемого независимыми отдельными государствами-членами (например, договоры о безопасности Филиппин и США и Таиланда); и
- 4) предпочтение социально-культурным нормам, основанным на неформальных консультациях (*musyawarah*) и консенсусе (*mufakat*), а не праворациональных нормам при принятии решений [152].

Значимым принципом, закрепленным в «Пути АСЕАН», является принцип «консенсуса минус X» [153, р. 55]. Таким образом, решения не обязательно требуют единодушия; скорее, член может воздерживаться от участия в схеме, не мешая другим. Полезность нормы была четко проиллюстрирована на переговорах о создании зоны свободной торговли АСЕАН, в которой такие страны, как Индонезия, Малайзия и Сингапур пришли к единодушному мнению о создании ЗСТ, в то время как менее развитым странам, таким как Камбоджа, Лаос, Мьянма и Вьетнам, было дано время для проведения реформ, необходимых для участия.

В отличие от глубоко институционализированного, основанного на правилах ЕС, в котором государства-члены управляются наднациональным органом, Путь АСЕАН предусматривает мало институционализированный, неформальный инкрементный подход к региональной интеграции. Норма АСЕАН по поддержанию национального суверенитета и право «каждого государства вести свое национальное существование без внешних вмешательств или принуждения» ограничила роль Секретариата АСЕАН как координирующего органа, осуществляющего свою деятельность без политического мандата. Созданный в Джакарте в 1976 году через девять лет после создания АСЕАН, Секретариат остается недоукомплектованным и недофинансированным, не имея бюрократической и юридической способности осуществлять власть независимо от коллективной воли своих государств-членов.

Нормы Пути АСЕАН заложили основы для «сообщества безопасности» в Юго-Восточной Азии, в отличие от других преобладающих структур сотрудничества в области безопасности, таких как сообщество «коллективной обороны» Североатлантического альянса и сообщество «коллективной безопасности». В отличие от НАТО и ООН, АСЕАН не налагает взаимных обязательств военной помощи и не требует от членов коллективного наказания за агрессию против других членов или государств, не являющихся членами. Государства-члены АСЕАН руководствуются «строгими и наблюдаемыми нормами, касающимися неприменения силы» [154, 155]. Ученые, такие как Дональд Эммерсон, утверждают, что, хотя регион АСЕАН исторически функционировал как «тонкое и плюралистическое сообщество безопасности», недостаточно «эмпирических данных о существовании ... подлинной кооперативной идентичности среди его элит» и никакой реальной уверенности

в том, что члены АСЕАН не будут сражаться друг с другом в предстоящие годы [156, p. 62-73].

Майкл Лейфер, еще один известный ученый по АСЕАН, утверждал, что АСЕАН была создана как сообщество безопасности, в котором государства-члены придерживались «общей веры в позитивные отношения экономического развития и безопасности, которая способствовала укреплению приверженности регионального примирения в качестве способа избежать утечки ограниченных ресурсов» вместо непосредственной задачи обеспечения региональной стабильности и содействия национальному и региональному процветанию. Подчеркивая тот факт, что «АСЕАН, конечно, не была задумана как политическое сообщество в соответствии с европейской моделью», Лейфер заявил, что безопасность и мир в АСЕАН были решены «путем развития культуры очного диалога и консультаций на основе тесного сотрудничества отношения между министрами и должностными лицами и соблюдение общих норм; а не путем применения правовых механизмов урегулирования споров» [157, p. 25-38].

В 1980-х годы была закреплена репутация АСЕАН как успешной региональной организации, когда страны АСЕАН успешно оказали давление на Вьетнам с тем, чтобы Вьетнам отменил свое вторжение в Камбоджу в 1978 году во время третьей войны в Индокитае [158, p. 11; 159, p. 1202]. Постоянное дипломатическое давление со стороны АСЕАН, а также конец Холодной Войны и потеря поддержки Советского Союза привели к тому, что Вьетнам отступил от Камбоджи в 1989 году [160-162].

Этот успех наряду с заметным экономическим ростом стран АСЕАН в этот период ознаменовал АСЕАН как самую успешную региональную организацию в развивающемся мире.

Расширение АСЕАН

С окончанием холодной войны АСЕАН вступила в эпоху расширения своего членства с целью создания единой Юго-Восточной Азии. Таким образом, Вьетнам присоединился к региональной организации в 1995 году, за ней следуют Мьянма (1997), Лаос (1997) и Камбоджа (1999). Однако события середины 1990-х годов выявили некоторые из основных слабых сторон АСЕАН. Организация оказалась неспособной реагировать на ряд региональных кризисов, начиная с краха тайского бата и последующего экономического кризиса в 1997 году. В то же время решение АСЕАН отложить вхождение Камбоджи в региональную организацию из-за государственного переворота в 1997 году наглядно оспаривает характеристику АСЕАН в отношении внутреннего «невмешательства» [161, p. 500]. АСЕАН также оказалась неэффективной в решении региональных экологических проблем, вызванных лесными пожарами в Индонезии.

Тем не менее, АСЕАН удалось смягчить некоторую напряженность в регионе, например, в отношении территориальных споров в Южно-Китайском море. В территориальные споры были вовлечены ряд государств Юго-Восточной Азии (Малайзия, Филиппины, Бруней и Вьетнам), а также Китай, который заявил, что весь регион является его суверенной территорией [163]. Для того,

чтобы ограничить китайскую экспансию в регионе, страны АСЕАН объединились вместе и подписали Декларацию о поведении Сторон в Южно-Китайском море, которая была принята в 2002 году [164, 165]. Данное соглашение не позволяло всем участвующим сторонам прибегать к применению силы, а также оттолкнуло Китай от своих предпочтений сотрудничать на двусторонней основе с каждым спорным государством в сторону сотрудничества на многосторонней основе.

В 2003 году государства-члены АСЕАН подписали вторую Декларацию о согласии «Конкорд II». Тем самым, АСЕАН учредила создание Сообщества АСЕАН, включающее Экономическое Сообщество, Сообщество безопасности АСЕАН и Социо-Культурное Сообщество [166].

Кроме того, в 2007 году АСЕАН также приняла Устав АСЕАН, целью которого было сделать АСЕАН «основанной на правилах и ориентированной на людей организацией с ее собственной правосубъектностью» [5].

Устав АСЕАН вступил в силу в декабре 2008 года, после ратификации всеми государствами-членами. На саммите АСЕАН в апреле 2010 года министры иностранных дел стран АСЕАН подписали Протокол к Уставу АСЕАН по механизмам урегулирования споров. Этот протокол направлен не только на создание механизмов для разрешения споров, касающихся толкования или применения Устава АСЕАН, но также применяется к другим инструментам АСЕАН, которые конкретно не предусматривают механизмы урегулирования споров [167, 168].

Принятие Устава АСЕАН сигнализировало о стремлении государств АСЕАН перейти к более формальной и юридической структуре в своей деятельности.

Хотя некоторые ученые по-прежнему скептически относятся к тому, что АСЕАН перспективная организация [169-172], другие оценили деятельность АСЕАН более позитивно. В отличие от критики Джонса и Смита характеризующих АСЕАН как «затухающую организацию» с «периферийной, а не основной ролью в региональном росте и стабильности», Эвелин Го утверждает, что АСЕАН «универсально приемлема как «драйвер» «регионализма» [173-174; 175, р. 105-121]. Другие ученые, такие как Дэвид Кейпи, признавая слабости, лежащие в основе процесса и институционализации пути регионального сотрудничества АСЕАН, тем не менее, делают вывод о том, что АСЕАН «оказалась гораздо более устойчивой, чем многие могли предсказать всего несколько лет назад» [175, р. 168-179]. Амитав Ачарья, соглашаясь с тем, что АСЕАН успешно функционирует как точка опоры геополитической стабильности в Азии, предупреждает, что лидерам АСЕАН необходимо сохранить единство, укреплять механизмы сотрудничества и поддерживать «нейтралитет среди великих держав» [176].

Как было закреплено в Договоре о дружбе и сотрудничестве, основополагающие нормы АСЕАН потребовали от государств-членов:

1) демонстрировать взаимное уважение независимости, суверенитета, равенства, территориальной целостности и национальной идентичности всех наций;

- 2) уважать право каждого государства вести свою национальную политику, свободную от внешних вмешательств;
- 3) придерживаться невмешательства во внутренние дела друг друга;
- 4) регулировать разногласия или споры мирными средствами;
- 5) отказаться от угрозы или использования силы; и
- 6) практиковать эффективное сотрудничество между собой [4].

Сильное сопротивление государств-членов АСЕАН к размыванию их суверенитета в значительной степени связано с неудачным историческим опытом региона в отношении западного колониального господства, который существовал около 300 лет в голландской Индонезии, 150 лет в британской Малайе и 100 лет во французском Индокитае. За несколько десятилетий после того, как независимость была наконец достигнута (Бруней стал независимым только в 1984 году), политические элиты АСЕАН продолжали уделять первоочередное внимание сохранению полного суверенитета над своими странами. Утверждая, что нормы АСЕАН о региональном сотрудничестве могут быть поняты только с учетом истории и политической культуры региона, Николай Буссе утверждает, что, в отличие от европейских стран, которые были намерены создать мирный регион после разрушения Второй мировой войны «превосходя государство нации, в Юго-Восточной Азии речь шла о его сохранении» [52, p. 39-60].

Устойчивость АСЕАН к размыванию суверенитета, неуклонное соблюдение невмешательства и настойчивое стремление к принятию решений на основе консультаций и консенсуса привели к сложному процессу принятия решений на основе консенсуса, принимая во внимание все голоса членов Ассоциации - т.е. проводя политику, вызывающую наименьшее разделение среди стран-членов.

Следует также отметить, что не всегда требуется полное согласие для того или иного вопроса. Бывший генеральный секретарь АСЕАН Родольфо Северино, который занимал эту должность с 1992 по 2002 год отмечает, что принятие решений на основе консенсуса не требует единогласия. Во многих случаях консенсус достигается, когда по меньшей мере шесть членов достигают соглашения, а остальные члены «не чувствуют себя достаточно уверенно в вопросе о блокировании действий по нему», поскольку это предложение не воспринимается как «достаточно вредное их национальным интересам, чтобы они могли прямо противостоять ему».

Критики, такие как Дэвид Джонс и Марк Смит, утверждают, что «прямо не затрагивая очаги напряженности, а просто игнорируя их, АСЕАН имеет размытое отношение к развивающемуся порядку безопасности в Юго-Восточной Азии».

Ощутимые недостатки есть и в других организациях, связанных с АСЕАН, а именно АРФ, АСЕАН+3, Встрече на высшем уровне стран Восточной Азиатских Саммитов, а также Совещании министров обороны стран АСЕАН. Во всех этих органах только государства АСЕАН могут возглавлять или координировать все важные встречи, формировать повестку дня и принимать решения по содержанию заявлений председателя. Тем не менее, несмотря на

такую критику в отношении АСЕАН «государства, не являющиеся членами АСЕАН, большие и малые, признали центральную роль АСЕАН, прямо или косвенно, продолжают принимать участие в этих учреждениях, ориентированных на АСЕАН» [177].

Созданный в 1994 году АРФ (в настоящее время состоящий из 27 членов) был первым органом АСЕАН, предназначенный для решения вопросов сотрудничества в области безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Отражая влияние «Пути АСЕАН», процесс принятия решений АРФ основан на консенсусе, непривязанности и медленных темпах. Отсутствие прогресса АРФ в достижении своей первоначальной цели по принятию мер по укреплению доверия, а также в отношении превентивной дипломатии и разрешения конфликтов особенно расстроило неазиатских членов, таких как США, Австралия и Канада. Напротив, Китай и большинство других государств Северо-Восточной Азии поддерживают основополагающие нормативные принципы пути АСЕАН, в частности принципы суверенитета и невмешательства [175, р. 168-179; 178].

Отмечая недостаточную эффективность АРФ в содействии сотрудничеству в области безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Ральф Эммерс и Тан Зе Сенг заявляют: «АРФ, возможно, достигла своей первоначальной цели институционализации отношений великих держав в рамках многосторонней кооперативной структуры и обеспечения централизации АСЕАН в рамках этой архитектуры. Однако АРФ потерял импульс и часто воспринимается как «магазин разговоров», неспособный решать вопросы региональной безопасности» [79, р. 89-102].

Авторы связывают недостатки АРФ с «наличием большого числа членов и слабыми институциональными структурами, его строгое соблюдение принципов суверенитета и невмешательства, закрепленных в Договоре о дружбе и сотрудничестве, которые противоречат любому осуществлению превентивной дипломатии и контрастным стратегическим перспективам среди его ключевых участников» [79, р. 89-102].

После окончания «холодной войны» в 1990-х годах АСЕАН расширилась, включив в состав Камбоджу, Лаос, Мьянму и Вьетнам. С включением этих более авторитарных и экономически менее развитых государств, Ассоциация предсказуемо потеряла относительную институциональную сплоченность. В то время как первая «пятерка государств» АСЕАН были также авторитарными государствами, когда они впервые объединились в 1967 году, они стали более политически плюралистичными и экономически гораздо более продвинутыми. После азиатского финансового кризиса, в 2000 году АСЕАН восстановила свои позиции, где лидирующую позицию заняла Индонезия, освободившись от трех десятилетий авторитарного правления Сухарто. Индонезия, ее возобновленная приверженность региональному и международному сотрудничеству и активизация лидерства в АСЕАН оживили организацию. Под председательством Индонезии в 2003 году АСЕАН приняла Балийское соглашение II (Декларация АСЕАН «Конкорд II»), знаковое событие, направленное на укрепление институциональных основ АСЕАН путем

создания интегрированного сообщества АСЕАН, основанного на трех «столпах»: - Сообщество безопасности для обеспечения сотрудничества в области безопасности и решения новых транснациональных проблем, Экономического сообщества АСЕАН для создания единого рынка и производственной базы; и Социально-культурное сообщество АСЕАН для расширения политических прав человека посредством новой Хартии АСЕАН [5].

Недостатки АСЕАН, такие как затяжной и громоздкий механизм принятия решений, а также поддержание национального суверенитета и принцип невмешательства, несомненно, помешали Секретариату АСЕАН иметь институциональный потенциал и полномочия, необходимые для осуществления реформ для полноценного осуществления действующего Сообщества АСЕАН к 2015 году по достижению эффективного обеспечения безопасности, экономического и социально-культурного сотрудничества. В то же время АСЕАН успешно поддерживает внутреннюю стабильность и предотвращает конфликты между государствами-членами. Хотя случайные столкновения по спорным территориям имели место быть, такие как междоусобная борьба между Таиландом и Камбоджей над владением храмовым комплексом Преах Вихеар, межправительственные отношения оставались стабильными и дружественными, что способствовало региональной стабильности и способствовало притоку иностранных инвестиций, которые продолжают подпитывать устойчивый экономический рост в регионе.

2.2 Сообщество АСЕАН как основа региональных интеграционных процессов

В 1997 году десять государств-членов АСЕАН четко провозгласили свое видение более тесной интеграции в регионе:

«АСЕАН должна к 2020 году создать мирную и стабильную Юго-Восточную Азию, где каждая нация находится в мире с самой собой и где устранены причины конфликтов, соблюдая справедливость и верховенство закона и укрепляя национальную и региональную устойчивость ...

Мы создадим стабильный, процветающий и высококонкурентный экономический регион АСЕАН, в котором есть свободный поток товаров, услуг и инвестиций, более свободный приток капитала, справедливое экономическое развитие и снижение уровня бедности и социально-экономических различий ...» [166].

Задача укрепления интеграционного начала в АСЕАН, перевод этого процесса на новый, более высокий уровень приобрела для Ассоциации жизненно важное значение. Главным форматом объединённых усилий членов Ассоциации на этом направлении стал проект Сообщества АСЕАН.

Концепция Сообщества АСЕАН базировалась на строгом соблюдении суверенитета входящих в него государств и исключении такого ключевого элемента интеграции как «наднациональность» – т.е. делегирования государствами, входящими в интеграционное объединение, части своих

суверенных прав и полномочий наднациональным органам союза и обязательности решений, принимаемых последними, к исполнению всеми членами объединения.

«Дорожная карта» создания Сообщества АСЕАН на 2009–2015 годы, в которую вошли детализированные программы (так называемые «хартии») по трём опорам Сообщества, была призвана свидетельствовать, что в рамках Ассоциации будет реализован «вариант полной интеграции». В качестве стратегических задач Экономического сообщества было поставлено «создание общего рынка и единой производственной базы, превращение АСЕАН в конкурентоспособный регион сбалансированного экономического развития, интегрированный в мировую экономику» [179, р. 2-8].

В сфере политики и безопасности создание Сообщества предусматривало превращение АСЕАН в «концерт» 12 государств Юго-Восточной Азии, основанный на верховенстве права, общих ценностях и нормах, формирование «динамичного и открытого региона во взаимозависимом мире». Хартия Социально-культурного сообщества позиционировала будущее АСЕАН как региона, где будет сформирована «общая идентичность», обеспечено «сближение существующего разрыва в уровнях развития» [180, р. 1].

С. Вонг подчеркивает, что создание Сообщества свидетельствует о том, что члены Ассоциации «осознают необходимость не только быть сообществом, но и восприниматься в качестве сообщества» вовне – в рамках не только Юго-Восточной, но и Северо-Восточной Азии и всего АТР, где АСЕАН выдвинулась на ведущие позиции в вопросах развития сотрудничества и интеграционных процессов. С учётом отрицательного отношения в АСЕАН к принципу наднациональности, интеграционные процессы с участием АСЕАН за пределами Ассоциации также имеют важные особенности: они идут не «вглубь», по пути формирования таможенного союза и общего рынка, предполагающих создание наднациональных механизмов, а «вширь», ограничиваясь созданием зон свободной торговли [181].

Отдавая отчёт в крайней важности решения проблемы адаптации новых членов для последующей судьбы интеграционного проекта в целом, лидеры государств АСЕАН приняли «Инициативу интеграции АСЕАН» (Initiative for ASEAN Integration), в которой был заложен механизм оказания помощи в рамках Ассоциации. Речь шла главным образом о поддержке усилий правительств группы менее развитых государств по ликвидации бедности и преодолению экономической отсталости. В результате основными приоритетами рабочего плана реализации «интеграционной инициативы» были объявлены повышение потенциала экономики и качества человеческих ресурсов в менее развитых государствах – членах Ассоциации, а также развитие их инфраструктуры как средства содействия дальнейшей интеграции АСЕАН. Координацию работы в АСЕАН по этому направлению осуществлял специально созданный в рамках секретариата Ассоциации орган – Совет по делам экономического сообщества. Для аккумуляции финансовых средств под эти программы из источников АСЕАН, стран-партнёров и других источников создан Фонд развития АСЕАН. В круг решаемых им задач входит

первоначальное финансирование крупных проектов, а также полное финансирование кратко- и среднесрочных проектов [182].

Кроме того, в 2010 году во время 17-го саммита АСЕАН во Вьетнаме лидеры приняли Генеральный план по укреплению взаимосвязей в АСЕАН (Master Plan on ASEAN Connectivity). Это важный шаг по достижению Сообщества АСЕАН. Фактически, план направлен на интеграцию региона с более чем 600 миллионами человек с совокупным ВВП около 2,3 трлн. долларов США. Взаимосвязи имеют решающее значение для АСЕАН, поскольку создание Сообщества через физическую, институциональную связь не только предполагает снижение стоимости транзакций, времени и стоимости поездки, но и соединения «ядра» и «периферии» АСЕАН, тем самым более широко распределяя выгоды многогранного роста в регионе и уменьшая разницу в развитии в АСЕАН. Более того, укрепление сотрудничества в АСЕАН имеет важное значение для дальнейшей связи с другими регионами, что способствует АСЕАН сохранить «центральность» в развивающейся региональной архитектуре [183].

Таким образом, АСЕАН имеет трехстороннюю стратегию укрепления взаимосвязей (рисунок 3):

1. Физическая взаимосвязанность. Сюда входят наземный и морской транспорт, информационно-коммуникационные технологии и энергетическая инфраструктура. В настоящее время в АСЕАН физическая инфраструктура, особенно в менее развитых странах, характеризуется структурными недостатками. В большинстве стран АСЕАН также не хватает «мягкой» инфраструктуры (Информационно-Коммуникационные Технологии), которые являются важными предпосылками для следующего этапа развития, что требует модернизации существующей инфраструктуры, и гармонизации нормативно-правовой базы.

2. Институциональная взаимосвязанность. Данный аспект касается свободного потока товаров и услуг по упрощению перевозок. АСЕАН продолжает бороться с проблемой нетарифных барьеров в торговле и инвестициях. В то время как некоторые такие барьеры необходимы, например, для защиты окружающей среды или здоровья людей, животных и растений - другие излишне искажают торговые потоки и ограничивают конкуренцию. Для решения этой проблемы АСЕАН необходимо согласовать стандарты и процедуры оценки соответствия и ввести в действие ключевые соглашения по упрощению перевозок, чтобы снизить затраты на перемещение товаров через границы.

3. Взаимосвязанность между людьми влечет за собой более глубокое «внутри-АСЕАНское» культурное взаимодействие, большую мобильность на территории АСЕАН посредством отмены визового режима и разработку механизмов взаимного признания. Между тем, необходимо отметить, что в результате процесс создания Сообщества АСЕАН развивается более медленными темпами, чем планировалось. На нынешнем этапе интеграции АСЕАН речь идёт главным образом о создании зоны свободной торговли, дополненной некоторыми элементами общего рынка. Достижение же

заявленного высшего уровня интеграционного процесса – создания полноценного экономического союза, который предполагает не только координацию макроэкономической политики, но и унификацию законодательства в валютной, бюджетной и финансовой областях, отнесено к «вопросам отдалённой перспективы» [184].

Рисунок 3 – Общая стратегия взаимодействия Сообщества АСЕАН и Генерального плана по укреплению взаимосвязей

Примечание – Составлено автором

Сложная ситуация сохраняется и в вопросах создания Сообщества в сфере политики и безопасности. Несомненным достижением АСЕАН признан тот факт, что на фоне многих других районов мира, этот субрегион длительное время живёт в условиях относительного спокойствия и безопасности. При этом государства – члены АСЕАН «проявляют зрелый подход к решению остающихся между ними проблем, прибегая к использованию двусторонних, региональных и международных механизмов» [185]. Подобные проявления членами АСЕАН политической зрелости сочетаются с умением обходить «острые углы» и «заматывать под ковер» спорные проблемы, которые, тем не менее, сохраняются в латентном неурегулированном состоянии. Закономерным следствием сохраняющейся неурегулированности политических проблем является и отсутствие реального прогресса в вопросах формирования Социально-культурного сообщества АСЕАН. Выполнение поставленных задач по построению «социально-ответственного», «экологически благополучного» Сообщества, «в центр которого поставлен человек», по оценкам экспертов, осуществлялось «крайне медленно». Например, исключительно важный для решения проблемы трудовых ресурсов АСЕАН документ – «Декларация прав рабочих мигрантов», фактически не работает из-за отсутствия в нём положений, регулирующих права и обязанности отправляющих и принимающих стран [186].

Для осуществления интегральной оценки сложившейся ситуации в АСЕАН автор приведет анализ основных факторов, определяющих сильные и слабые стороны, потенциал дальнейшего развития, вызовы и угрозы АСЕАН.

Сильные стороны

Первым и самым важным преимуществом является чувство общности среди десяти стран Юго-Восточной Азии, несмотря на их разнообразие. Чувство идентичности, которое развивает народ АСЕАН, не совпадает с чувством идентичности людей Европы.

Тем не менее правительства и лидеры АСЕАН чувствуют ответственность за поддержание и укрепление чувства сообщества АСЕАН. Ни одно из государств-членов АСЕАН не вступало в войну друг с другом, хотя государства-члены время от времени участвовали в напряженных военных противостояниях: Камбоджа и Таиланд участвовали в боевых действиях в спорах по храму Преах Вихеар в 2008 году, в то время как Индонезия и Малайзия оба совершали агрессивные военно-морские патрули вокруг оспариваемых островов Сипадан и Лигитян в 2005 году [187].

С. Дханабалан, бывший министр иностранных дел Сингапура, также отметил важность встреч на площадке АСЕАН: «частые встречи старших должностных лиц, министров и т. д. на самом деле являются большой силой, даже если они не приводят к чему-либо конкретному. Их считают пустой тратой времени. Но они развивают чувство идентичности; если бы не частые встречи на всех уровнях, у нас не было бы такого чувства идентичности и единства» [188].

Взаимное доверие и доверие между руководящим корпусом государств-членов, хотя и часто невидимым для международного сообщества, является

одной из самых сильных сторон АСЕАН. Это объясняет, почему ключевые индонезийские политики, в том числе президент Сусило Бамбанг Юдхойоно и его министр иностранных дел Марти Наталегава, направили все силы для сглаживания конфликта между членами АСЕАН, а именно когда министры иностранных дел АСЕАН не смогли достичь соглашения по совместному коммюнике в июле 2012 года в Пномпене по конфликту в Южно-Китайском море [189]. Этот импульс защиты и взаимного уважения членов АСЕАН показал, что между элитами АСЕАН сложилось настоящее чувство приверженности сообществу АСЕАН.

Второй сильный аспект заключается в том, что АСЕАН разрабатывает институты для усиления невидимого чувства идентичности Сообщества. Процесс институционализации АСЕАН значительно продвинулся вперед с принятием Устава АСЕАН в 2007 году. Примечательно, что первые этапы этого сложного процесса преобразования институционального характера АСЕАН прошли относительно гладко. Он начался с создания в 2005 году Группы видных деятелей, которая разрабатывала основу Хартии АСЕАН, членами которой были некоторые из самых уважаемых государственных деятелей АСЕАН, среди которых были Фидель Рамос, Муса Хитам, Али Алатав и С. Джаякумар. В результате отчет группы имел высокий уровень доверия. Целевая группа высокого уровня, созданная для реализации отчета Группы видных деятелей, согласилась с большинством рекомендаций Группы. Целевая группа высокого уровня смогла завершить разработку Устава АСЕАН менее чем за год в 2007 году, что свидетельствует о мобильности и духе доверия в Ассоциации.

В заявлении АСЕАН об институциональных изменениях, внесенных уставом, были выделены следующие моменты:

- Лидеры АСЕАН должны были встречаться не реже двух раз в год;
- был создан Комитет постоянных представителей в АСЕАН с постоянным представителем от каждого государства-члена, проживающего в Джакарте;
- Государствам, не являющимся членами и международным организациям, было разрешено назначать послов в АСЕАН;
- были созданы три совета сообщества АСЕАН, по одному для каждого компонента сообщества АСЕАН;
- был введен институт председательства в АСЕАН, с тем чтобы председательствовать во всех ключевых органах АСЕАН;
- создан орган по правам человека АСЕАН;
- у Генерального секретаря АСЕАН появилась расширенная роль и мандат;
- фонд АСЕАН должен был отчитываться непосредственно перед генеральным секретарем АСЕАН, а не перед попечительским советом.

Третья сила АСЕАН заключается в том, что многие мировые державы заинтересованы в том, чтобы сохранить АСЕАН. Некоторые ключевые державы, включая США, Китай, Японию и Индию, имеют общий интерес к выживанию и успеху АСЕАН, несмотря на расхождения в их интересах по отношению к региону АСЕАН. АСЕАН доверяют ключевые державы как

нейтральной и эффективной платформе, через которую они могут взаимодействовать друг с другом. Спустя несколько десятилетий министры иностранных дел Соединенных Штатов Америки, Китая, Японии, Индии, России и ЕС пришли к пониманию того, насколько важно участие в ежегодных заседаниях АСЕАН. Аналогичным образом, президенты и премьер-министры этих стран также ценят участие в саммитах АСЕАН+3 и АСЕАН+6. По словам посла Томми Коха:

«ЕС руководствуется двумя крупнейшими экономиками, но здесь США, Китай и Индия не могут взять на себя роль «драйвера» в регионе, потому что у них нет общей повестки дня. АСЕАН умеет быть движущей силой в регионе именно потому, что три великие державы не могут достичь консенсуса. Мы можем продолжать это делать до тех пор, пока основные силы находят нас нейтральными и независимыми» [190].

Причины отсутствия конфликта, конечно, сложны. Одна из причин может заключаться в том, что нейтралитет АСЕАН помогает ей сохранить свою центральную роль в регионе. Джордж Йо отмечает:

«В конце концов, все пришли к выводу, что, несмотря на неловкий, иногда неэффективный путь АСЕАН, это все же лучше, чем отсутствие АСЕАН. Это гениальность внешней политики АСЕАН».

Встречи АСЕАН изменили дух отношений между великими державами и, как следствие, способствовали уменьшению соперничества и укреплению сотрудничества между ними.

Недостатки

АСЕАН имеет некоторые серьезные недостатки. Во-первых, у АСЕАН нет внутренних сильных игроков, как например, в ЕС. ЕС остается сильным и устойчивым, поскольку Франция и Германия несут общую ответственность за то, чтобы организация продолжала действовать. Заинтересованные стороны, такие как Америка, Европа, Китай и Индия, не могут выполнять эту роль, поскольку такой стержень должен быть внутренним.

Индонезия, в которой проживает около 40 процентов населения АСЕАН, может выступать как внутренняя устойчивая основа АСЕАН. Крупная и географически разбросанное государство, Индонезия является крупнейшим бенефициаром эффективной экосистемы мира, созданной АСЕАН.

Помимо Индонезии, Малайзия, Сингапур и Таиланд могут выступать в качестве конкурентной основы АСЕАН. Однако Таиланд не может быть основой АСЕАН, так как остается в зоне политической неопределенности. Смерть короля Тайланда Бхумибола Адульдея 13 октября 2016 года усугубил эту неопределенность.

Малайзия также вряд ли обеспечит руководство АСЕАН в краткосрочной перспективе, вследствие внутренних политических кризисов. Учитывая небольшой размер Сингапура, ни один из лидеров Сингапура не может компенсировать отсутствие политического руководства АСЕАН из Индонезии, Малайзии и Таиланда.

Лидерство в АСЕАН не может принадлежать Брунею, Камбодже, Лаосу, географически периферийным странам таким как Мьянма, Филиппины и Вьетнам, по крайней мере, в ближайшее будущее.

Отсутствие устойчиво развитых стран АСЕАН, которые могли бы взять лидерство на себя в АСЕАН является первой ключевой слабостью Ассоциации. Эта слабая сторона усугубляется вторым негативным аспектом: отсутствие сильных институтов. Ранее в работе упоминалось, что одна из сильных сторон АСЕАН является ее институциональность, но данный парадокс можно объяснить следующим образом. АСЕАН разработала более сложные институциональные органы после введения в силу Устава АСЕАН в 2008 году, органично построенного на солидарности, созданной за предыдущие десятилетия. Эти учреждения помогают объединить АСЕАН, но они недостаточно сильны, чтобы обеспечить лидерство в АСЕАН, как это часто делает Комиссия ЕС.

С. Джаякумара, провела интервью с несколькими бывшими секретарями АСЕАН и спросил каждого из них отдельно: «Что бы Вы хотели изменить в АСЕАН?» Все они единогласно отметили: «процесс реализации решений». Самая большая проблема с АСЕАН заключается в том, что отсутствует процесс соблюдения решений и санкций за несоблюдение их. Генеральные секретари АСЕАН могут вносить предложения и даже получать от государств-членов согласие на их принятие, но не существуют гарантии исполнения обязательств [191].

Существуют структурные причины отсутствия сильных институтов АСЕАН. Одним из них является настойчивость некоторых государств-членов, в том числе Малайзии, Сингапура и Таиланда, что каждое государство-член АСЕАН должно платить равную долю ежегодных расходов на финансирование Секретариата АСЕАН. Следовательно, в 2015 году каждая страна АСЕАН выплатила равный ежегодный взнос в размере 1,9 млн. долларов США в Секретариат АСЕАН, где общий бюджет составляет 19 млн. долларов США.

Размер ВВП стран АСЕАН сильно варьируется. К ним относятся большие ВВП Индонезии (888,7 млрд. долларов США), Таиланд (373,8 млрд. долларов США) и Малайзия (326,9 млрд. долларов США). Напротив, три наименьших ВВП - Камбоджа (16,6 млрд. долларов США), Бруней (15,1 млрд. долларов США) и Лаос (11,7 млрд. долларов США). Учитывая эти огромные диспропорции в размере десяти ВВП АСЕАН, было бы неравномерно и неразумно настаивать на равных выплатах всеми десятью странами.

Угрозы

Геополитическое соперничество - самая очевидная угроза, с которой сталкивается АСЕАН. В ближайшие годы в Азиатско-Тихоокеанском регионе будут наблюдаться значительные сдвиги власти, особенно в отношении США, которые откажутся от своей позиции «первой экономики» в мире в пользу Китая к 2030 году или даже раньше. Непредсказуемая политика Дональда Трампа может усугубить ситуацию и повысить уровень непредсказуемости в американо-китайских отношениях. У АСЕАН могут возникнуть большие

вопросы в ближайшие десятилетия в отношении усиленного соперничества между США и Китаем. Некоторые волнения АСЕАН могут также быть вызваны усилением китайско-японским и китайско-индийским соперничеством.

Одним из ранних предвестников таких угроз явилось отсутствие достижения консенсуса по коммюнике на министерском совещании АСЕАН в Пномпене в июле 2012 года в отношении Южно-Китайского моря. На Региональном форуме АСЕАН в Ханое в июле 2010 года госсекретарь США Хиллари Клинтон сделала заявление по Южно-Китайскому морю, обвинив Китай в агрессии в отношении партнеров в Южно-Китайском море. Ян Цзечи, министр иностранных дел Китая, ответил ожесточенным отрицанием того, что проблема Южно-Китайского моря вызывает международную озабоченность, заявив: «Никто не считает, что есть что-то, что угрожает миру и стабильности в регионе». В заявлении на веб-сайте МИД Китая он сказал: «По-видимому, беспристрастные замечания в отношении Китая были направлены на то, чтобы дать международному сообществу неправильное представление о том, что ситуация в Южно-Китайском море вызывает серьезную озабоченность» [192].

Кроме того, в октябре 2014 года, Китай начал свою инициативу по созданию Азиатского инвестиционного банка инфраструктуры. США выступали против этого шага, и несколько азиатских столиц, в том числе АСЕАН, получили призывы от США лоббировать их против присоединения к банку. Токио, Сеул и Канберра остались в стороне, но страны АСЕАН приняли решение присоединиться к ним, поскольку они должны были стать основными бенефициарами.

По другим вопросам страны АСЕАН придерживаются иной позиции. Что касается Южно-Китайского моря, то большинство стран АСЕАН рассматриваются как более проамериканские. По вопросу Азиатского инвестиционного банка инфраструктуры страны АСЕАН рассматриваются как более про-китайские.

В ближайшие десятилетия между США и Китаем появятся много других вопросов по улучшению отношений. В худшем случае, который нельзя исключить, целостность АСЕАН как единой организации может оказаться под угрозой. Сильно прокитайское правительство в Камбодже, например, может столкнуться с сильно проамериканским правительством на Филиппинах. Когда это произойдет, АСЕАН вполне может разделиться. Поэтому было бы неразумно для АСЕАН как сообщества не готовиться к таким наихудшим сценариям.

Лидеры США, Китая, Японии и Индии, в частности, должны внимательно рассмотреть вопрос о том, остается ли в их долгосрочной перспективе интерес с тем, чтобы АСЕАН оставалась единым сообществом, обеспечивающее стабильность в Юго-Восточной Азии. Каждой из четырех держав необходимо przewidеть, что это в их интересах, чтобы АСЕАН была целостной организацией. К счастью, ключевые политики в Вашингтоне, Пекине, Токио и Нью-Дели разделяют довольно твердую убежденность в том, что именно в их

национальных интересах видеть, как АСЕАН держится вместе как сплоченная региональная организация.

Еще одним геополитическим буфером, который может развивать АСЕАН, является более тесное партнерство с Австралией и Новой Зеландией. Когда Го Чок Тонг и Пол Китинг были премьер-министрами Сингапура и Австралии соответственно, они обсуждали вопросы создания нового «сообщества из двенадцати», состоящего из десяти стран АСЕАН плюс Австралия и Новая Зеландия. Любая разумная оценка этого предложения покажет что выгоды перевешивают затраты. Совокупный ВВП АСЕАН (2 328 млрд. долларов США), Австралии (1 252 млрд. долларов США) и Новой Зеландии (191 млрд. долл. США) составил бы 3 772 млрд. долларов США, что сделало бы «сообщество из двенадцати» четвертой - крупнейшей экономикой в мире.

Вторая угроза, с которой сталкивается АСЕАН, заключается в том, что ее политические лидеры сосредоточены на внутренних проблемах, а не на региональных. Оглядываясь назад, ясно, что одной из причин золотой эры АСЕАН в 1980-х и 1990-х годах было то, что у нее были сильные лидеры, такие как Ли Куан Ю, Махатхир Мохамад и Сухарто. Поскольку внутренняя ситуация страны была стабильной, они могли найти возможности и политические ресурсы для работы на региональном уровне сотрудничества.

Как отмечалось выше, этот вопрос усугубляется растущими, но все еще относительно слабыми институтами АСЕАН, которые не могут обеспечить руководство организацией. Некоторые официальные лица ЕС выразили разочарование в связи с Программой регионального развития АСЕАН-ЕС, а именно работой Секретариата АСЕАН, отмечая что: «отсутствует персонал и ресурсы, слабый мандат, нет исполнительных полномочий» [193].

Третья угроза, с которой сталкивается АСЕАН, растет из-за того, что она не справляется с первыми двумя угрозами. Если АСЕАН поражают геополитические конфликты, и ее лидеры отвлекаются на внутренние дела, организация может быть серьезно ослаблена или разобщена. Если это произойдет, могут возникнуть основные линии разломов в Юго-Восточной Азии.

Британский исследователь Чарльз Фишер указывает на то, что Юго-Восточная Азия потенциально можно считать Балканами Азии; межконфессиональная борьба может разразиться во многих уголках региона. Одним из признаков этого является напряженность между мусульманским населением Рохинджа и преобладающим буддийским большинством населения Мьянмы. В июле 2017 года напряженность стала настолько острой, что произошел резкий отток Рохинджа, бегущих в другие районы Юго-Восточной Азии. Первоначально Таиланд, Малайзия и Индонезия выразили неготовность в помощи беженцам. Когда эти действия вызвали международную критику, странам АСЕАН было оказано некоторое давление. Впоследствии АСЕАН сформулировала региональный ответ, который помог смягчить эту проблему. Эти меры включали создание совместной целевой группы по оказанию помощи людям Рохинджа и создание гуманитарного фонда, в который Сингапур внес первоначальную сумму в размере 200 000 долларов США [194].

АСЕАН смогла ответить таким образом, потому что она остается функционирующей организацией. Однако, если АСЕАН была бы дисфункциональной, со слабым руководством, организацией, неясно, была бы другая организация или существовала бы достаточная часть регионального чувства сообщества для управления любыми новыми вспышками межконфессиональной розни, особенно на границах стран АСЕАН.

Поскольку в ближайшие десятилетия Юго-Восточная Азия может подвергнуться некоторым значительным внешним геополитическим потрясениям, АСЕАН необходимо задуматься о том, будут ли подобные потрясения иметь аналогичный результат. Например, если Таиланд будет выступать в качестве прокитайской страны, а Малайзия занимает проамериканскую позицию, геополитическая напряженность между ними может усилить борьбу мусульман за автономию в Южном Таиланде. Большинство мусульман Таиланда являются этнически малайцами и могут легко поддерживать внешнеполитические позиции Малайзии. Геополитические потрясения часто имеют непреднамеренные последствия.

Возможности

В то время как АСЕАН сталкивается со многими угрозами, у нее также есть множество возможностей.

Во-первых – это многосторонность.

Д. Рагги [195] определяет многосторонность как «институциональную форму, которая координирует поведение трех или более государств на основе «обобщенных» принципов поведения». Другими словами, многосторонность - это система, в которой три или более страны сотрудничают друг с другом на основе принципов и идей. Между тем необходимо отметить, что многосторонняя дипломатия не всегда означает многосторонность. Учитывая, что в многосторонней дипломатии предусмотрена общая диалоговая площадка, это не всегда означает, что все участвующие страны будут делиться общими идеями и принципами в отношении обсуждаемой там повестки дня. В многосторонней дипломатии есть много примеров, когда страны открыто преследуют свои собственные национальные интересы. Эту ситуацию можно назвать многосторонней дипломатией без многосторонности. В нынешних мировых экономических отношениях необходимость многосторонних переговоров актуальна из-за глобализации экономических проблем и многополяризации распределения власти между государствами.

В работе «Великая конвергенция» автор описывает, как Билл Клинтон объяснил ценность многосторонних институтов и процессов. Клинтон отмечал: «Если вы считаете, что сохранение власти и контроля, абсолютная свобода передвижения и суверенитета важны для будущего вашей страны, в этом нет ничего противоречивого (США продолжают вести себя в одностороннем порядке). (США) – самая большая, самая мощная страна в мире. Но если вы считаете, что мы должны пытаться создать мир с правилами и партнерствами и привычками поведения, в которых мы хотели бы жить, когда мы больше не военная политическая экономическая сверхдержава в мире, тогда вы этого не сделаете. Это зависит от того, во что вы верите».

Новые организации демонстрируют естественное желание определить модели, демонстрирующие золотой стандарт многостороннего сотрудничества. До недавнего времени институтом, который четко воплощал этот золотой стандарт, был ЕС. Это успешная региональная организация, с тысячами соглашений, которые связывают ее участников. После ЕС второй по величине успешной региональной организацией является АСЕАН. Экономическое сообщество АСЕАН, официально созданное в 2015 году, «предусматривает, что АСЕАН является единым рынком и производственной базой, характеризующейся свободным потоком товаров, услуг и инвестиций, а также более свободным потоком капитала и навыков» [196]. Однако несмотря на то, что ЕС является лидером в области рыночной интеграции, ЕС имеет тенденцию к жесткости своих методов и процедур, в то время как АСЕАН имеет тенденцию к гибкости и прагматизму. В отличие от ЕС, который разрабатывает подробные соглашения о привязке стран в различных областях сотрудничества, АСЕАН основана на простых и общих соглашениях, которые обеспечивают гибкость.

Наиболее заметным примером отсутствия прагматизма в ЕС и его присутствия в АСЕАН является область языковой политики. Европейцы справедливо полагают, что к каждому национальному языку следует относиться с уважением; но, учитывая множество языков ЕС, было бы разумнее ограничивать использование всех официальных языков одновременно. К сожалению, такой основополагающий прагматизм находится вне понимания должностных лиц ЕС, которые работают на 24 официальных языках одновременно. На повседневном уровне они функционируют на двух языках, но множество документов ЕС должны быть переведены на 22 языка.

Страны АСЕАН функционируют на одном языке, английском, который не является родным для какой-либо страны АСЕАН. Руководителям АСЕАН, конечно же, нужен перевод, когда они встречаются на высшем уровне. По большей части, официальные лица и министры встречаются и ведут бизнес на английском языке, а документы выпускаются также на английском языке.

Все больше региональных организаций в развивающихся странах развивают связи с АСЕАН, в том числе Совет сотрудничества стран Персидского залива (сотрудничество с 2000 года), Шанхайская организация сотрудничества (с 2005 года) и МЕРКОСУР (с 2008 года). Кроме того, АСЕАН поддерживает связи с Организацией американских государств, Африканским союзом, Организацией экономического сотрудничества, Лигой арабских государств, Евразийским экономическим союзом и Сообществом по вопросам развития стран юга Африки. Необходимо отметить, что эти региональные организации, установив сотрудничество с АСЕАН, могут многое почерпнуть из сложившихся отношений, а модель сотрудничества АСЕАН станет лучшей практикой для них.

Второй причиной, которая может открыть перспективы АСЕАН в мире, является растущая геополитическая конкуренция в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В случае если АСЕАН сохранит определенную степень сплоченности, она также может воспользоваться геополитической

конкуренцией для извлечения выгод. Например, в то время как Китай начал активную деятельность по созданию соглашения о свободной торговле с АСЕАН, Южная Корея, Австралия, США призывали несколько азиатских стран, в том числе четыре члена АСЕАН (Бруней, Малайзия, Сингапур и Вьетнама), в Транс-Тихоокеанское партнерство [197, с. 176].

Если США и Китай, за которыми следуют Япония и Индия и, возможно, ЕС, продолжают лишать АСЕАН геоэкономических выгод, страны АСЕАН могут стать крупнейшими победителями в условиях растущей геополитической конкуренции в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Несколько стран АСЕАН уже выиграли от растущей конкуренции между Японией и Китаем. Когда Индонезия объявила, что построит высокоскоростную железнодорожную линию между Джакартой и Бандунгом, двумя крупнейшими городами на Яве, Япония, так и Китай начали конкуренцию за этот проект. Несомненно, что в результате этой интенсивной конкуренции Индонезия получила выгодные условия для долгосрочного финансирования этой железной дороги.

Третья возможность, которая может принести пользу АСЕАН, является общим подъемом Азии в глобальных вопросах, который Кишор Махбубани упоминает как будущий азиатский век. Идея азиатского века была впервые появилась с развитием Японии и большим успехом «четырёх тигров» Гонконга, Южной Кореи, Сингапура и Тайваня. Однако подъем Китая и Индии придал реальный вес чувству неотвратимости азиатского века, поскольку их большие группы населения служат основой для огромных экономик.

АСЕАН может извлечь огромную пользу из этой ситуации. Основные торговые маршруты связывали Юго-Восточную Азию с Китаем и Индией более 2000 лет.

Бывший премьер-министр Сингапура Го Чок Тонг использовал яркую и запоминающуюся аналогию, чтобы объяснить перспективы АСЕАН [198].

«Мне нравится думать о новой Азии как о мега-гигантском самолете, который строится. Северо-Восточная Азия, состоящая из Китая, Японии и Южной Кореи, образует одно крыло с мощным двигателем. Индия, второе крыло, также будет иметь мощный двигатель. Страны Юго-Восточной Азии образуют фюзеляж. Даже если нам не хватает мощного двигателя для роста среди 10 стран, мы будем подняты двумя крыльями».

Следовательно, по мере того, как Китай и Индия взлетят, регион АСЕАН, естественно, будет экономически развиваться соответственно. Во многом это уже происходит, о чем свидетельствуют растущие торговые и инвестиционные связи между АСЕАН и обеими странами.

С каждым десятилетием правительства Китая и Индии уровень отношений с Юго-Восточной Азией выходит на новый качественный уровень. Их нынешние лидеры, президент Си Цзиньпин и премьер-министр Нарендра Моди, являются динамичными реформистами, которые говорили о приближении своих стран к Юго-Восточной Азии. На 37-й Сингапурской лекции 23 ноября 2015 года премьер-министр Индии Моди заявлял [199].

«АСЕАН является ядром нашей политики на Востоке. Мы связаны географией и историей, объединенными против многих общих проблем и

связанными многими общими устремлениями. С каждым членом АСЕАН у нас сложились устойчивые стабильные политические, экономические и экономические связи. И, поскольку сообщество АСЕАН ведет путь к региональной интеграции, мы с нетерпением ожидаем более динамичного партнерства между Индией и АСЕАН, которое обладает богатым потенциалом для 1,9 миллиардного населения Индии».

Президент Си Цзинь Пинь заявил в своем выступлении перед парламентом Индонезии в октябре 2013 года [200].

«Страны Китая и АСЕАН связаны общими горами и реками и имеют общие исторические корни. В этом году отмечается десятая годовщина стратегического партнерства между Китаем и АСЕАН. Наши отношения теперь стоят в новой исторической отправной точке. Китай придает большое значение статусу и влиянию Индонезии в АСЕАН. Китай намерен усилить сотрудничество с Индонезией и другими странами АСЕАН с тем, чтобы гарантировать, что Китай и АСЕАН являются хорошими соседями, хорошими друзьями и хорошими партнерами, которые будут делиться процветанием и безопасностью. Совместными усилиями мы построим более сплоченную общину Китая и АСЕАН, чтобы принести больше преимуществ как Китаю, так и АСЕАН и людям в регионе.

Премьер-министр Китая Ли Кэцян заявил на саммите Китай-АСЕАН в ноябре 2017 года в Куала-Лумпуре [201].

Китай и страны АСЕАН - хорошие соседи, пользующиеся географической близостью и культурной близостью ... В последние годы мы ускорили строительство морского шелкового пути 21-го века и создали мощный импульс отношениям Китай-АСЕАН, представляющие совместное будущее, комплексные интересы и тесную эмоциональную связь. Наши отношения вышли далеко за рамки двусторонних отношений, чтобы стать основным краеугольным камнем, лежащим в основе мира, стабильности и развития в Восточной Азии.

В таблице 4 указаны Сильные и слабые стороны, а также угрозы и возможности с которыми сталкивается АСЕАН вполне очевидны, регион сталкивается с серьезными проблемами. Однако сильные стороны гораздо более существенны, чем слабые стороны, и возможности перевешивают угрозы.

Чтобы страны АСЕАН, посредством создания Экономического Сообщества смогли стать реальной производительной базой, их экономике с низким уровнем дохода будет необходимо сосредоточиться на модернизации оборудования и технологических процессов.

Некоторые критики утверждают, что даже при таких усилиях члены АСЕАН слишком сильно различаются с точки зрения их уровня экономического развития, чтобы создать гладко функционирующее единое целое.

Таблица 4 - SWOT анализ деятельности АСЕАН

<p>SWOT анализ</p>	<p><i>Возможности</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - многосторонность растущая геополитическая конкуренция; - общий подъем Азии в эпоху азиатского века 	<p><i>Угрозы</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - геополитическое соперничество; - политическое руководство сосредоточено на внутренних проблемах, а не региональных; - несостоятельность борьбы с двумя вышеназванными угрозами
<p><i>Сильные стороны</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - чувство общности среди стран АСЕАН; - институциональность АСЕАН 	<p><i>Возможности и сильные стороны</i> представляют собой определяют наиболее перспективный, стратегический вектор развития АСЕАН</p>	<p>«<i>Угрозы и сильные стороны</i>» позволяет лучше понять, каким образом ресурсные преимущества могут быть направлены на ликвидацию угроз</p>
<p><i>Слабые стороны</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - нет внутренних сильных игроков; - процесс реализации решений 	<p>«<i>Возможности и слабые стороны</i>» демонстрирует, каким образом «проблемные» позиции могут быть компенсированы за счет новых возможностей.</p>	<p><i>Угрозы и слабые стороны</i> демонстрирует «ахиллесову пяту» АСЕАН, наиболее уязвимые стороны Ассоциации.</p>
<p>Примечание - Составлено автором</p>		

На самом деле, фокус АСЕАН на торговле делает разнообразие преимуществом: поскольку компании ищут выгоду от дешевой сборки в одних странах и промежуточные производственные возможности в других, в то же время получая доступ к одному из самых сложных финансовых и логистических центров мира. И хотя государствам-членам иногда приходится конкурировать друг с другом за долю рынка и многонациональные операции, области их специализации будут в значительной степени дополнять друг друга.

Экономики АСЕАН с низким уровнем дохода выразили обеспокоенность тем, что они будут упускать многие преимущества глубокой интеграции. Это беспокойство отражает центральную задачу, стоящую перед АСЕАН. С момента своего создания, группа в основном являлась нисходящим проектом, движимым региональными лидерами, а не народом. Однако, поскольку страны-члены стали более демократичными, укрепление общественной поддержки становится все более важным – это означает, что лидеры АСЕАН должны работать над более эффективным донесением широким массам идеи преимуществ интеграции.

В то же время, правительства стран АСЕАН должны призвать бизнес – многие лидеры которого, имеют ограниченное понимание возможностей, предоставляемых интеграцией – к выходу на рынки соседних стран. В этой сфере ликвидация нескольких ключевых административных барьеров может потребовать длительного времени.

В настоящий момент ограничения на иностранные инвестиции и торговые барьеры продолжают ограждать многие отечественные отрасли от

конкурентного давления. Сейчас странам АСЕАН необходимо решить, будут ли они отступать к протекционизму или же подтверждать свою приверженность более открытому походу. И хотя последний вариант, несомненно, создаст победителей и проигравших, он также сможет стимулировать общий рост производительности в регионе.

Как региональная группировка, АСЕАН не обладает теми глубокими институциональными и инфраструктурными связями, которые объединяют страны ЕС. И они не выстроили тот тип бесшовных цепочек поставок, которые проводят огромные торговые потоки через Северную Америку. Однако если АСЕАН смогут воплотить видение плана Экономического Сообщества, они станут чем-то большим, нежели простая сумма их составляющих.

2.3 АСЕАН Плюс: расширение экономического сотрудничества в Азии

Анализируя различные факторы, способствовавшие становлению многопланового «феномена АСЕАН», нельзя не заметить, что в их основе изначально лежала устойчивость интеграционных устремлений, объединивших членов Ассоциации. Благодаря этому общему качеству за прошедшие годы страны АСЕАН доказали свою «решимость вывести региональное сотрудничество далеко за рамки традиционного межгосударственного взаимодействия» [202, с. 574-575].

В результате, несмотря на значительные сложности, которые возникали у членов АСЕАН на пути интеграции, этот процесс медленно, но настойчиво пробивал себе дорогу. Участие АСЕАН в интеграционных процессах АТР шло по двум основным контурам: внутреннему, ориентированному на создание и укрепление «интеграционной основы» в рамках собственно Ассоциации, и внешнему, в котором АСЕАН выступал в качестве «консолидированного игрока» во взаимоотношениях с внерегиональными партнёрами. Результатом этого процесса явилось складывание в АТР мощной надстройки в виде структуры международных интеграционных механизмов с участием АСЕАН, которая опиралась на достаточно зыбкое основание в лице самой Ассоциации [203, с. 208].

Выступая центром экономической интеграции в Восточной Азии АСЕАН с начала 90-х годов активно развивала сотрудничество с другими странами региона с целью повышения уровня экономического развития государств – членов Ассоциации, а также расширению интеграционных процессов в регионе. Взаимодействие ведется в различных форматах:

АСЕАН+1, который является полноценным интеграционным форматом, где партнерами Ассоциации являются Китай, Япония, Республика Корея, Индия, Австралия и Новая Зеландия.

У Китая сложились положительные сальдо торгового баланса с рядом стран АСЕАН, в частности с Вьетнамом и Сингапуром, а рекордные дефициты были достигнуты в отношениях с Австралией и Республикой Корея. Таким образом, Китай в большей степени заинтересован в наращивании взаимодействия в рамках АСЕАН+1 или, в крайнем случае, в формате АСЕАН+3.

Заинтересованность Японии в расширении общерегиональных интеграционных процессов объясняется в большей степени инвестиционными связями страны со странами региона и облегчением про-никновения японских корпораций на рынки стран-партнеров. Несмотря на отрицательный торговый баланс с Китаем или Австралией, который значительно превышает профицит с такими странами, как Республика Корея или Индия, инвестиционная составляющая экономического роста Японии по-прежнему велика, а высокая конкурентоспособность японских транснациональных корпораций в случае их более активного проникновения на рынки стран-партнеров обуславливает стремление Японии к расширению интеграции в формате АСЕАН+6.

АСЕАН+3 – это форум, который функционирует в качестве координатора сотрудничества между Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии и тремя странами Восточной Азии – Китая, Японии и Южной Кореи.

Движение по пути более тесного сотрудничества и формирования в перспективе зоны свободной торговли между АСЕАН и Китаем началось с 1990-х годов.

В 2002 году между Китаем и странами АСЕАН было подписано рамочное соглашение о всестороннем экономическом сотрудничестве, в котором были определены общая цель двустороннего сотрудничества, нормы действий и сферы сотрудничества. Это послужило официальным началом строительства зоны свободной торговли с АСЕАН [203, с. 208].

С АСЕАН+3 представляет собой новейший, и, по-видимому, самый динамичный многосторонний диалог и процесс сотрудничества, в котором в настоящее время участвует АСЕАН. Его наиболее очевидной отличительной чертой является охват ее членства и географического расширения, которые являются исключительно восточноазиатскими.

Особенность АСЕАН+3 заключается в том, что с момента своего создания слабосвязанная группировка быстро продвигалась вперед в разработке и объявлении новых инициатив в области сотрудничества, тогда как другие многосторонние группировки, такие как ДСА и, в частности, АТЭС, все чаще представляют собой громоздкие организации со слабой инициативностью [204, с. 244].

Первые встречи лидеров были проведены в 1996 и 1997 годах когда Китай и Япония инициировали регулярные встречи на высшем уровне с членами АСЕАН. Значимость и важность АСЕАН+3 были усилены Азиатским финансовым кризисом. В ответ на кризис АСЕАН тесно сотрудничала с Китаем, Японией и Республикой Корея. В Совместном заявлении лидеры АСЕАН+3 решили укрепить и углубить сотрудничество в Восточной Азии на различных уровнях и в различных областях, особенно в экономической, социальной, политической [204, с. 244].

Что касается культуры и информации, то в этом документе говорится об общей приверженности правительств АСЕАН+3 «укрепить региональное сотрудничество в прогнозировании азиатской точки зрения перед остальным миром». Наиболее примечательно, что в Совместном заявлении содержится призыв «активизировать механизмы самопомощи и поддержки в Восточной

Азии через рамки АСЕАН+3, включая постоянный диалог и механизм сотрудничества руководителей и должностных лиц финансового и центрального банка АСЕАН+3».

В 2000 году АСЕАН+3 привлекла пристальное внимание со стороны международных наблюдателей, когда министры финансов АСЕАН+3 запустили инициативу Чианг Май, основным достижением которой до сих пор стало создание сети двусторонней системы валютного свопа и выкупа, которая предназначена для обеспечения поддержки ликвидности и, таким образом, стабилизации региональных валют в случаях сильных колебаний. Тогда, министры финансов АСЕАН+3 «согласились обновить ситуацию с потоками капитала в каждой стране-члене и обменяться данными о потоках капитала на двусторонней основе среди стран-членов на добровольной основе [и,] признавая важность усиления мониторинга экономической ситуации в нашем регионе [...], согласился создать исследовательскую группу для изучения путей повышения эффективности наших экономических обзоров и политических диалогов» [205].

Страны Северо-Восточной Азии «Плюс три» взяли на себя обязательства по программам обучения для официальных лиц АСЕАН+3 и Центрального банка в той или иной форме и в соответствии с их возможностями. Таким образом, АСЕАН+3 не только инициировал диалог по финансовой и экономической стабильности, но и прилагает усилия к его поддержанию и углублению.

В то время как основное внимание в АСЕАН+3 было сосредоточено на денежно-кредитном и финансовом сотрудничестве, функциональное сотрудничество в других областях достигло устойчивого прогресса. Таким образом, Китай, например, начал участвовать в инициативах развития Меконга, тогда как Япония оказала финансовую и техническую помощь различным инициативам развития АСЕАН, таким как инициатива e-ASEAN и Инициатива по интеграции АСЕАН. Корея также занималась рядом функциональных проектов и взяла на себя обязательство организовать Восточноазиатскую визуальную группу, которая в ноябре 2001 года представила первый промежуточный отчет на саммите АСЕАН+3 и представила окончательный доклад на саммите 2002 года. На саммите 2001 года главы правительств также договорились изучить более тесное сотрудничество в борьбе с терроризмом и транснациональной преступностью.

Восемь лет спустя, на 11-м саммите АСЕАН+3 в 2007 году в Сингапуре было принято второе Совместное заявление по сотрудничеству в Восточной Азии под названием «На основе сотрудничества АСЕАН+3». Заявление подтвердило, что процесс АСЕАН+3 остается основным двигателем к долгосрочной цели создания восточноазиатского сообщества, совместно с АСЕАН в качестве движущей силы. Рабочий план сотрудничества АСЕАН+3 (2007-2017), сформулирован в качестве основного плана по усилению сотрудничества в области АСЕАН+3 на всеобъемлющей и взаимовыгодной основе в течение следующих десяти лет [206].

С тех пор структура АСЕАН+3 стала важным элементом способствующий развитию восточноазиатского регионализма.

Сотрудничество в области безопасности. На 19-м саммите АСЕАН+3, состоявшемся 7 сентября 2016 года, лидеры подчеркнули важность сотрудничества АСЕАН+3 в поддержании и поощрении мира, стабильности и развития в регионе Восточной Азии. Они также договорились о дальнейшем укреплении сотрудничества как в традиционных, так и в нетрадиционных вопросах безопасности, таких как терроризм и насильственный экстремизм, транснациональная преступность, кибербезопасность, безопасность на море, изменение климата, борьба со стихийными бедствиями, устойчивое управление водными ресурсами, продовольственная безопасность, энергетическая безопасность. Сотрудничество по нетрадиционным вопросам безопасности осуществляется в рамках компетенций Сопредседателя министров АСЕАН+3 по транснациональной преступности (АММТС+3) и Встречах высокопоставленных официальных лиц АСЕАН+3 по вопросам транснациональной преступности SOMТС+3, который обсуждает вопросы борьбы с терроризмом и транснациональной преступностью, а также совместные программы по наращиванию потенциала для борьбы с транснациональной преступностью в странах АСЕАН+3.

Экономическое сотрудничество

Торговля в формате АСЕАН+3 сохранила свою динамику несмотря на неопределенность в мировой экономике. Итоговый товарооборот между АСЕАН и странами Плюс Три в 2015 году составил 708,6 долл. США, что составило 31,1% от общего объема торговли АСЕАН. В том же году, общие прямые иностранные инвестиции поступают из стран Плюс Три в АСЕАН достигла 31 млрд. долларов США, что составляет 26% от общего объема притока прямых инвестиций в АСЕАН [207].

Параллельно с многосторонним процессом АСЕАН+3 диалог АСЕАН с соответствующими партнерами из стран Северо-Восточной Азии, особенно с Японией и Китаем, усилился на уровне двусторонних встреч АСЕАН+1. Фактически, Китай и Япония, похоже, используют формат АСЕАН+1, а не процесс АСЕАН+3, для запуска новых совместных инициатив с АСЕАН. Наиболее примечательной инициативой в этом отношении является односторонняя инициатива Китая по созданию зоны свободной торговли между Китаем и АСЕАН, предложение, которое было согласовано и одобрено главами правительств АСЕАН на саммите АСЕАН/АСЕАН+3 в Брунее в ноябре 2001 года.

Подводя итог, стоит отметить, что АСЕАН+3, который до сих пор в значительной степени был форумом для диалога и функционального сотрудничества, начал переходить в сферу диалога по экономической интеграции между АСЕАН и его партнерами.

АСЕАН оставалась ослабленной благодаря усилению разделения между членами АСЕАН и неспособности фактически углубить экономическую и политическую интеграцию после экономического кризиса 1997 года. Таким образом, АСЕАН находилась под сильным внутренним и внешним давлением,

и чтобы доказать свою весомость как регионального субъекта, инициатива АСЕАН+3 предоставила возможность АСЕАН повысить свою международную репутацию. Таким образом, процесс АСЕАН+3 представил шанс для стран АСЕАН противостоять тенденции увеличения двусторонних отношений своих членов с двумя полюсами Восточной Азии – Китаем и Японией и, таким образом, смог скоординировать и представлять интересы Юго-Восточной Азии в отношении этих двух полюсов.

В области нетрадиционных вопросов АСЕАН+3 способствует региональной стабильности путем институционализации как многостороннего, так и двустороннего диалога и сотрудничества в области развития региональной экономической стабильности и трансграничных проблем (например, морское пиратство и трансграничный оборот наркотиков). Юго-Восточная Азия также выигрывает от диалога на уровне АСЕАН+3, поскольку данный формат сотрудничества способствует более расслабленным отношениям между правительствами Северо-Восточной Азии и способствует преодолению укоренившихся культурных, исторических и политических барьеров. АСЕАН+3 также следует конструктивному интеграционному подходу АСЕАН в отношении Китая, поскольку данный подход направлен на обеспечение региональной стабильности и безопасности путем привлечения Китая в сеть взаимовыгодных и незаметных отношений с соседями из стран Юго-Восточной Азии и Северо-Восточной Азии. В этом контексте премьер-министр Гох Чок Тонг Сингапура указал, что предложение АСЕАН и Китая по ЗСТ, помимо экономических соображений, также имеет сильный политический аспект:

«Обе стороны [АСЕАН и Китай] также признают долгосрочные геополитические выгоды от блокировки натянутых отношений между Китаем и АСЕАН [...] Чем более взаимосвязаны экономики Китая и АСЕАН, тем лучше для долгосрочных отношений [...]» [208].

АСЕАН+3 также положительно отразилось на диалоге АСЕАН плюс один (где АСЕАН сотрудничает отдельно с Китаем, Японией и Южной Кореей), поскольку Китай и Япония заинтересованы в расширении своих соответствующих двусторонних профилей сотрудничества с АСЕАН. Предпочтение стран-членов АСЕАН в отношении неформальных отношений и отсутствие коллективной повестки дня АСЕАН+3 свидетельствуют о том, что АСЕАН не стремится к формализации или институционализации процесса АСЕАН+3. Вместо намерения АСЕАН+3 превратить в полномасштабную организацию с четкими целями, АСЕАН комфортно работает в формате АСЕАН+3, развиваясь как совокупность региональных синергий и различных форм сотрудничества, вокруг которых расширяется сеть неофициальных дипломатических контактов и неофициального сотрудничества.

АСЕАН+3 выгодна АСЕАН в области развития японской финансовой помощи. Соглашаясь внести основную долю в инициативы АСЕАН, направленные на сокращение экономического разрыва между старыми и новыми членами АСЕАН (такими как Инициатива по интеграции АСЕАН), Япония быстро становится заметным финансовым источником АСЕАН.

Участие Японии в АСЕАН+3 продиктовано следующими выгодами:

Во-первых, АСЕАН+3 – это платформа для встреч на высшем уровне лидеров Северо-Восточной Азии, то есть Китая, Японии и Южной Кореи. Маловероятно, что эти три страны проводили бы регулярные ежегодные встречи на высшем уровне без существования АСЕАН+3. Таким образом Япония способствовала идее институционализации саммита в Северо-Восточной Азии. Это указывает на то, что у японского правительства есть серьезные надежды на то, что платформа будет развиваться как полезный инструмент для стабилизации отношений в Восточной Азии. Во-вторых, Япония должна активно участвовать в процессе АСЕАН+3, если она хочет играть политическую роль, соизмеримую с ее нынешним статусом как доминирующей экономической державы в Юго-Восточной Азии. Члены АСЕАН ожидают, что Япония поддержит процесс АСЕАН+3 как с целью интеграции Китая в глобальные и региональные структуры. Япония должна быть заинтересована в оправдании ожиданий стран АСЕАН, поскольку ей необходимо улучшить отношения и обеспечить доступ к Юго-Восточной Азии, чтобы обеспечить прочную политическую среду для расширения японских деловых операций и производственных сетей в регионе.

Третьим преимуществом АСЕАН+3 для Японии является возможность внести существенный вклад в стабильность стран Восточной Азии, и особенно стран Юго-Восточной Азии. Таким образом, Япония стремилась улучшить финансовую стабильность стран Юго-Восточной Азии после кризиса 1997 года. Ее предложение об учреждении Азиатского валютного фонда, которое впоследствии было отменено и реализация так называемого Плана Миядзавы, представляли самые масштабные инициативы во всем мире по поддержанию восточноазиатских валют.

Что касается ограничения участия Японии в Восточной Азии, то стоит отметить культурные и политические различия между странами северо-Восточной Азии, а также политические и экономические связи Японии с США, которые не позволят Японии в обозримом будущем принять курс на более характерное восточноазиатское направление.

В то время как наблюдатели Японии в целом признают активизацию в отношении Восточной Азии, они также согласны с тем, что нет никаких признаков того, что в настоящее время Япония переживает серьезный сдвиг парадигмы, чтобы идентифицировать себя как преимущественно восточноазиатской страной. Большое региональное участие Японии рассматривается как дополнение, а не альтернатива традиционно прозападной ориентации Японии.

В то время как В. Блечингер признает, что более сильная экономическая ориентация Японии на Восточную Азию значительно повысила осведомленность и интерес к региону среди японских деловых и политических элит, она тем не менее делает вывод о том, что основной внешнеполитический фокус Японии не может существенно измениться в обозримом будущем [209].

Для КНР процесс АСЕАН+3 представляет собой потенциально эффективный способ достижения нескольких целей.

Во-первых, политика Китая после холодной войны заключается в стремлении к тому, что часто упоминается как «многополярный» мировой порядок. Как показывает Ван Хунгинь, элиты, принимающие решения в Китае, рассматривают ограниченный многосторонний подход как эффективный инструмент содействия многополярности и для уверения стран Юго-Восточной Азии в надежности как ответственного, международного игрока: [Китайское отношение к многосторонности очень своеобразно, о чем свидетельствует официальный дискурс. [...] Исследователи в области международных отношений практичны в отношении причин ограниченного одобрения в многосторонности. Их аргументация включает использование многосторонних соглашений для борьбы с военными альянсами под руководством США и подрыва американского господства в регионе и для умиротворения стран Юго-Восточной Азии и улучшения их восприятия Китая [210].

Если многосторонность в целом воспринимается как эффективное средство для продвижения интересов КНР, очевидно, что Китай должен быть особенно заинтересован в том, чтобы играть роль в АСЕАН+3, где стратегическим противникам, таким как США, нет места и где проявление политической доброжелательности и поддержки АСЕАН, вероятно, принесет высокие дипломатические дивиденды. В отличие от АТЭС, АСЕАН+3 представляет собой исключительно восточноазиатский форум и не имеет никаких фиксированных целей, повесток дня, обязательств, режимов или графиков реализации, а скорее ориентирован на результат. На форуме. АСЕАН+3 - это идеальная площадка для того, чтобы Китай мог улучшить свой имидж в Юго-Восточной Азии, так как с китайской точки зрения, саммит Северо-Восточной Азии в рамках АСЕАН+3 представляет собой удобную платформу для неформального обмена с лидерами Японии и Кореи по текущим политическим, экономическим вопросам и вопросам безопасности. Тем не менее, несмотря на несомненные преимущества такой диалоговой платформы, нельзя исключать, что основным мотивом участия Китая в этом процессе является символическое проявление политической доброй воли, предназначенной для того, чтобы страны АСЕАН были позитивно настроены в отношении КНР и улучшить политический имидж Китая на международном уровне.

Что касается Кореи, то ее отношение к развитию восточноазиатского регионализма и сотрудничества заслуживает доверия, учитывая, что правительство предполагает, что регионализм дополняет существующую глобальную архитектуру. С одной стороны, призыв Кореи расширить сферу охвата стран с формирующимся рынком Восточной Азии в реформировании глобальной финансовой архитектуры и взять на себя большую роль в таких учреждениях, как Международный Валютный Фонд и Всемирный банк, может быть услышан более четко в Вашингтоне и столицах Европы, если они будут совместно выражены странами АСЕАН+3.

В этом отношении типичная корейская точка зрения, похоже, заключается в том, что [...] односторонний региональный подход будет наносить ущерб многосторонности, поскольку это будет означать другой крупномасштабный

региональный блок рядом с ЕС [...] и НАФТА [...]. Дальнейшая фрагментация мировой экономики не принесет пользы восточноазиатским экономикам, ориентированным на внешнюю среду. Поэтому странам Восточной Азии рекомендуется поощрять сбалансированный подход между регионализмом и многосторонностью [211].

Республика Корея, которая уже приблизилась к политической орбите Китая из-за огромного влияния экономической динамики КНР будет все чаще идти по пути балансирования между США и Китаем (первый из них был самым крупным торговым партнером и важным щитом безопасности, последний - наиболее динамичный экономический партнер). Как сообщает Снайдер, Корея в настоящее время адаптируется к потребностям своей изменившейся экономической среды. Таким образом, с одной стороны, корейские аналитики призывают к внешней политике, направленной на примирение США и КНР, а с другой стороны подчеркивают необходимость отмены экономической политики и политики безопасности, с тем чтобы сделать Южную Корею более независимой экономически с Китаем. Таким образом, С.Снайдер заключает, что «учитывая периодический конфронтационный след отношений США и КНР, вопрос о том, как сотрудничать с Китаем, постепенно становится вероятным источником будущих различий в отношениях США и Республики Корея». Тем не менее, он также указывает, что «несмотря на растущую торговлю Китая, Сеул знает, что основой для процветающих торговых отношений с Китаем являются его отношения безопасности с Соединенными Штатами и при нынешних обстоятельствах выберут [эту] связь при оказании давления ». С учетом ситуации с безопасностью на Корейском полуострове Южная Корея должна проявлять серьезную заинтересованность в улучшении диалога на Северо-Востоке Азии на всех уровнях, с тем чтобы содействовать стабильности. В этом отношении Корея, безусловно, ценит результаты, достигнутые как на саммите Северо-Восточной Азии, так и в программах экономического сотрудничества в рамках АСЕАН+3 [212].

Взгляд на политический дискурс среди государств АСЕАН+3 показывает, что большинство участников предпочитают восточноазиатское сотрудничество с ориентацией на прозападную азиатско-тихоокеанскую ориентацию, а не на исключительные формы восточноазиатского регионализма. Только Малайзия и Китай предпочитают последнее.

Судя по поведению Японии и Китая по отношению к АСЕАН, кажется, что в рамках АСЕАН+3 Япония и Китай являются стратегическими противниками, конкурирующими за влияние в Юго-Восточной Азии, вместо того, чтобы участвовать в создании сообщества в Восточной Азии. В то время как Китай активно сотрудничает с АСЕАН в рамках АСЕАН+3, содействуя активизации ЗСТ АСЕАН - Китай, Япония стремится сбалансировать усилия Китая, активизировав свой политический и экономический профиль сотрудничества в регионе.

С точки зрения места стран Юго-Восточной Азии в рамках АСЕАН+3, члены АСЕАН получают политическую и экономическую выгоду от соперничества между гигантами Северо-Восточной Азии, что требует от них

дополнительные силы, по укреплению сотрудничества между членами АСЕАН по выработке единой позиции. Что касается поощрения регионализма, то в структурах АСЕАН+3 существуют широкие возможности для различных форм регионального сотрудничества, начиная от развития помощи и экономического сотрудничества для решения транснациональных проблем и проблем безопасности. К северо-востоку азиатские отношения могут улучшиться благодаря усиленному трехстороннему диалогу между Китаем, Японией и Кореей в рамках процесса АСЕАН+3. В целом, необходимо отметить, что АСЕАН+3 – это гораздо больше деятельность по усилению преодоления взаимного недоверия, содействия диалогу и стабилизации политических отношений в Восточной Азии, чем особые формы политической или экономической интеграции.

Усиление АСЕАН как центра восточноазиатской интеграции, быстрые темпы экономического роста экономики Китая, а также воздействие финансового кризиса 1997-1998 гг. послужили центроостремительными факторами, которые способствовали образованию АСЕАН+3 в качестве ядра будущего Восточноазиатского сообщества. Однако практически с самого начала его создания усилились противоречия между Китаем и Японией относительно будущего состава Сообщества. В одной из своих первых речей избранный премьер-министр Японии Д. Коидзуми намекнул на желательность включения в интеграционные процессы Индии, Австралии и Новой Зеландии. Опасения относительно доминирования в регионе Китая усилились в 2005 г., когда в Китае достигли своего пика антияпонские выступления. В результате в декабре 2005 г. Японии удалось реализовать идею создания нового механизма – Восточноазиатского саммита при участии Индии, Австралии и Новой Зеландии.

В ходе 19-го Саммита АСЕАН странами-участницами была выдвинута идея о создании общерегиональной зоны свободной торговли в рамках государств АСЕАН+6. Новая концепция получила название Регионального всестороннего экономического партнерства. Объединение призвано стать новой общерегиональной формой всестороннего взаимовыгодного партнерства, предполагающего углубление связей и расширение договоренностей, достигнутых в рамках АСЕАН+1.

Включение Австралии, Новой Зеландии и Индии в процесс создания многосторонней ЗСТ в Восточной Азии во многом связано с достаточно высокой степенью взаимозависимости в сфере торговли: на 16 стран приходится почти 45% взаимного товарооборота. Первоначально концепция +6 рассматривалась в качестве альтернативы АСЕАН+3 с целью противодействия нарастающему доминированию Китая в регионе. Однако впоследствии АСЕАН+3 и АСЕАН+6 чаще стали упоминаться в качестве двух стадий одного процесса.

Расширение ЗСТ до 16 стран-членов теоретически может быть выгодно для стран АСЕАН, поскольку именно с Австралией, Новой Зеландией и Индией у этого интеграционного объединения складывается положительный торговый баланс.

Таким образом, основными торговыми партнерами АСЕАН в Восточной Азии являются Китай и Япония, которые стоят на втором и третьем местах по доле в товарообороте АСЕАН.

Главным партнером АСЕАН в Восточной Азии по инвестициям является Япония, за ней с большим отрывом следуют Республика Корея и Китай. Особое значение для АСЕАН имеют США, как с точки зрения торговых связей, так и с позиции инвестиционного сотрудничества. Китай, Япония и Австралия – основные поставщики туристов в страны АСЕАН.

Основные выводы расширения сотрудничества в формате АСЕАН+ заключаются в следующем:

- основными торговыми партнерами АСЕАН являются Китай и Республика Корея, объемы товарооборота между ними растут, а доли – увеличиваться; усилия АСЕАН должны быть направлены в первую очередь на расширение экспорта с Китаем, что, во-первых, будет вести к сокращению дефицита торгового баланса, а во-вторых – способствовать развитию экономик стран Ассоциации в результате возникновения стимулов к улучшению структуры национального производства;

- в торговле с Индией, Австралией и Новой Зеландией странам АСЕАН необходимо наращивать в первую очередь импорт, экспорт в эти страны отличается крайне низкой технологичностью и мало соответствует стратегическим интересам АСЕАН;

- Японию государствам АСЕАН необходимо рассматривать в первую очередь как инвестиционного партнера, а улучшение инвестиционного климата стран Ассоциации может привести к существенному росту притока прямых иностранных инвестиций из Японии.

Таким образом, расширение ЗСТ до 16 стран-членов может быть выгодно для стран АСЕАН, поскольку именно с Австралией, Новой Зеландией и Индией у этой интеграционной группировки складывается положительный торговый баланс. Расширение торговых отношений с этими странами может создать дополнительные возможности АСЕАН в увеличении объемов экспортной прибыли, расширении валютных резервов стран, а также объемов внутреннего инвестирования в их экономики.

2.4 АРФ - фактор стабильности политической интеграции в регионе

После окончания «холодной войны» большое внимание уделялось созданию нового механизма безопасности в АТР. Многие страны региона принимают активное участие в этом процессе. Диалоговые площадки по безопасности были выполнены в разных форматах на разных уровнях. Основная цель таких видов деятельности заключается в формировании новой многосторонней системы безопасности АТР.

Вследствие высокой динамики интеграционных процессов вокруг Ассоциации стран Юго-Восточной Азии, АСЕАН превратился в базовую структуру многостороннего регионального сотрудничества и играет ключевую роль в механизмах взаимодействия в АТР. АРФ АСЕАН, образованный в 1994

году, является ключевым неформальным механизмом многостороннего политического диалога.

АРФ АСЕАН является единственным объединением в АТР, деятельность которого направлена на обсуждение и решение вопросов безопасности. Изучение деятельности АРФ позволяет раскрыть процесс налаживания на регулярной основе многостороннего диалога в сфере политики и безопасности в регионе.

В 1994 г. в столице Таиланда Бангкоке было проведено первое заседание АРФ с участием партнеров по диалогу и наблюдателей – министры иностранных дел 6 стран-членов АСЕАН (Бруней, Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины), 3 наблюдателя в АСЕАН (Вьетнам, Лаос, Папуа-Новая Гвинея), 7 партнеров по диалогу (Австралия, ЕС, Канада, Новая Зеландия, Республика Корея, США и Япония) и 2 консультативных партнера (КНР и Россия). На сегодняшний день число членов АРФ составляет 27 стран.

Главными целями АРФ являются укрепление конструктивного диалога и налаживание консультативных связей по вопросам политики и безопасности, представляющим общий интерес и вызывающим обеспокоенность, а также вклад в укрепление мер доверия и превентивной дипломатии в АТР [213].

Переговорный процесс АРФ имеет свои особенности. За годы своей деятельности данный Форум представляет собой механизм, с помощью которого страны региона сопоставляют и согласовывают свои позиции, вырабатывают общие подходы к решению проблем безопасности, к разработке конкретных мер доверия и реализации превентивной дипломатии.

Таким образом, АРФ в значительной мере способствует снижению конфликтности и оказывает стабилизирующее воздействие на сложные процессы в регионе не путем принятия обязательных решений, а через обсуждение и поддержание постоянного переговорного процесса, контактов на официальном уровне, сближения позиций и укрепление доверия. Это стало возможным только благодаря принципам, положенным в основу при создании АРФ. Эти особенности сделали АРФ работающим механизмом, который воздействует положительным образом на ситуацию в АТР.

Между тем, результативность АРФ – самого представительного регионального объединения АТР, вызывает различные оценки экспертов. Путь, который прошел данный Форум почти за двадцатилетнюю историю, можно отметить как развивающийся: прослеживается расширение повестки, рост числа рабочих групп, увеличение объема текстов документов, выпускаемых в рамках АРФ. Также АРФ значительно преуспел в обсуждении таких вопросов региональной безопасности, как нераспространение ядерного оружия, миротворческие операции, борьба с терроризмом, реагирование на чрезвычайные ситуации и устранение их последствий.

Так, деятельность АРФ предполагает три последовательных этапа развития. Первый – реализация мер доверия в регионе, второй – превентивная дипломатия и третий – создание в АТР механизмов предотвращения и урегулирования конфликтов. К настоящему моменту принимаются меры по переходу от первого ко второму этапу.

Таким образом, основные направления деятельности АРФ – противодействие терроризму и транснациональной преступности, чрезвычайное реагирование, нераспространение и разоружение, морская безопасность. По каждому из этих четырех треков под сопредседательством стран-членов АСЕАН и партнеров по диалогу раз в год проводится соответствующая Межсессионная встреча.

Однако, давние угрозы региональной безопасности – ядерная программа КНДР и споры в Южно-Китайском море – так и не были разрешены, несмотря на то, что ежегодно включались в повестку дня.

Современные угрозы региональной стабильности не замыкаются на ограниченной территории одного или нескольких государств, они способны распространять свое негативное влияние, невзирая на географические, политические и экономические особенности стран, регионов или континентов. В данном контексте следует подчеркнуть, что именно межгосударственное взаимодействие позволяет открыто обсуждать вопросы становления системы региональной безопасности, разрешать наиболее острые противоречия между странами, обмениваться накопившимся опытом профилактики и предотвращения существующих глобальных проблем. Для Центральной Азии также актуализируются угрозы и вызовы, препятствующие сохранению внутрирегиональной устойчивости. К примеру, для Таджикистана вопрос обеспечения национальной безопасности напрямую связан с разрешением проблемы наркотрафика из Афганистана через территорию страны. В этой связи интерес представляют механизмы борьбы с наркоугрозой, выработанные в ходе взаимодействия государств в рамках АСЕАН и Регионального форума АСЕАН, в особенности. Следует отметить, что среди стран Юго-Восточной Азии присутствует второй после Афганистана производитель опиума в мире – Мьянма. Факт расположения страны в центре «золотого наркотriangle» оказывает существенное влияние на положение государства в регионе и на международной арене. Ситуация осложняется еще и тем, что Мьянма испытывает сложности с обеспечением внутривнутриполитической стабильности, периодически сталкиваясь с массовыми выступлениями оппозиции. Однако интеграция Мьянмы в АСЕАН сказалась на обстановке в стране положительным образом, позволив ее руководству понизить уровень интенсивности внутренних противоречий.

Основной целью Форума является поддержание и укрепление мира и процветания Азиатско-Тихоокеанского региона путем активизации диалога по политическим вопросам и сотрудничеству в области безопасности [213]. Как указано в Концептуальном документе 1995 года, эта цель будет достигнута путем постепенного эволюционного подхода, охватывающего три этапа: укрепление доверия, превентивную дипломатию и разрешение конфликтов. АРФ остается первым и единственным всеобъемлющим механизмом обеспечения безопасности, охватывающий почти весь Азиатско-Тихоокеанский регион. АРФ также функционирует в качестве дипломатической основы для многосторонних дискуссий по региональным проблемам, обмена информацией, содействия укреплению доверия и повышению прозрачности.

Решение АСЕАН о создании АРФ было вызвано несколькими мотивами. АРФ рассматривался АСЕАН как дипломатический инструмент для содействия продолжению участия США в регионе, а также вовлечению Китая в международные процессы в регионе. Спустя десятилетия первоначальная цель АСЕАН - институционализировать отношения власти в рамках многосторонних отношений - возможно, была достигнута. Соединенные Штаты Америки по-прежнему глубоко вовлечены в дела безопасности в Азии, а Китай сегодня является активным участником различных региональных соглашений. Более того, большинство региональных субъектов продолжают поддерживать идею о центральном положении АСЕАН в азиатско-тихоокеанском регионализме.

Тем не менее, АРФ потерял импульс развития с момента его формирования. В настоящее время его часто критикуют за то, что он «магазин разговоров», неспособный реагировать на события в области безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сегодня АРФ по-прежнему в основном занимается укреплением доверия. Инициатива по выходу за рамки поощрения мер укрепления доверия не продвигается. Прогресс развития был подорван разногласиями по поводу определения и масштабов превентивной дипломатии. Некоторые участники рассматривают превентивную дипломатию как более опасную форму совместной безопасности, поскольку она в некоторых случаях может нанести ущерб национальному суверенитету. Отсутствие прогресса может иметь прямые политические последствия. Например, в случае с Корейским полуостровом неэффективность АРФ в отличие от периодического прогресса, достигнутого в ходе шестисторонних переговоров, привела к призывам создать региональный механизм безопасности, характерный только для Северо-Восточной Азии. Реализация этой перспективы может привести к созданию другого институционального органа либо диалоговой площадки в вопросах региональной безопасности. Сторонники АРФ также выражают опасение в отношении АСЕАН+3 и Восточно-Азиатского саммита [214, р. 253-261]. Пока неясно, смогут ли различные институциональные структуры дополнять друг друга, поскольку сторонники институционализма, возглавляемого АСЕАН, обычно настаивают, или будут ли они конкурировать и отменяют друг друга.

Неспособность форума достичь своей основной институциональной цели особенно озадачивает наличие достаточных доказательств превентивной дипломатии, используемых другими институциональными процессами в Азиатско-Тихоокеанском регионе для решения проблем, связанных с традиционными безопасностями.

Шестисторонние переговоры и процесс диалога между АСЕАН и Китаем, который привел к подписанию Декларации о поведении Сторон в Южно-Китайском море в ноябре 2002 года, можно рассматривать как превентивную дипломатию [215]. Оценка того, почему АРФ не удалось достичь прогресса, выходящий за рамки укрепления доверия, важен по двум причинам. Во-первых, несмотря на то, что Азиатско-Тихоокеанский регион воспринимается как экономически взаимозависимый и процветающий регион, он по-прежнему содержит ряд потенциальных военных и территориальных споров. Как

утверждают аналитики, «неудача или успех АРФ в его усилиях по разработке превентивной дипломатии являются важным фактором будущих перспектив регионального мира и стабильности» [216, р. 786]. Во-вторых, способность АРФ принимать механизмы превентивной дипломатии остается критерием для многих аналитиков при оценке эффективности и достижения прогресса форума. [217]. Таким образом, можно полагать, что доверие к АРФ и, таким образом, степень, в которой некоторые из его членов будут играть активную роль, зависит от его способности реализовывать и выполнять превентивную дипломатию.

Превентивная дипломатия не является новой концепцией, к примеру, в статье 33 Устава Организации Объединенных Наций указаны несколько мер в отношении превентивной дипломатии [21]:

- Стороны любого спора, продолжение которого может поставить под угрозу поддержание международного мира и безопасности, должны, прежде всего, искать решение путем переговоров, расследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного урегулирования, прибегать к региональным агентствам или договоренностям или другими мирными средствами по своему выбору;

- Совет Безопасности, в случае необходимости, призывает стороны урегулировать свой спор такими средствами.

В этой связи последовательная работа двух генеральных секретарей ООН Дага Хаммаршельда и Бутроса Бутроса-Гали усиливает Устав. В докладе ООН от 1959 года Даг Хаммаршельд определяет превентивную дипломатию как любое действие по предотвращению возникновения споров между сторонами, разрастанию существующих споров в конфликты и ограничению распространения существующих споров, когда они происходят [218].

После окончания «холодной войны» интерес к превентивной дипломатии во всем мире заметно вырос. В данный период концепция превентивной дипломатии была направлена на расширение и переосмысление вопросов безопасности. Сдвиг в глобальном политическом климате способствовал возникновению таких концепций, как гуманитарный интервенционизм и безопасность человека.

Один из преемников Хаммаршельда Бутрос-Гали опубликовал в 1992 году доклад «Повестка дня для мира», в котором целая глава была посвящена превентивной дипломатии [219]. Бутрос-Гали утверждал, что превентивная дипломатия является «использование дипломатических методов для предотвращения возникновения споров, предотвращения их перерастания в вооруженный конфликт, если они возникают, и не удается предупредить, предотвратить распространение вооруженного конфликта» [218, р. 16-32].

Таким образом, методы превентивной дипломатии не отличаются от методов миротворчества. Для Бутроса-Гали ключевое различие между ними заключается в том, что миротворческие средства применяются после разразившегося вооруженного конфликта, тогда как превентивной дипломатии применяется до вооруженного конфликта.

ООН не является единственным, кто подчеркивает важность превентивных действий. Региональные учреждения - ключевой элемент видения Бутроса-Гали о глобальном режиме превентивной дипломатии, которые не только продемонстрировали теоретическую поддержку превентивной дипломатии, но и создали такие инструменты, как «высокие советы, специальные посланники, наблюдатели или миссии по установлению фактов и т.п.» [220, р. 7]. Подобным образом, неправительственные субъекты – организации по оказанию гуманитарной помощи, группы по защите прав человека, агентства по вопросам развития, политические сети, участвующие в дипломатии второго уровня и т.д., внесли свой вклад в превентивную дипломатию. Более того, некоторые страны взяли на себя идею о превентивной дипломатии. Соединенные Штаты, особенно в период президентства Клинтона, поддержали эту концепцию. Например, в Стратегии национальной безопасности США 1994 года содержится призыв к разработке и внедрению превентивной дипломатии с помощью таких средств, как «поддержка демократии, экономическая помощь, военное присутствие за границей, контакты между военными и участие в многосторонних переговорах ... для того, чтобы разрешать проблемы, уменьшать напряженность и обезвреживать конфликты, прежде чем они приведут к кризисам» [220, р. 5].

В Хельсинкском Заключительном акте 1975 года ОБСЕ определяет уважение основных прав и свобод человека, совести, религии или убеждений как основополагающего обязательства, наряду с суверенитетом и невмешательством, мирным урегулированием споров для всех государств-участников [221]. Что касается Организации американских государств, то в ее уставе были вновь внесены дополнительные поправки, которые включают утверждение о том, что «представительная демократия является незаменимым условием стабильности, мира и развития региона [222].

Однако превентивность не сводится к набору инструментов и возможностей. В нем также содержится соглашение о том, что должно быть предотвращено, то есть консенсус относительно каких угроз должен быть достигнут. Безусловно, ООН была создана в первую очередь для предотвращения войны между государствами. Тем не менее, окончание «холодной войны» привело к разработке более широкой парадигмы превентивной дипломатии, направленной на предотвращение гражданских войн, этнических конфликтов, грубых нарушений прав человека (включая военные преступления и геноцид) и гуманитарных чрезвычайных ситуаций. Таким образом, понятие превентивной дипломатии было смещено прежде всего от межгосударственной ориентации во время холодной войны к более экспансивной интерпретации после холодной войны, которая включала как межгосударственные, так и внутригосударственные понятия превентивной дипломатии. Тем не менее, несмотря на широкое признание политиками значимости превентивной дипломатии и растущей литературы по этому вопросу, ни государства, ни организации не установили стандартные операционные процедуры для раннего предупреждения и превентивных действий в отношении возможных конфликтов.

Второе ежегодное министерское совещание АРФ привело к принятию концептуального документа, в котором изложена дальнейшая эволюция форума. В документе заявлено, что АРФ будет продвигаться через три этапа сотрудничества в области безопасности: укрепление доверия, превентивная дипломатия и механизмы разрешения конфликтов. В Заявлении председателя в результате требований Китая третий шаг был изменен на «разработку подходов к конфликтам», что говорит о влиянии Китая на процесс сотрудничества [223]. Считалось, что АРФ находится на первом этапе развития, что подтверждает Концептуальный документ: «На начальном этапе АРФ должен (...) сосредоточиться на укреплении доверия и доверия между участниками и тем самым способствовать созданию региональной среды, способствующей поддержанию мира и процветания в регионе». В Документе также приводятся два взаимодополняющих подхода к сотрудничеству в области безопасности: один, основанный на опыте и практике сотрудничества АСЕАН, а другой - на «осуществлении конкретных мер укрепления доверия» [213]. Кроме того, в «Концептуальном документе» была представлена концепция «второй дорожки», направленной на обсуждение чувствительных вопросов безопасности через негосударственные институты и организации.

В то же время Концептуальный документ консолидировал ведущую роль АСЕАН в институциональной деятельности АРФ. Было решено, что все крупные совещания будут проводиться в столицах АСЕАН и будут организованы членами Ассоциации. В Концептуальном документе также было объявлено, что АСЕАН предоставит бюрократические рамки для поддержки деятельности АРФ. Наконец, в нем предусматривается, что процедуры форума должны основываться на «преобладающих нормах и практике АСЕАН». Решения должны приниматься на основе консенсуса и после тщательных и широких консультаций. Голосование не предусматривается» [213]. Второе заседание АРФ также привело к созданию межсессионных групп поддержки, сопредседателями которых являются представители АСЕАН и не-АСЕАН представителями, которые будут проводить встречи между ежегодными сессиями министров. Была также создана серия межсессионных совещаний для совместной деятельности, включая операции по поддержанию мира, меры по укреплению доверия, помощь в случае стихийных бедствий и поисково-спасательные миссии.

Благодаря Концептуальному документу и межсессионной деятельности АРФ к 1995 году достиг уровня институционализации, никогда не достигнутого АСЕАН за свою 28-летнюю историю. В отличие от метода «Пути АСЕАН», АРФ был предназначен для более структурированного подхода к совместной безопасности. Основной целью создания АРФ было создание «предсказуемой и конструктивной структуры отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе», и поэтому было решено, что «на начальном этапе АРФ должен сосредоточить внимание на укреплении доверия и доверия между участниками и тем самым способствовать созданию региональной среды, способствующей поддержанию мира и процветание региона» [213]. Конкретные шаги были реализованы как на уровне первой дорожки (государственный), так и на уровне второй

(неправительственные организации и другие неофициальные участники и организации).

Тем не менее, несмотря на заявленное намерение АРФ усилить безопасность в регионе через превентивную дипломатию, между его участниками были значительные споры и дебаты, и явное расхождение в отношении идеи превентивной дипломатии сохранилось.

Это особенно справедливо в отношении опасений по поводу эрозии суверенитета. Таким образом, участники АРФ проявили разную степень готовности к разработке мер превентивной дипломатии. На начальном этапе это расхождение наблюдалось между странами и субъектами, которые активно выступали за разработку конкретных механизмов превентивной дипломатии (таких как США, Европейский союз, Япония, Канада и Австралия) и тех, которые не желали продвигать АРФ в направлении превентивной дипломатии (в частности, Китай и некоторые страны АСЕАН, таких как Мьянма и Вьетнам). Страны-активисты подчеркнули необходимость осуществления конкретных мер превентивной дипломатии, такие как системы раннего предупреждения, миссий по установлению фактов и повышения роли добрых услуг председателя АРФ, которые будут играть активную роль в посредничестве в спорах. Тем не менее, те страны, которые неохотно стремились установить четкое определение превентивной дипломатии, свои действия направляли на, прежде всего, установление определения превентивной дипломатии перед изучением конкретных мер, которые могут быть реализованы. Они также строго придерживались принципов невмешательства и опасались, что применение превентивной дипломатии в отношении внутригосударственных конфликтов позволит вмешиваться в проблемы безопасности, связанные с суверенитетом и внутренними делами» [82, p.785-804].

«Неохотное» мнение было четко выражено в документе посла Китая Ши Чунлая, в котором подчеркивалось намерение Китая воздерживаться от вмешательства во внутренние дела страны [83, p. 183-84]. В документе, представленном в рамках доклада Рабочей группы о превентивной дипломатии, в подчеркивалось, что дальнейшие подходы к превентивной дипломатии могут быть сосредоточены на «1) укреплении доверия и доверия в Азиатско-Тихоокеанском регионе; 2) Инициировать совместные и конструктивные обсуждения традиционных и нетрадиционных вопросов региональной безопасности; 3) последовательная поддержка АСЕАН в качестве председателя АРФ, и 4) изучение конкретных мер по реализации превентивной дипломатии» [224, p. 31-32].

Частично в результате разногласий по поводу превентивной дипломатии АРФ в первые семь лет сосредоточился на укреплении доверия. Тем не менее, продолжение обсуждений в рамках рабочих совещаний привело к разработке рабочего определения и формулированию принципов превентивной дипломатии. На 8-й встрече АРФ в Ханое в 2001 году была принята «Концепция и принципы АРФ», в которой было дано определение превентивной дипломатии следующим образом: «согласованные

дипломатические и политические действия, предпринятые суверенными государствами с согласия всех непосредственно вовлеченных сторон:

- содействовать предотвращению возникновения споров и конфликтов между государствами, которые потенциально могут представлять угрозу для мира и стабильности в регионе;
- содействовать предотвращению эскалации споров и конфликтов в вооруженное противостояние; а также
- помочь минимизировать влияние таких споров и конфликтов на регион.

В документе также изложены основные принципы превентивной дипломатии:

- дипломатия опирается на дипломатические и мирные методы;
- неприемлемость: военные действия и применение силы не являются частью превентивной дипломатии;
- своевременность: методы превентивной дипломатии наиболее эффективны на ранней стадии конфликта или кризиса;
- меры доверия: превентивная дипломатия может быть успешно применена только тогда, когда есть надежная основа доверия и уверенности;
- консультации и консенсус: Любая работа по превентивной дипломатии может быть проведена только на основе консенсуса после тщательных и обстоятельных консультаций между членами АРФ;
- добровольность: практика превентивная дипломатия должна применяться только по просьбе всех сторон, непосредственно участвующих в споре и с их явного согласия;
- превентивная дипломатия применяется к конфликтам между государствами и между ними;
- проводится в соответствии с общепризнанными основными принципами международного права и межгосударственных отношений.

Почему АРФ не смогла реализовать превентивную дипломатию?

Аналитики приводят ряд факторов, объясняющих неспособность АРФ к осуществлению превентивной дипломатии. К ним относятся большое членство АРФ и слабые институциональные структуры, его строгое соблюдение принципов суверенитета и невмешательства, закрепленных в Договоре о дружбе и сотрудничестве, которые противоречат любому эффективному осуществлению превентивной дипломатии, а также разные стратегические перспективы среди его ключевых участников. Хотя эти факторы, безусловно, затрудняют сотрудничество в области безопасности, они не могут объяснить, почему превентивной дипломатии было реализовано в других странах Восточной Азии, но не в АРФ. Рассматривая данные факторы необходимо отметить следующее.

Во-первых, было отмечено, что АРФ страдает от структурных ограничений, которые влияют на его развитие. В АРФ входят двадцать семь участников. Большое членство ограничивает его способность поддерживать внутреннюю согласованность и развиваться. В Концептуальном документе АРФ предусматривается, что форум будет развиваться на основе консенсуса и

«в удобном для всех участников формате». Напротив, Европейский Союз ЕС, как и АРФ, состоит из двадцати семи членов, но, в отличие от АРФ, уже давно и продолжает активно заниматься превентивной дипломатией [224]. Между тем, стоит отметить, что АРФ представляет собой значительно большее географическое пространство, численность населения и весьма разнородные культурные, идеологические и стратегические перспективы среди его участников по сравнению с ЕС. Существенные различия между субрегионами также контрастируют в отношении аспектов безопасности в Северо-Восточной Азии, странах Южной Азии, а также в Юго-Восточной Азии. Например, Северо-Восточная Азия, в отношении безопасности представлена в основном двусторонними отношениями, Юго-Восточная Азия тесно связана с АСЕАН, а также Южная Азия представлена Ассоциацией регионального сотрудничества стран Южной Азии, которая мало способствовала региональной интеграции в результате многолетней конфронтации между Индией и Пакистаном. Как региональное учреждение, АРФ уникально в том, что в его рядах глобальные и региональные державы – их количество больше, чем в любом другом региональном соглашении. Обретение общего согласия по общим целям вызывает опасение, поскольку между участниками существуют глубокие разногласия, которые серьезно влияют на способность форума принимать решения, приемлемые для всех. Более того, наличие субрегиональной группировки слабых и развивающихся государств, где АСЕАН выступает движущей силой, вероятно, повлияла на способность АРФ продвигаться в более амбициозном направлении [225, р. 289-300]. Дело здесь не в том, что местные акторы не вносят существенного вклада в формы регионализма, как вносят крупные державы.

Аргумент структурных ограничений существует, но он сам по себе не объясняет, почему АРФ еще не разработала механизмы превентивной дипломатии. В отличие от АСЕАН, АРФ функционирует как зонтичная организация, в которой инициативы могут быть предприняты в кулуарах официальных собраний. События 1996 года в Тайваньском проливе представляют собой интересный пример. Военные учения Китая в марте 1996 года, направленные на то, чтобы запугать Тайвань и повлиять на предстоящие президентские выборы, привели к развертыванию США двух эскадронно-носителей для сдерживания дальнейших действий Китая. Встреча АРФ открыла путь для диалога между Соединенными Штатами и Китаем. Поэтому можно утверждать, что, выступая в качестве средства для консультаций, АРФ, хотя бы косвенно, способствовала деэскалации кризиса.

Другая часто упоминаемая проблема заключается в том, что принципы суверенитета и невмешательства АРФ противоречат реализации превентивной дипломатии.

В то время как Австралия, Канада, Япония и Соединенные Штаты, похоже, предпочитают более традиционную превентивную дипломатию, Китай и члены АСЕАН поддерживают формат диалога и консультаций. Кроме того, концепция превентивной дипломатии противоречит предпочтениям АСЕАН по предотвращению конфликтов. Традиционная мудрость предполагает, что

западные и/или развитые демократии среди участников АРФ значительно меньше подвергаются угрозе с помощью превентивной дипломатии, поскольку их территориальные границы относительно более безопасны, чем их азиатские и/или развивающиеся партнеры.

Тем не менее важно подчеркнуть роль шестисторонних переговоров в продолжающихся усилиях по денуклеаризации Северной Кореи. Несмотря на превратности дипломатии полуострова, частичные успехи шестисторонних переговоров привели к предложениям о том, что переговоры могут со временем стать институционализированным механизмом безопасности для решения проблем в Северо-Восточной Азии. Более того, Китай и члены АСЕАН готовы применить усилия превентивной дипломатии в других организационных условиях для устранения всплеск региональной безопасности, особенно в Южно-Китайском море. Данный пример был продемонстрирован в Декларации о поведении Сторон в Южно-Китайском море, подписанной Китаем и членами АСЕАН в ноябре 2002 года. Подписание декларации указывало на стремление различных сторон участвовать в своих требованиях мирными средствами. Декларация открыто осудила применение силы в Южно-Китайском море и способствовала ослаблению напряженности между государствами-заявителями. Декларация 2002 года также обязала подписавшиеся стороны предпринять совместные действия и расширять возможности заключения соглашений о совместных схемах разведки и разработки нефти. Кроме того, декларация воспринималась как признак того, что КНР была готова уважать принципы АСЕАН и мирно сосуществовать со своими соседями из Юго-Восточной Азии.

Еще один аспект, затрудняющий деятельность АРФ – это ключевые разногласия в стратегических взглядах членов АРФ, мешающие им продвигаться к превентивной дипломатии. Вашингтон и Токио видят АРФ как средство реализации существующих двусторонних структур безопасности, Пекин продвигает несколько форм многополярности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Действительно, часто высказывалось мнение о том, что разногласия в плане безопасности усложняют работу АРФ [226, р. 195-214]. Тем не менее, этот аргумент сам по себе является неубедительным в свете деятельности шестисторонних переговоров. Действительно, несмотря на то, что в этой кооперативной структуре доминируют различные интересы безопасности США, Китая, Японии и, в меньшей степени, России, ей все же удалось применить некоторые усилия превентивной дипломатии к северокорейскому вопросу. В этом отношении, несмотря на сложное сочетание проблемных вопросов АСЕАН, дипломатическая история отражает случайные повороты к превентивной дипломатии, например, в борьбе с терроризмом, птичьим гриппом и другими нетрадиционными проблемами безопасности.

Таким образом, роль АСЕАН в расширении интеграции стран АТР заключается в следующем.

АСЕАН наибольшего успеха добилась в области обеспечения региональной безопасности, и как следствие в региональной интеграции. Деятельность АСЕАН в области безопасности являлись ключевым фактором поддержания мира и стабильности.

В 2015 году АСЕАН окончательно оформился в сообщество, играющее важную роль не только в АТР, но и в системе международных отношений, формируя региональную архитектуру, которая обеспечивает региональную безопасность и экономическое процветание.

Принимая во внимание отсутствие принципу наднациональности, интеграционные процессы с участием АСЕАН за пределами Ассоциации идут не «вглубь», по пути формирования таможенного союза и общего рынка, предполагающих создание наднациональных механизмов, а «вширь», ограничиваясь созданием зон свободной торговли.

Организация достаточно успешно справляется как с внутренними трудностями, так и с внешними вызовами. Однако, в силу сохраняющегося соперничества в регионе результаты деятельности АСЕАН в области интеграционных процессов в регионе находятся в стадии развития. К примеру результативность деятельности АСЕАН зависят от Китая и Японии, а также США.

Ответ на вопрос о том, почему АРФ до сих пор не смог продвинуться в превентивной дипломатии, можно найти в подходе к методу «Пути АСЕАН» как способу региональной дипломатии и безопасности. На сегодняшний день существуют множество мнений, утверждающих, что метод «Путь АСЕАН» становится неактуальным для региональной интеграции, несмотря на многочисленные отзывы о его значении лидеров и сторонников региональной ассоциации.

3 РЕЗЕРВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И АСЕАН

Интерес Казахстана к огромному региону, включающим Северо-Восточную и Юго-Восточную Азию, Австралию, Новую Зеландию, всю Океанию, Россию, Соединенные Штаты Америки и Канаду, резко возрос как в политической, так и в экономической областях. Этот регион является перекрестком для разнообразных интересов таких великих держав, как Соединенные Штаты Америки, Китайская Народная Республика, Российская Федерация, Индия и Япония. Силовой баланс в Азиатско-Тихоокеанском регионе имеет большое влияние не только на международное сообщество, но и на нашу страну.

Пророческие слова Джеймса Хейса «Средиземное море – это море прошлого, Атлантика - море настоящего. Тихий океан - море будущего» как никогда актуальны на современном этапе. Сегодня Азиатско-Тихоокеанский регион является одним из самых значительных звеньев мировой политики, и со временем значение региона будет расти еще больше, прежде всего в экономической сфере.

За годы независимости Астана проявила искреннее стремление развивать всесторонние отношения со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Наша страна придерживается пути плодотворного сотрудничества и имеет прочные связи во всех сферах с такими государствами, как КНР, Австралия, Вьетнам, Индия, Республика Корея, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Япония.

В этих условиях, безусловно, чрезвычайно важно иметь стратегию Республики Казахстан с учетом анализа реалий, существующих в Азиатско-Тихоокеанском регионе и оценки ситуации в политической, экономической и военной областях. В настоящее время мы можем заметить, что Казахстан выражает свою активную заинтересованность в сотрудничестве с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона в областях, удобных для обеих сторон.

В данном параграфе рассматриваются вопросы участия Республики Казахстан в рамках регионального форума АСЕАН, представляющий собой основной неформальный инструмент по сохранению мира на пространстве АТР, а также представляющий собой механизм многостороннего политического диалога. Кроме того, в разделе рассматривается участие Казахстана в рамках архитектуры Нового Шелкового Пути и ЕАЭС, а также проблемы и перспективы взаимодействия Республики Казахстан и АСЕАН

3.1 Превентивная дипломатия Республики Казахстан в рамках Регионального форума АСЕАН

Впервые успешно опробованная еще в середине прошлого века Генеральным Секретарем ООН Дагом Хаммаршёльдом, методика превентивной дипломатии получила свое концептуальное развитие в докладе Генерального Секретаря ООН Бутроса Гали «Повестка дня для мира». Он определил ее как: «действия, направленные на предупреждение возникновения

споров между сторонами, недопущение перерастания существующих споров в конфликты и ограничение масштабов конфликтов после их возникновения».

В последующем, идея превентивной дипломатии была подхвачена другими международными и региональными структурами, а ее реализация сопровождалась рождением новых концептуальных документов и специальных механизмов сотрудничества в рамках таких организаций, как ОБСЕ, ШОС, СВМДА и так далее. Практика использования превентивной дипломатии подтвердила ее действенность и создала необходимую правовую основу для расширения возможностей ее применения в отношении различных типов конфликтов.

Известный специалист по проблемам превентивной дипломатии, таджикский ученый Эркин Рахматуллаев на основе анализа идей, изложенных в «Повестке дня для мира», сделал справедливый вывод: «Превентивная дипломатия является, по мнению Бутроса Бутроса-Гали, наиболее желательным и эффективным средством для ослабления напряженности, до того, как эта напряженность перерастает в конфликт» [90, с. 50].

Казахстан стремится укреплять экономические связи не только с отдельными представителями Ассоциации, такими, как Малайзия, но и с АСЕАН в целом как экономической группой. По словам бывшего вице-министра иностранных дел Д. Куанышева, Казахстан предлагает принять его «...не столько в члены АСЕАН, но, скорее, как участника тех институтов АСЕАН, которые ведут международный диалог» [227, р. 153].

В подтверждение данного подхода Казахстаном была подана заявка на участие в АРФ, объединяющем членов организации и их внерегиональных партнеров по диалогу, а также Бангладеш, Восточный Тимор, КНДР, Монголию, Папуа-Новую Гвинею и Пакистан. Созданный по инициативе АСЕАН в 1994 г. в целях бесконфликтного развития Юго-Восточной Азии, а также Азиатско-Тихоокеанского региона в целом, АРФ стремиться создать в регионе надежную систему безопасности, осуществляя меры доверия в Азии через превентивную дипломатию [228, с. 47].

Авторитет этой организации дает основание утверждать, что участие нашей республики в работе АРФ позволило бы Казахстану принять непосредственное участие в интеграционных процессах, а также политическом, экономическом и культурном взаимодействии со странами всего региона. Статус участника АРФ предоставил бы казахстанской дипломатии дополнительную площадку для неформальных консультаций с главами внешнеполитических ведомств азиатских стран, с которыми у нас фактически отсутствуют иные механизмы двустороннего диалога (например: Бангладеш, Камбоджа, Лаос и Новая Зеландия). Немаловажно также, что работа АРФ освещается ведущими мировыми информационными агентствами и национальными СМИ, что положительно сказалось бы на международном имидже Казахстана.

Следует отметить, что по инициативе сингапурской стороны с 2005 г. в АРФ был введен механизм «гибкого моратория» на принятие новых членов, действие которого до сегодняшнего дня не прекращено.

Так, на прошедшем 24-30 июля 2005 г. в г. Вьентьян (Лаос) Совете министров АРФ сингапурская сторона подняла вопрос о необходимости введения моратория на принятие новых участников в ряды форума. Однако это предложение не нашло должной поддержки и в результате в АРФ был принят Восточный Тимор. На 13-м заседании АРФ в июле 2006 г. в Куала-Лумпуре в состав форума был принят Бангладеш. Согласно имеющейся практике по приему одного нового участника в год в порядке очередности согласно дате подачи заявок на вступление.

В целом, несмотря на ряд заявок на получение партнерского статуса в АСЕАН, расширять систему диалогов асеановцы считают нецелесообразным. Действует временный мораторий на предоставление другим государствам статуса партнера по диалогу с Ассоциацией. Пока принято решение сосредоточиться на совершенствовании механизма «постминистерских конференций», в частности, в формате АСЕАН+1 [229].

25 декабря 2003 года главам внешнеполитических ведомств стран-участниц АРФ было разослано письменное обращение бывшего тогда Министра иностранных дел РК К.Токаева о намерении Казахстана вступить в АРФ. На данное письмо ответ о согласии рассмотреть заявку был получен от министров иностранных дел Филиппин, Таиланда, Камбоджи, Брунея, Индонезии, Малайзии, Сингапура, Мьянмы.

В 1998 г. кандидатура Казахстана встретила возражение со стороны некоторых стран АСЕАН и, таким образом, не была предложена на рассмотрение всех участников АРФ. Оппозиция в отношении казахстанской заявки исходила от Сингапура и, возможно, от Филиппин и Таиланда. В данной связи следует отметить, что внутри АСЕАН всегда существовало скрытое деление по двум принципам – уровень партнерства с США и религия. Сингапур, Филиппины и Таиланд являются немусульманскими странами и поддерживают тесные контакты с Белым домом. В свою очередь, два других ключевых участника – Малайзия и Индонезия – являются мусульманскими странами и всегда выступали против расширения военного присутствия США в регионе. Таким образом, когда в 1998 г. Куала-Лумпур и Джакарта лоббировали заявку Казахстана, три вышеуказанные страны, как представляется, расценили этот шаг как попытку расширить состав АРФ за счет мусульманских стран.

В настоящее время заявка Казахстана, как видится, встретит меньшее сопротивление со стороны Сингапура, Филиппин и Таиланда ввиду поступательного политического диалога РК с США, положительного имиджа РК на международной арене, лидирующего положения в регионе Центральной Азии, а также динамичного развития отношений с Сингапуром, Манилой и Бангкоком. Являясь инициатором СВМДА и Съезда лидеров мировых и традиционных религий, Казахстан претендует на положительное рассмотрение поданной заявки.

Вопрос продвижения заявки Республики Казахстан на членство в Форуме находился на проработке посольств РК в странах-членах АРФ при постоянном координаторстве Посольства РК в Малайзии.

Работа по продвижению заявки РК по вступлению в АРФ продолжается.

На сегодняшний день, несмотря на действующий «гибкий мораторий» принципиальную поддержку кандидатуре РК в случае достижения консенсуса среди стран-участниц АРФ выразили Бруней, Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Сингапур (страны АСЕАН), Индия, КНР, Республика Корея, Монголия, Пакистан, Россия, США, Япония, Австралия и Новая Зеландия (устно).

Не ясной, до настоящего времени, остается позиция Камбоджи, Лаоса, Мьянмы, Папуа – Новой Гвинеи и Восточного Тимора, что, в определенной степени, связано с отсутствием в указанных странах дипломатических представительств Казахстана, а также Бангладеш, Северной Кореи, Канады и ЕС.

Между тем, существует мнение, что данный регион хотя и остается центром азиатской интеграции, но имеет большой потенциал региональных противоречий. Неконтролируемое военно-политическое соперничество между ведущими государствами может поставить РК перед выбором в пользу той или иной стороны.

В этой связи, есть предположения о преждевременном углублении сотрудничества в военно-политической плоскости на данном этапе. Поэтому необходимость в скором вступлении Республики Казахстан в Региональный форум АСЕАН по вопросам безопасности остается под вопросом. Вместе с тем, автор полагает важным продолжить сотрудничать со странами ЮВА в финансово-экономической и культурно-гуманитарной сфере, как на двусторонней, так и многосторонней основе, поскольку активизация экономического сотрудничества со странами ЮВА занимает важное место в приоритетах внешней политики Республики Казахстан. Отражением этого служит укрепление и диверсификация двустороннего вектора взаимодействия и расширение сотрудничества. Кроме того, данный регион становится центром азиатской интеграции. Вследствие высокой динамики интеграционных процессов вокруг Ассоциации, организация стала базовой структурой многостороннего сотрудничества и играет ключевую роль в механизмах взаимодействия в АТР.

Некоторые эксперты считают, что АРФ не справляется с функцией обеспечения безопасности в регионе. Так, многие цели и планы организации были согласованы лишь на бумаге, но практических шагов, направленных на построение эффективной институциональной структуры в деле обеспечения безопасности, так и не было предпринято. Одной из причин данной проблемы является недостаточная вера участников в результат предпринимаемых ими действий и отсутствие необходимого уровня приверженности выработываемым принципам. Другая причина - противоречия между мощными региональными державами по ключевым вопросам сотрудничества, которые значительно осложняют возможность развития организации в заданном русле. Среди причин подобного развития событий нужно отметить недостаток лидерства в АРФ. Сильный лидер служит важным элементом развития любой организации, а в случае с АРФ бремя лидера на себя взвалил АСЕАН. Однако его мощи и политической воли для подобной роли фактически не хватило, во многом в

силу отсутствия солидарности. Отсутствие в АСЕАН былого единодушия может иметь весьма негативные последствия в деле развития региональной политической интеграции, особенно в рамках АРФ. И без того не очень продуктивный Форум может регрессировать даже в деле построения доверия. Кажется, что «рулевой Форума» оказался в ловушке, которую сам для себя и создал. С одной стороны, страны АСЕАН заинтересованы в развитии, расширении и усилении АРФ как гаранта региональной безопасности, но они, пожалуй, осознают, что не в состоянии привлечь крупных региональных игроков к продуктивному диалогу [230].

Центральное положение АСЕАН до сих пор удовлетворяет требованиям большинства стран-участниц АРФ, ввиду того, что если лидирующую роль займёт великая держава, то это чревато явным перекосом в организации, она лишится нейтральности и внутреннего равновесия. Возможным выходом из положения может стать ротация председательства в Форуме с участием всех государств АРФ, а не только стран АСЕАН, как сейчас. В этой связи, возможное вступление Казахстана в ряды АСЕАН могло бы влить «новую кровь» в деятельность данного института безопасности в АТР.

В целом стремление Казахстана стать членом АРФ объясняется тем, что на основе осуществляемой им деятельности в будущем может быть учреждена дееспособная в международно-правовом понимании региональная система безопасности, то есть новая АСЕАН. Пока же, к сожалению, можно констатировать только то обстоятельство, что, по мнениям экспертов, Казахстан все еще продолжает проявлять «заинтересованность в укреплении сотрудничества с АСЕАН, в частности в рамках Регионального форума АСЕАН по безопасности». Подтверждениями тому являются, в особенности, два факта: нерешенность вопроса на саммите организации 2011 года, на итоги которого очень рассчитывала Республика и красноречивое заявление ныне действующего Генерального секретаря Ассоциации Ле Люонг Миня, озвученное во время встречи с Послом РК в Индонезии А. Оразбаем о том, что «государства-члены АСЕАН знают Казахстан с огромным экономическим потенциалом», но относительно членства Республики в АРФ лишь «выразил надежду на успешное взаимодействие в будущем».

Нельзя не отметить также, что подходы к решению задач в АТР и Центральной Азии, а Казахстан, будучи ее частью, обуславливают создание новой структуры с учетом опыта азиатских и постсоветских процессов безопасности. Страны Центральной Азии, являясь членами ШОС и СВМДА и активными сторонниками развития мер доверия, выразили общее желание вступить в АРФ, который, как выше отмечено, отличается весьма скептическим подходом относительно расширения. Однако в пользу вступления стран региона говорит их вклад в разоружение и всеобщее нераспространение ОМУ. Так, Казахстан, получив независимость, отказался от атомных боеголовок, унаследованных от советской армии. Это решение приветствовали США, Европа и ООН. Семипалатинский атомный полигон был закрыт ещё раньше (1991). По утверждению Нурсултана Назарбаева, отказ от ядерного оружия

обеспечил стране гораздо более эффективную безопасность и укрепил положение страны на международной арене.

Изложенные факторы всесторонне учитываются во внешней политике Казахстана – по сути азиатского государства, который имеет собственные интересы в этом перспективном регионе. Располагаясь на перекрестке транспортных артерий Евразии и обладая весомым экономическим потенциалом, Казахстан вправе рассчитывать на достойное место в Азии. Поэтому стратегическая цель казахстанской дипломатии в данном регионе состоит в укреплении взаимовыгодных отношений со странами АТР на долгосрочной основе. Сотрудничество в рамках АРФ, безусловно, соответствует национальным интересам Казахстана, объективно усиливает его международные позиции, способствует успешному проведению экономических и политических преобразований внутри страны.

3.2 Партнерство Казахстана и стран АСЕАН в рамках архитектуры Нового Шелкового Пути и ЕАЭС

В глобальном соперничестве великих держав все большую актуальность приобретает идея использования транзитного потенциала Центральной Евразии для экономического взаимодействия развитых экономик Евро-Атлантического и бурно развивающихся экономик Азиатско-Тихоокеанского региона. Поэтому периодически выдвигается инициатива возрождения Великого шелкового пути, который в Средние века, как известно, был ведущим торговым маршрутом Евразии. Последней по времени и наиболее мощной по содержанию из таких инициатив стал проект «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП), озвученный новым главой КНР Си Цзиньпином в Астане осенью 2013 года.

Реализация проекта является частью плана 13-й пятилетки (2016–2020), кроме того, проект упоминается во многих актуальных политических документах КНР, например, в плане социально-экономического развития на 2015 г. Фактически можно говорить о формировании стратегии Китая не только евразийского, но в перспективе и глобального масштаба.

Однако до сих пор проект не получил достаточно четких очертаний. Пока не вполне оформлены даже его географические рамки, в одних случаях председатель Си говорил о Евразии, в других упоминается и Африка. Окончательного перечня потенциальных партнеров Китая тоже не сформулировано, но по примерным оценкам, согласно государственным СМИ Китая, проект «Один пояс, один путь» охватит две трети населения планеты и треть глобального ВВП. Во всяком случае, проект претендует на трансконтинентальный характер, так как может связать между собой три континента: Азию, Европу и Африку. Согласно ожиданиям китайских властей, «в проекте будут участвовать 64 страны, в которых суммарно проживает 4,4 млрд чел. (70% всего населения Земли), производится 29% мирового ВВП и 55% ВВП (21 трлн долл.) и сосредоточено 75% всех известных энергетических запасов»

Сущность самого проекта также имеет различные толкования: в одних случаях за ним стоят планы региональной интеграции под эгидой Пекина с перспективой дальнейшего расширения, в других – только

внешнеэкономическая стратегия Китая. Очевидно, что этим проектом КНР намерена реализовать не только свои региональные, но и глобальные экономические цели. ЭПШП предполагает создание трех основных экономических коридоров: северного (Китай – Центральная Азия – Россия), центрального (Китай – Центральная и Западная Азия – Персидский залив / Средиземное море), южного (Китай – Юго-Восточная Азия – Южная Азия). Катализатором развития коридоров должно стать строительство транспортной и логистической инфраструктуры по всем этим направлениям.

На всем протяжении транспортных маршрутов планируется создание инфраструктуры, в том числе строительство шоссейных и железных дорог, портов. Однако речь идет не только о расширении и модернизации транспортной инфраструктуры, но и о создании вокруг нее зон экономического развития и торговли. Предполагается также развитие культурных, информационных и политических связей между государствами, расположенным вдоль ЭПШП.

В качестве основополагающей цели реализации данного проекта определяется необходимость «содействовать свободному передвижению экономических факторов, эффективному распределению ресурсов и глубокой интеграции рынков; стимулировать налаживание экономической политики в странах, находящихся вдоль «Одного пояса и одного пути»; развивать масштабное, высокоуровневое и глубокое региональное сотрудничество; вместе создавать открытые толерантные сбалансированные и всем выгодные рамки регионального экономического сотрудничества» [232].

Реализация проекта ЭПШП играет важную роль в развитии инфраструктуры Республики Казахстан и Центральноазиатского региона в целом.

По мнению президента Си Цзиньпина, формирование ЭПШП должно включать несколько взаимосвязанных шагов. Они также указаны в работе Шудлик-Татар:

- укреплять политическую коммуникацию, которая может помочь «переключиться на зеленый свет» для совместного экономического сотрудничества;

- укреплять дорожные связи, с идеей создания мега транспортного коридора от Тихого океана до Балтийского моря и от Средней Азии до Индийского океана, затем регулярно строить сеть транспортных связей между восточной, западной и южной Азией;

- усилить торговлю с уделением особого внимания устранению торговых барьеров и принятию мер по сокращению торговых и инвестиционных расходов;

- укреплять денежно-кредитное сотрудничество с особым учетом валютных расчетов, которые могут снизить транзакционные издержки и уменьшить финансовые риски при растущей экономической конкурентоспособности;

- усилить отношения в контексте сотрудничества «*people to people*» [233, р. 1-8].

Примечательно, что анонсирование инициативы о создании ЭПШП в Астане стало наглядным сигналом о том, что Казахстан будет играть одну из важнейших ролей в реализации этого мегапроекта. Это, в свою очередь, полностью совпадает со стратегическими задачами Казахстана по кардинальной модернизации и трансформированию в региональный транспортно-логистический хаб, соединяющий Европу и Азию.

В этом контексте, реализация инициированной Президентом Казахстана Н.Назарбаевым программы «Нурлы Жол» и ее синергия с ЭПШП имеет огромный потенциал и уже играет определяющую роль в экономическом и инфраструктурном развитии Казахстана. Стратегические цели проектов «Нурлы Жол» и ЭПШП весьма схожи по своему содержанию. Основные акценты двух программ ориентированы на развитие транспортно-логистической инфраструктуры. Не случайно, в ходе инициирования программы «Нурлы Жол» Президент Казахстана Н.Назарбаев фокусировал внимание на важности увеличения инвестиций в развитие транспортно-инфраструктурных проектов, что, в свою очередь, коррелируется с планами Китая по активизации деятельности и финансирования транспортной инфраструктуры вдоль всего маршрута «Пояса и пути».

Преобразование Казахстана в региональный транзитный хаб открывает существенные возможности для вхождения всего региона в когорту важнейших транспортно-логистических узлов на территории Евразийского континента. Более того, это даст всему региону возможность диверсификации торговых маршрутов по всем направлениям, включая Юго-Восточную Азию [234].

ЭПШП направлен на расширение экономических связей Китая, возможно, политического влияния на большей части Евразии через огромные инфраструктурные и инвестиционные схемы [235, р. 17-35.] Инициатива ЭПШП стала не просто концепцией, это крупнейший международный проект, вызывающий огромный экономический интерес для всех стран вдоль Великого шелкового пути, включая Республику Казахстан. Реализация китайской инициативы ЭПШП может привести к формированию нового строительства мировой экономики вокруг Евразии, где одним из основных звеньев станет Республика Казахстан. Сотрудничество с Китаем через Экономический пояс Шелкового пути приведет Казахстан к новому уровню экономического сотрудничества с другими странами, а также интеграции с мировым рынком.

Казахстан в качестве регионального транзитного хаба открывает для себя обширные перспективы по вступлению в ряд важнейших евроазиатских транспортно-логистических узлов. Центральной Азии и Казахстану в частности, участие в данном проекте предоставит возможность диверсифицировать экономику путем развития торговых путей, в том числе со странами Юго-Восточной Азии.

Перспективы экономического и политического развития Центральной Азии и АСЕАН обширны. На протяжении длительного времени сотрудничество Центральной Азии и Юго-Восточной Азии было на низком уровне, тем не менее, в связи с инициативой «Пояс и путь» сотрудничество

между Центральной Азией и АСЕАН может выйти на более качественный уровень.

Проект «ЭПШП является основой беспроигрышного сотрудничества для совместного развития и богатства, мира и дружбы посредством укрепления общего взаимопонимания, доверия и обмена [236]. Республика Казахстан является страной, не имеющей выхода к морю, со значительными ресурсами, в основном в форме нефти, газа и минеральных ресурсов, которая имеет большой потенциал для ЭПШП в качестве транзитного моста для восточной и западной Евразии.

По этой причине Казахстан должен возродить свою историческую значимость и стать крупнейшим деловым и транзитным узлом региона Центральной Азии, своеобразным мостом между Европой и Азией. Прежде всего, Казахстан обладает всеми преимуществами, такими как идеальное географическое положение, во-вторых, постоянный рост грузовых перевозок; в-третьих, это прямой доступ к рынкам стран ЕАЭС и имеет благоприятный инвестиционный климат. Используя данные преимущества, Казахстан способен выступить в качестве связующего звена между остальными государствами региона в процессе взаимодействия со странами Юго-Восточной Азии [237, p. 152].

Сингапур, являющийся одним из ключевых морских хабов в рамках реализации морского ответвления ЭПШП (*Морской Шелковый путь*) и занимающий лидирующие позиции в АСЕАН, проявляет значительный интерес к вовлечению в ЭПШП и рассматривает китайский мегапроект в качестве дополнительного коридора для расширения экспортных сетей и выхода на новые рынки.

Как обсуждалось выше, инициатива морского шелкового пути является проявлением растущего значения Китая на мировой арене. Развивая портовые и другие формы инфраструктурного сотрудничества, Китай стремится облегчить свои территориальные споры с другими государствами АСЕАН и укрепить взаимное доверие. Сотрудничество в рамках Нового Шелкового пути также предоставит канал зарубежных инвестиций для китайских компаний и капитала, будь то в инфраструктурном строительстве или в обрабатывающей промышленности, а также в сфере торговли сырьевыми товарами. Сотрудничество также сократит огромный разрыв в развитии инфраструктуры между членами АСЕАН [238].

Основной причиной низкого сотрудничества между Центральной Азией и ЮВА является географическая удаленность. Принимая во внимание, что главными партнерами АСЕАН являются США и Китай, а Центральная Азия также имеет протяженную границу с Китаем, то имеет сотрудничество стран Центральной Азии и АСЕАН с Китаем особенно выгодно всем сторонам. В этой связи, проект «Пояс и путь» имеет определяющее значение. Рассматривая отношения АСЕАН и Китая в контексте данной инициативы то необходимо превести слова Директора по развитию сообщества АСЕАН Дэнни Ли, отмечающий, что создание нового морского шелкового пути является хорошей концепцией и откроет новые возможности для Китая и АСЕАН для

сотрудничества во многих секторах, таких как торговля, инфраструктура и культурный обмен.

Примечательно, что АСЕАН в настоящее время является третьим по величине торговым партнером Китая с ежегодной двусторонней торговлей в размере 480 млрд. долларов США, и большая часть продаваемых товаров перевозится по судоходным путям.

Китай имеет большой опыт и технологии в области строительства инфраструктуры, а также капитала. Морской Шелковый путь может стимулировать экономическое развитие АСЕАН. Кроме того, он может также способствовать контакту между людьми и расширению взаимопонимания между Китаем и АСЕАН, а также между странами АСЕАН.

Многие эксперты считают ЭППП неотъемлемой частью глобальной стратегии Китая, главной целью которой является утверждение экономических позиций Китая на международных рынках. До сих пор нет официального документа, который бы предоставил исчерпывающий список всех участвующих стран в «Пояс и путь», однако число стран, участвующих в инициативе «Пояс и путь» постоянно растет.

Вместе с тем систематические шаги в области региональных дислокаций китайских прямых иностранных инвестиций подтверждают, что «Пояс и путь» довольно систематизирован, когда речь идет о аспектах времени и местоположения запланированных проектов. Более 60 стран уже приняли решение стать частью этой инициативы. «Пояс и путь» - это уникальный проект - не только потому, что в нем задействовано 60 процентов населения мира, но также потому, что это первая инициатива, глобальное воздействие которой на функционирование мировой торговли и на мировой порядок был инициирован развивающейся страной. Важной особенностью инициативы является ее ориентация не только на торговлю, но и на сотрудничество в области образования, культуры, туризма, творческих услуг и охраны окружающей среды.

Проекты строительства и модернизации инфраструктуры простираются от китайского города Сиань, стран Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан), Шри-Ланки и Пакистана до Греции, Сербии, Германии, Венгрии, Италии и Нидерландов. Инициатива носит беспрецедентный характер, когда речь идет о региональном разнообразии участвующих стран.

ЭППП также рассчитывает на активное участие стран Центральной Азии и России в данном проекте. Китай рассматривает эти страны в качестве ее ключевых партнеров и прекрасно понимает, что реализация «Пояс и путь» потерпит неудачу без их поддержки. В настоящее время Китай стремится добиться того, чтобы проект рассматривался как полезный для всех участвующих стран. Однако есть несколько проблем и рисков, которые могут поставить под угрозу его успешную реализацию.

В Послании Президента народу Казахстана «Третья модернизация Казахстана: глобальная конкурентоспособность» поставлена задача к 2020 году

обеспечить увеличение годового объема транзитных перевозок в 7 раз для грузов, перевозимых контейнерами - до 2 миллионов контейнеров.

Сходство «Нурлы жол» с ЭПШП синхронизирует транспортно-логистические системы Центральной Азии с Китаем и странами АСЕАН, в связи с чем большие возможности для торгово-экономического сотрудничества предлагает логистический хаб Ляньюньгань, расположенный в Китае, посредством которого страны АСЕАН и Центральной Азии имеют возможность осуществлять доставку товаров в разных направлениях [239].

АСЕАН ранее не имел путь для экспортировки товаров в Центральную Азию, поэтому Ляньюньгань как важный транспортно-логистический терминал предоставляет большие возможности для усиления экономического сотрудничества, что несомненно отразится на темпах развития транзитного потенциала всей Центральной Азии.

Сотрудничество Центральной Азии и АСЕАН также необходимо рассмотреть через концепцию «Большой Евразии», впервые озвученной Президентом Республики Казахстан на Генеральной Ассамблее ООН в 2015 году. Так, Н. Назарбаевым была выдвинута идея создания Большой Евразии, которая заключалась в соединении Евразийского экономического союза, Экономического пояса шелкового пути и Европейского Союза. В рамках проекта ЭПШП идея Президента Республики Казахстан особенно актуальна, поскольку расширение «Большой Евразии», включая страны АСЕАН, предоставляют значительные перспективы для роста на всем Евразийском пространстве [240].

В целом можно отметить, что интеграционные процессы в Юго-Восточной Азии являются частью мировой тенденции к регионализации, что выражается в стремлении сформировать экономически сильный и политически стабильный союз государств, находящихся в одном региональном пространстве. Опыт АСЕАН по политической и экономической консолидации стран ЮВА представляет интерес для стран Центральной Азии, стремящихся к интенсификации интеграционных процессов в регионе. Несмотря на ряд довольно существенных различий между Юго-Восточной и Центральной Азией, регионы имеют ряд схожих характеристик: Во-первых, оба региона представляют собой совокупность государств, различающихся по уровню экономического развития и характеру организации политической системы. АСЕАН объединяет страны с коммунистическими режимами и парламентские республики.

Экономический подъем Индонезии, Малайзии, Сингапура и Филиппин несоизмерим с развивающимися экономиками Лаоса, Мьянмы и Камбоджи. В свою очередь, страны Центральной Азии испытывают тенденцию разновекторного развития политических систем и экономических моделей; Во-вторых, регионы испытывают сильное влияние геополитического окружения. Региональное развитие Юго-Восточной Азии складывалось в окружении сильных экономик Китая, Японии и Южной Кореи. Для Центральноазиатского региона принципиально важными являются взаимоотношения с мировыми центрами силы – Россией, Китаем, странами

мусульманского мира; В-третьих, в силу особенностей географического положения Центральной и Юго-Восточной Азии, регионы обладают высоким потенциалом использования и развития трансконтинентальных транспортно-коммуникационных магистралей, что позволяет им воспользоваться преимуществами подобного стратегического положения [241, с. 233].

В современной Евразии происходит закрепление многополярного порядка при активном участии России и Китая. За этой инициативой стоит кризис глобальной экономической и политической системы. В этой связи обсуждаются перспективы сопряжения российско-казахстанского проекта ЕАЭС и китайского проекта ЭПШП, который является частью мегапроекта КНР «Один пояс, один путь».

Идея общего проекта с участием Китая широко обсуждается в экспертном сообществе, так как в нем видят перспективу формирования новой «Большой Евразии»: «...это долгосрочная глобальная стратегия, центр геополитической стабильности и развития Евразии, которая уже сегодня стала глобальным регионом. Сложилось редкое сочетание политических, экономических, юридических и организационных факторов для реализации проекта...» [242].

На сегодняшний день запущен ряд проектов в контексте будущего сопряжения ЕАЭС и ЭПШП. В частности, проект по организации высокоскоростного железнодорожного движения в Российской Федерации, первым этапом которого стало строительство участка «Москва – Казань», который пройдет по территории семи субъектов Российской Федерации, а дальнейшее развитие линии предполагает продление до Екатеринбурга.

Кроме того, важное значение в этом ключе имеет незамерзающий международный морской торговый порт Актау, через который проходит ТРАСЕКА – транспортный коридор, формирующий грузопотоки, «с одной стороны, в Западной и Центральной Европе, а с другой – в Средней и Юго-Восточной Азии». При этом ТРАСЕКА – это единственный путь, связывающий страны Европы и АТР, который не проходит по территории России.

В рамках реализации проекта проложены железнодорожные линии на участках «Жезказган – Саксаульская» и «Шалкар – Бейнеу», что привело к значительному сокращению расстояния от станции Достык до порта Актау. Таким образом, через ветку «Достык – Актогай – Атасу – Жезказган – Саксаульская – Актобе – Саратов» появился выход на инфраструктуру международного транспортного коридора «Север-Юг». Такой транспортный коридор действительно может с большой степенью вероятности стать «Великим мостом» на пути из Китая в Европу.

Между тем, открытие рынков ЕАЭС для китайских товаров способно уничтожить местное производство из-за неконкурентоспособности. В более дальней перспективе возникает и необходимость согласования зон свободной торговли между ЕАЭС, ЭПШП и ЕС.

Если оценивать положительные перспективы сотрудничества, то Казахстан является не просто транзитной страной, так как большая часть инфраструктурных объектов намечается на ее территории. Китай посредством ЭПШП пытается, с одной стороны, реализовать свои экономические интересы

и расширить свои рынки сбыта, но, с другой, данный проект позволяет китайскому руководству снизить напряжение среди своих соседей по поводу своей экспансионистской политики, так как предлагает многостороннее взаимодействие всех заинтересованных сторон: «Один пояс – один путь» – это механизм, с помощью которого КНР стремится продемонстрировать не только свои мирные намерения, но и примерное поведение державы нового типа).

Инициатива сближения АСЕАН и ЕАЭС в рамках проекта «5+1» (количество стран ЕАЭС плюс АСЕАН) является ключом к успеху проекта «Пояс и путь» по трем основным причинам.

Во-первых, это уникальная позиция стран ЕАЭС в географическом отношении. ЕАЭС находится в пределах внутренних районов евразийской суши, которая выступает в качестве центра, соединяющего восточноазиатскую и европейскую торговлю и транспорт. Для строительства экономического пояса Шелкового пути Китай должен работать с Россией и странами Центральной и Западной Азии. Таким образом, пять стран ЕАЭС имеют решающее значение для расширения экономического пояса Шелкового пути на запад и на север:

ЕАЭС - это уникальный механизм интеграции, в котором все страны-члены, помимо Российской Федерации, не имеют выхода к морю. В течение тысячелетий экономическое развитие Евразии было связано с ее стремлением пересечь свои континентальные просторы и выйти на море;

- Беларусь является крупнейшей страной, не имеющей выхода к морю, в Европе (с самыми длинными границами суши);

- Казахстан является крупнейшим в мире не имеющим выхода к морю страна;

- Кыргызстан, наряду с Таджикистаном, занимает 3-4-е место среди стран, не имеющих выхода к морю, с самой высокой средней высотой над уровнем моря.

Хотя ЕАЭС можно назвать самым континентальным из региональных блоков в мировой экономике, АСЕАН можно назвать одним из самых «океанических» альянсов в мире. Из десяти стран-членов АСЕАН только Лаос не имеет выхода к морю, но это частично компенсируется относительно небольшим расстоянием до береговой линии и доступа к речным водным путям. Кроме того, из 50 крупнейших контейнерных портов мира восемь находятся в странах АСЕАН (в лице шести стран - Вьетнама, Индонезии, Малайзии, Филиппин, Сингапура и Таиланда, то есть большинства членом Ассоциации), а Сингапур во-вторых, на общем мировом рейтинге. В целом транспортный сектор является ключевым для экономического развития стран АСЕАН, учитывая их стратегическое расположение на перекрестке морских торговых путей [243, p. 136; 244].

Такое расхождение с точки зрения геоэкономики и доступности к морским побережьям между АСЕАН и Евразийским экономическим союзом следует рассматривать не как барьер для сотрудничества, а скорее фактор взаимодополняемости, который может укрепить потенциальные выгоды от экономической интеграции между этими двумя блоками. Для АСЕАН союз с Евразийским экономическим союзом открывает возможность для более

глубокого проникновения в относительно уединенный континентальный регион. С другой стороны, альянс с АСЕАН позволяет странам ЕАЭС преодолевать континентальные барьеры и использовать альянсы с компаниями АСЕАН как платформу для интеграции в мировую экономику, для получения доступа к быстрорастущему азиатскому рынку и оптимизации транспортных расходов.

Как следствие, АСЕАН-ЕАЭС может рассматриваться как «гибридный» океано-континентальный альянс, в котором Китай будет играть важную роль как экономическое пространство, связывающее ЕАЭС и АСЕАН, и выступает в качестве ключевого партнера Республики Казахстан и АСЕАН.

Кстати, сам Китай представляет собой сочетание элементов как континентальной, так и «океанической» экономической среды, представляющей собой один из ярчайших примеров «гибридного» геоэкономического положения. С одной стороны, северо-запад Китая представляет собой удаленный от моря регион, с другой стороны, Китай за последние десятилетия значительно укрепил свои позиции в качестве одной из ведущих «морских держав».

«Пояс и путь» состоит из шести экономических коридоров, три из которых связаны непосредственно со странами-членами ЕАЭС: экономическим коридором Китай-Монголия-Россия; Экономический коридор Нового Евразийского земельного моста, проходящий через Казахстан и Россию; и Экономический коридор Китай-Центральная Азия-Западная Азия, который простирается от автономного региона Синьцзян через Казахстан и Кыргызстан. Эти три экономических коридора имеют основополагающее значение для продвижения и успешной реализации проекта «Пояс и путь».

Во-вторых, страны ЕАЭС обладают значительными запасами природных ресурсов. Согласно данным Всемирного банка за 2015 год, страны инициативы «Пояс и путь» (за исключением Китая) составляли 40,5 миллиона квадратных километров площади суши, из которых страны ЕЭС составляют 48 процентов от общей суммы. Общий объем ВВП стран проекта «Пояс и путь» в 2015 году составлял примерно 12 триллионов долларов США, в котором странам ЕЭС принадлежит 1,7 триллиона долларов США.

Страны ЕАЭС также богаты водными ресурсами. В частности, на долю страны-членов ЕАЭС в 2014 году принадлежит 36 процентов общих водных ресурсов.

Поскольку страны-члены ЕАЭС обладают богатыми запасами ресурсов, а Китай является огромным рынком для сбыта, существует огромный потенциал для сотрудничества в рамках проекта «Пояс и путь».

В-третьих, китайско-российские двусторонние отношения являются ключевыми для реализации проекта «Пояс и путь» и могут быть дополнительно усилены в рамках «5+1». Уже обе страны подчеркнули важность своего сотрудничества. Например, две страны подписали совместное заявление от 8 мая 2015 года по интеграции ЕЭС и экономического пояса Шелкового пути [245].

Заместитель директора Департамента развития интеграции Евразийской экономической комиссии Гоар Барсегян на совместном семинаре экспертов Всероссийской академии внешней торговли, Минэкономразвития России, ЕЭК и Института экономических исследований АСЕАН и Восточной Азии отметила: «сегодня мы имеем хорошую отправную точку дальнейшего развития торгово-экономических отношений».

Во-первых, государства-члены ЕАЭС и АСЕАН – давние торговые партнеры с устоявшимися традициями.

Во-вторых, государствам-членам АСЕАН, как и странам евразийской «пятерки», хорошо знакома интеграционная повестка. Так же как в ЕАЭС, в АСЕАН уже оценили преимущества решения вопросов через призму экономической интеграции.

В-третьих, ЕАЭС и АСЕАН имеют во многом совпадающие цели. Это создание на своей территории подлинных единых экономических пространств, где гарантируются классические экономические свободы. Много точек соприкосновения и в планах на среднесрочную перспективу, поскольку приходится решать, по сути, схожие задачи» [246].

В контексте Центральной Азии ключевая роль отводится Казахстану, поскольку страна имеет более развитую экономику и инфраструктуру, транспортно-логистический хаб «Хоргос» на границе с Китаем, международную автомагистраль «Западный Китай – Западная Европа», а также морской порт в Актау.

Очевидно, что на сегодня Казахстан создал необходимые инфраструктурные условия, способствующие в среднесрочной перспективе прочно увязать торговые маршруты Азии и Европы через Центральную Азию. Используя данные преимущества, Казахстан способен выступить в качестве связующего звена между остальными государствами региона в процессе взаимодействия со странами Юго-Восточной Азии.

Таким образом, в настоящий момент в Казахстане существуют все предпосылки для соединения экономических отношений Азии и Европы. Используя потенциал транспортно-логистического хаба «Хоргос», международную трассу «Западный Китай – Западная Европа», портовый терминал «Ляньюньгань» Казахстан может успешно реализовывать себя в качестве связующего звена между Европой и Азией, включая также страны АСЕАН.

При соответствующем наращивании транспортно-логистического потенциала Казахстана, а также дальнейшем укреплении региональной интеграции в Центральной Азии можно предположить, что в среднесрочной перспективе страны региона смогут не только укрепить взаимное сотрудничество с быстрорастущим рынком АСЕАН, но и получить возможность интеграции в глобальную сеть международной торговли.

3.3 Проблемы и перспективы взаимодействия Республики Казахстан и АСЕАН

Основные внешнеполитические приоритеты Республики Казахстан, как и прежде, сконцентрированы на создании благоприятных внешнеполитических условий для ускоренной экономической, социальной и политической модернизации нашей страны. Казахстан придерживаясь стратегии многовекторной внешней политики, стремится занять срединное положение на континенте, а также быть мостом между Европой и Азией [247]. Такая позиция Казахстана во многом определялась и определяется геополитическим положением нашей страны, мультиэтническим и многоконфессиональным составом населения, уровнем развития экономики в целом.

Несмотря на то, что Казахстан и АСЕАН имеют совместные интересы и уже создали механизмы в рамках партнерства АСЕАН, но отношения между ними практически совсем не выстроены. Дело в том, что в настоящее время Казахстан и АСЕАН сотрудничают на официальном уровне, и отсутствуют инициативы создания сотрудничества в других аспектах. Здесь надо отметить и раскрыть причины этой проблемы. По мнению автора проблемы в усилении взаимодействия Казахстана АСЕАН в настоящее время можно проанализировать посредством выявления основных факторов, определяющих сильные и слабые стороны, потенциал дальнейшего развития, вызовы и угрозы такого сотрудничества.

Для формирования рекомендаций по совершенствованию отношений АСЕАН-Казахстан ниже проведен SWOT-анализ данного сотрудничества на современном этапе развития.

S-сильные стороны

Страны – члены АСЕАН рассматривают Казахстан в качестве потенциального стратегического партнера в Центральной Азии, так как республика демонстрирует устойчивые темпы экономического роста и сбалансированные курсы внешней и внутренней политики. Казахстан успешно проводит демократические преобразования и сопутствующую либерализацию экономики, что позволяет ему занимать лидирующие позиции в регионе [248].

Товарооборот между Казахстаном и странами АСЕАН за пять месяцев 2017 года вырос на 64%, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

Транспортно-логистический и транзитный потенциал Центральной Азии и АСЕАН значительно сократил расстояние между регионами. Казахстан совместно с Китаем создают транспортно-логистический хаб, важными компонентами которого являются китайский порт Ляньюньган и казахстанский Хоргос. В рамках программы «Нурлы жол» развиваются маршруты «Западный Китай - Западная Европа», железнодорожная магистраль «Казахстан – Туркменистан – Иран» с выходом на иранский порт Бандар-Аббас.

Налажено сотрудничество в рамках многостороннего сотрудничества: ШОС, СВМДА, АРФ.

К настоящему времени большинство государств – членов ШОС имеют достаточно глубоко эшелонированные политико-экономические отношения с

Ассоциацией. С предстоящим расширением экономической повестки дня ШОС, а также в свете реализации проекта «Один пояс, Один путь» взаимная сопряженность обеих структур на этом треке может усиливаться. Подписанный в апреле 2005 года Меморандум о взаимопонимании между Секретариатами ШОС и АСЕАН определил достаточно широкий круг и основные направления их взаимодействия.

Страны – участниц СВМДА находятся в составе АСЕАН. Поэтому существуют объективные предпосылки к тому, чтобы СВМДА и АСЕАН взаимодействовали более тесно. А это, как сказано выше, будет способствовать поощрению инициатив нашей страны по созданию устойчивых перспектив по воплощению в реальность идеи евразийского пояса безопасности, а также созданию новой модели безопасности на пространстве Азии - формированию на основе СВМДА новой Организации по Безопасности и Развитию в Азии (ОБРА), которая потребует от стран Азии с одной стороны выработки особых подходов, обеспечивающих их вовлеченность в глобальные процессы, а с другой стороны - высокий уровень мер доверия

Можно предположить, что дальнейшее развитие СВМДА явится предпосылкой к созданию всеобъемлющей системы безопасности в Азии.

В этой связи включение в процесс СВМДА в качестве полноправного участника АРФ только ускорило бы достижение поставленных целей казахстанского руководства в формате СВМДА.

С вступлением нашей республики в АРФ будут созданы устойчивые перспективы для воплощения в реальность идеи евразийского пояса безопасности ОБСЕ-СВМДА-АРФ, а также перспективы межрегионального сотрудничества в сфере укрепления безопасности между Центральной и Юго-Восточной Азией.

W-слабые стороны

На современном этапе в силу объективных причин взаимоотношения между государствами АСЕАН и Центральной Азии складываются преимущественно на двусторонней основе.

Страны ЮВА не были в центре внимания казахстанской внешней политики. В рамках нового витка активизации восточной политики Казахстана ЮВА представляется как минимум второстепенным участком приложения усилий. На первом плане находятся Китай и страны Северо-Восточной Азии.

Развитие отношений со странами АСЕАН осложняется слабой политической и экономической базой. Политическое и стратегическое присутствие Казахстана в ЮВА ограничивается партнерством с Вьетнамом в рамках ЕАЭС, которое в ближайшем будущем может начать терять свое относительное значение по мере того, как эта страна будет больше сближаться с США, Японией, Индией и ЕС.

Низкие темпы роста торговли Казахстан – АСЕАН. В инвестиционной области Казахстан тоже не выглядит достаточно активным игроком на рынке АСЕАН. В разное время были озвучены планы по удвоению объемов двусторонней торговли с Вьетнамом, Таиландом и Индонезией. Сделать это стороны попытаются с помощью торговли в национальных валютах и таких

инициатив, как зона свободной торговли (ЗСТ) ЕАЭС – Вьетнам, которая заявлена как один из шагов к общей либерализации торговых отношений между ЕАЭС и АСЕАН.

В силу географической удаленности казахстанское общество и элиты практически мало информированы о том, что происходит в ЮВА. Межличностные связи – слабейшая часть взаимодействия Казахстана и АСЕАН. С обеих сторон очень мало тех, кто знает, что происходит в Казахстане и в странах АСЕАН. Поэтому приоритетом в устранении этой проблемы является снижение информационного разрыва между Казахстаном и АСЕАН.

О возможности

Учитывая тот факт, что энергетическая безопасность стала важнейшим аспектом жизнедеятельности подавляющего большинства государств в мире, перспективной формой сотрудничества между АСЕАН и Казахстаном может стать возможность создания развитой инфраструктуры по транспортировке энергоносителей и других товаров, которая свяжет регионы Центральной и Юго-Восточной Азии через территорию Китая.

В силу геополитического расположения регионы имеют возможность наращивать стратегический ресурс в части использования трансконтинентальных транспортно-коммуникационных магистралей. Так, например, страны АСЕАН могут контролировать внутренние моря и проливы Юго-Восточной Азии, что позволяет им стать частью индокитайского транзитного транспортного маршрута между тихоокеанским побережьем американского континента и ближневосточными, африканскими странами, и, тем самым, влиять на глобальные экономические процессы. В свою очередь, страны Центральной Азии располагаются на пути транспортировки товаров на рынки ЕС, России, Китая и Азиатско-Тихоокеанского региона, однако они нуждаются в развитии – как региональной транспортной инфраструктуры, так и выходов к морским коммуникациям. В своем выступлении на совещании министров 63-й сессии Экономической и Социальной Комиссии для Азии и Тихого океана ООН 21 мая 2007 г. Президент Казахстана Н. Назарбаев по этому поводу сказал следующее: «Казахстан, будучи крупнейшим в мире по территории государством, не имеющим выхода к морю, заинтересован в реализации различных транзитно-транспортных трубопроводных проектов и готов их поддержать» [1].

Для Центральноазиатского региона интерес представляет опыт АСЕАН в сфере промышленно-инновационного развития и интеграции Организации в систему экономических отношений АТР. Страны Юго-Восточной Азии, такие, как Малайзия, Индонезия, Филиппины и стоящий особняком Сингапур, специализируются на производстве капиталоемкой и наукоемкой продукции, что требует внедрения высоких западных технологий, а также развитой системы менеджмента. Даже Китай, который является мировым лидером в производстве высокотехнологичных товаров и обладает огромными мощностями в различных отраслях, например, в нефтехимической, испытывает

затруднения с качественной трансформацией системы организации и управления производством.

Казахстаном была подана заявка на участие в Региональном форуме АСЕАН, объединяющем членов организации и их внерегиональных партнеров по диалогу, а также Бангладеш, Восточный Тимор, КНДР, Монголию, Папуа-Новую Гвинею и Пакистан. Созданный по инициативе АСЕАН в 1994 г. в целях бесконфликтного развития Юго-Восточной Азии, а также Азиатско-Тихоокеанского региона в целом, АРФ стремится создать в регионе надежную систему безопасности, осуществляя меры доверия в Азии через превентивную дипломатию [249].

Т-угрозы

Казахстан может быть подвержен угрозам экстремизма, нелегальной миграции, исходящие из региона в целом и Юго-Восточной Азии (ЮВА) в частности.

В настоящее время экстремизм в Юго-Восточной Азии представлен многочисленными движениями экстремистского толка: от леворадикального до религиозного. Экстремизм левого толка сформировался в тех государствах, где коммунистическое движение было объявлено вне закона. Это Индонезия, Малайзия, Таиланд, Сингапур и Филиппины, причем в Малайзии и Филиппинах это привело к длительному вооруженному противостоянию.

Религиозный экстремизм является одним из главных вызовов и угрозой безопасности для стран ЮВА. Только за 2017 год прогремели взрывы в Индонезии, Малайзии и в Таиланде, готовились теракты в Сингапуре. Эти акты террора совершаются приверженцами идеологии ИГИЛ (запрещенная в Казахстане организация), которая целенаправленно распространяет в регионе свое влияние.

Как заявил еще в 2015 году премьер-министр Сингапура Ли Сянь Лун, «Юго-Восточная Азия превратилась в основной центр по вербовке боевиков для ИГИЛ. И угроза терроризма в регионе не является проблемой будущего, она уже здесь и сейчас. И террористические группировки пользуются любой открывающейся возможностью для получения, передачи и использования финансовых средств».

Предложения и рекомендации по развитию сотрудничества Республики Казахстан с АСЕАН

Инвестирование в странах АСЕАН с целью продвижения политического и экономического имиджа Казахстана. Концепция «Мягкой силы», по мнению американского политолога Джозефа С. Най, - это способность получения того, что вы хотите путем привлечения, а не принуждения. Казахстан в настоящее время не только в ЮВА, но и во всех регионах мира еще мало использует «Мягкую силу» для проведения своей внешней политики, создания положительного имиджа, продвижения культурных ценностей и потребительских предпочтений. Казахстан может реализовать такое влияние на страны АСЕАН через диалоговое партнерство Казахстан - АСЕАН, особенно через соглашения о сотрудничестве Казахстан и АСЕАН в области экономики и культуры.

Казахстану следует усилить роль и влияние Мягкой силы в ЮВА, потому что эта сила породит общественное взаимодействие, которое является эффективным фактором в сближении стран. Примером инвестиции Мягкой силы по мнению автора, является усилие взаимопонимание через гуманитарные ресурсы, именно через людей которые поддерживают процесс взаимопонимания, особенно в сфере образования, культуры и туризма. Одним из самых значимых успехов в использовании Мягкой силы Казахстана в ЮВА является увеличение туристов, студентов, специалистов, которые занимаются вопросом отношений с АСЕАН. Дело в том, что эти люди являются важным механизмом в укреплении сотрудничества в каждой сферах. Следует развивать образовательные проекты по примеру Британского совета (British Council) и Альянса Франсез (Alliance française), которые экспортируют пердпочтения языка и культуры Великобритании и Франции по всему миру

Однако этой попытки не достаточно, она представляет только краткосрочный этап образовательных стратегий. Следующим шагом для увеличения взаимопонимания, по мнению автора, является интеграция образовательных программ между странами АСЕАН и Казахстана, что позволило бы представить перспективы казахстанского образования для студентов из стран АСЕАН и наоборот. Данная стратегия не только приведет к взаимопониманию между Казахстаном и АСЕАН, сформирует положительный имидж страны, но и может стать осуществлением бизнес проекта (Business education). С другой стороны, это создает шанс для казахстанских студентов обучаться в странах АСЕАН.

Количество туристов увеличивается с обеих сторон. Много казахстанцев посещает страны АСЕАН. Причина пребывания в странах АСЕАН - это экзотические, уникальные достопримечательности, отмена туристической визы, низкие цены и высокое качество. В настоящее время казахстанцы могут приехать без визы в 7 стран АСЕАН, такие как, Таиланд, Лаос, Вьетнам, Сингапур, Малайзия, Индонезия и Филиппины. Это по нашему мнению укрепляет взаимопонимание и контакт между народами стран АСЕАН, которые в дальнейшем будут является важной силой в укреплении взаимоотношении между Казахстаном и сообществом АСЕАН.

В целях реализации выдвинутой Президентом РК Н.А. Назарбаевым инициативы развития межрегионального сотрудничества и утверждения диалога в формате АСЕАН плюс Центральная Азия, изучение опыта АСЕАН представляет интерес для углубления интеграционных процессов в регионе. Данный опыт является позитивным для центральноазиатского объединения и подтверждает необходимость и дальнейшего изыскивания политических, экономических и культурных ресурсов для продвижения идеи Союза центральноазиатских государств.

Таким образом, вовлеченность Республики Казахстан в процесс сотрудничества со странами АСЕАН будет способствовать расширению географии экономических связей страны. Принимая во внимание успешный опыт взаимодействия Китая с членами Ассоциации, в результате которого товарооборот между сторонами стабильно увеличивается, Казахстан нацелен на

учреждение политического и экономического диалога АСЕАН плюс Центральная Азия в рамках формата «АСЕАН+1», который поднимет дальнейшее межрегиональное сотрудничество на новый уровень.

Активизация сотрудничества со странами ЮВА занимает важное место в приоритетах внешней политики Республики Казахстан. Данный регион становится одним из центров азиатской интеграции. Вследствие высокой динамики интеграционных процессов АСЕАН трансформируется в базовую структуру многостороннего субрегионального сотрудничества и играет ключевую роль в механизмах взаимодействия в АТР. Казахстан заинтересован в использовании опыта и механизмов работы АСЕАН в процессе укрепления и развития регионального сотрудничества в Центральной Азии и в этой связи для реализации данного опыта полагали бы возможным рекомендовать Парламенту, Правительству, в том числе МИДу следующее:

Парламент Республики Казахстан. Парламентское измерение также очень важно. Предлагается налаживать отношения между руководством Мажилиса и Сената Парламента Республики Казахстан и парламентами стран-участниц АСЕАН в рамках развития казахстанско - асеановского диалога. Важным направлением парламентской дипломатии является также участие депутатов в миссиях по наблюдению за выборами, которое также необходимо развивать в направлении стран АСЕАН, имеющие достаточно широкую и развитую выборную систему.

Правительство Республики Казахстан. В интересах обеспечения неделимости экономического развития целесообразно продвигать совместно с партнерами по ЕАЭС концепцию гармонизации интеграционных процессов. На это нацелена известная инициатива о Большом Евразийском партнерстве, в котором могли бы участвовать государства-члены ЕАЭС, ШОС, АСЕАН. Весомый вклад в решение этой задачи вносят усилия России и Китая по сопряжению строительства ЕАЭС с одной стороны и китайского проекта «Один пояс, один путь» – с другой.

Республике Казахстан полагали бы целесообразным сконцентрировать собственные ресурсы на развитии внутренней интеграции для развития новых механизмов регионального партнерства в рамках проекта «Нового Шелкового Пути».

В рамках инициативы «Большая Евразия» - рассмотреть возможность установления преференциального режима торговли между ЕАЭС и АСЕАН. Экономика стран АСЕАН могли бы дополнять развитие экономики стран ЕАЭС. ЕАЭС - это уникальный механизм интеграции, в котором все страны-члены, помимо Российской Федерации, не имеют выхода к морю. В течение тысячелетий экономическое развитие Евразии было связано с ее стремлением пересечь свои континентальные просторы и выйти на море.

Альянс АСЕАН – Евразийский экономический союз может рассматриваться как «гибридный» океано-континентальный союз, в котором синергия интеграции происходит не только в рамках торговых и инвестиционных связей, но и в рамках транспортной/материально-технической взаимодополняемости в Евразийском геоэкономическом пространстве.

Учитывая опыт, накопленный под эгидой соглашения между Вьетнамом и ЕАЭС, последующие соглашения с странами АСЕАН целесообразней ориентировать на инвестиционное сотрудничество. Такой сценарий возможен при реализации соглашения ЕАЭС с Сингапуром, где инвестиционная повестка дня будет преобладать над либерализацией торговли.

Министерство иностранных дел Республики Казахстан. Полагали бы рассмотреть возможным проведения инвентаризации структур, которые функционируют в АТР, в том числе, АСЕАН плюс диалоговые партнеры, ВАС, Региональный форум по безопасности АСЕАН, а именно налаживать сетевые отношения между всеми этими структурами, чтобы больше координировать их деятельность и в этом контексте также развивать контакты с организациями, которые созданы за пределами асеаноцентричных структур, прежде всего, ШОС, СВМДА.

Региональный форум АСЕАН по безопасности, образованный в 1994 г., является ключевым неформальным механизмом многостороннего политического диалога по проблемам мира и безопасности в АТР.

Сотрудничество в рамках АРФ, безусловно, соответствует национальным интересам Казахстана, объективно усиливает его международные позиции, способствует успешному проведению экономических и политических преобразований внутри страны. Поэтому необходимо стремиться укреплению взаимовыгодных отношений со странами АТР на долгосрочной основе с тем, чтобы в случае отмены моратория, ускоренно войти в состав АРФ.

Таким образом, несмотря на то, что на протяжении 18 лет Астана неоднократно предпринимала попытки присоединения к АРФ, Казахстану *следует целенаправленно добиваться цели по присоединению к данному институту.*

В рамках работы АСЕАН – ШОС

Странам – участницам ШОС можно было бы подумать, в том числе и Казахстану, об определении политических алгоритмов дальнейшей линии в отношении взаимодействия с АСЕАН. Автор полагает целесообразным поднять перед руководством Ассоциации вопрос о налаживании партнерства. Начать его можно с информационного сегмента, подтвердив готовность к реализации предложения о презентации ШОС в АСЕАН. Данное предложение было выдвинуто Генеральным секретарем АСЕАН на встрече с Генеральным секретарем ШОС в мае 2016 года. Данную презентацию целесообразно провести в 2019 году на саммите ШОС в Кыргызстане.

В рамках работы СВМДА – АСЕАН

СВМДА и АСЕАН уже утвердились в качестве авторитетных международных площадок, которые обладают всем необходимым потенциалом и наработанным опытом по поддержанию мира и стабильности на Азиатском континенте.

Казахстанская сторона, выступая в качестве инициатора СВМДА, может предложить объединить усилия двух диалоговых форумов и максимально использовать их возможности для борьбы с современным вызовам и угрозам в Азии. В данном ключе видится актуальным налаживание контактов в

диалоговом формате Регионального форума АСЕАН по безопасности с СВМДА.

Автор считает, что установление тесных связей между СВМДА и АСЕАН отвечает интересам всех стран и позволит охватить всю Азию единым механизмом обеспечения безопасности.

В целом следует подчеркнуть, что сложение возможностей ЕАЭС, ШОС и АСЕАН позволит найти новые мощные источники роста. Так, ШОС могла бы внести свой вклад в усилия по сопряжению национальных стратегий развития и многосторонних интеграционных инициатив. Автор полагает, что сложение потенциалов АСЕАН, ЕАЭС, ШОС, СВМДА, а также китайского проекта «Один пояс, один путь» позволило бы выйти на новые мощные источники роста.

В рамках двустороннего сотрудничества Республики Казахстан со странами АСЕАН

Между Республикой Казахстан и странами региона налажены двусторонние связи. В этой связи необходимо продолжить усилия по укреплению сотрудничества с приоритетными партнерами такими как Индонезия, Малайзия, Сингапур, Вьетнам, Филиппины.

Казахстан имеет возможности наращивать торговое сотрудничество как «стратегического партнера по диалогу» в рамках АСЕАН+1.

Для успешного выхода на «рынок» Юго-Восточной Азии Казахстану нужно прежде всего учитывать, что сегодня это рынок покупателя, а не продавца. Именно внимательное отношение к потребностям стран АСЕАН и формирование казахстанского предложения с учетом имеющихся потребностей может дать результат.

В этой связи необходимо увеличить плотность информационного, экспертного и человеческого присутствия в регионе, особенно в среде деловых и политических элит.

Министерство информации и коммуникаций Республики Казахстан

Для устранения информационного барьера между АСЕАН и Казахстаном автор полагает возможным развивать совместные проекты СМИ Казахстана и АСЕАН:

- создание партнерства СМИ Казахстана и АСЕАН, чтобы помочь СМИ каждой стороны ознакомиться друг с другом;
- создание институционального статуса ассоциациями СМИ обеих сторон, которые приглашают журналистов обеих сторон приехать к друг другу, чтобы получить и опубликовать информацию и новости из первых рук;
- создание форума СМИ Казахстана и АСЕАН, который является площадкой для обмена информации обеих сторон, которые могут регулярно совершают обмен со СМИ стран АСЕАН.

Министерство образования Республики Казахстан

Рекомендуется осуществить интеграцию образовательных программ между странами АСЕАН и Казахстана, которые бы позволили бы

активизировать программы по обмену между студентами. Данная стратегия позволит сформировать положительный имидж страны, но и может стать осуществлением развития бизнеса в сфере образования. С другой стороны, это создает шанс для казахстанских студентов обучаться в странах АСЕАН.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении настоящего диссертационного исследования необходимо отметить, что интеграция стран Юго-Восточной Азии представляет уникальный опыт формирования сообщества АСЕАН, которое во многом определяет характер и перспективы построения отношений с Казахстаном в АТР. Так, создание АСЕАН породило первую успешную форму сотрудничества стран этого региона для решения своих проблем до конца холодной войны.

1. На сегодняшний день существует два основных варианта развития азиатского регионализма. Во-первых, может быть создано полноценное интеграционное объединение, т.е. достигнута одна из стадий интеграции в соответствии с концепцией Баласа. Вероятнее всего, это будет зона свободной торговли, поскольку ни одна из стран Восточной Азии не стремится к созданию, например, таможенного союза, основным положением которого является проведение странами-членами единой внешнеэкономической политики. Зона свободной торговли может быть наделена отдельными признаками общего рынка, в частности она может охватывать отдельные аспекты, регулирующие потоки капитала и движение рабочей силы. Во-вторых, государства Восточной Азии могут пойти по пути регионального сотрудничества, т.е. весь Азиатско-Тихоокеанский регион будет представлять собой множество двусторонних и многосторонних соглашений с ограниченным числом участников, направленных на укрепление сотрудничества лишь в отдельных, наиболее приоритетных для них, направлениях.

2. Несмотря на наличие факторов, как способствующих, так и препятствующих развитию интеграционных процессов в регионе, происходит усиление центристских тенденций, в первую очередь за счет успешного развития уже созданных интеграционных объединений в рамках АСЕАН. Влияние негативных факторов постепенно снижается за счет выравнивания уровней экономического развития стран – участниц интеграционных процессов. А дальнейшее развитие интеграции, а именно в рамках дальнейшего формирования Сообщества АСЕАН будет еще в большей степени способствовать развитию процессов общерегиональной интеграции и становлению Восточноазиатского Сообщества.

3. Успешное функционирование зоны свободной торговли АСЕАН привело к разработке концепции формирования Экономического сообщества АСЕАН на основе свободного перемещения товаров, услуг, инвестиционных потоков, либерализации движения капитала и квалифицированной рабочей силы. Расширение интеграции внутри АСЕАН будет вести не только к углублению и развитию торговых и инвестиционных связей в рамках Ассоциации, но и способствовать расширению взаимодействия с другими странами восточноазиатского региона, в первую очередь по моделям АСЕАН+1, что в последующем будет усиливать интеграционные тенденции.

4. В течение последней декады лет в АТР произошли качественные изменения в сторону возникновения новых региональных экономических блоков, в которых АСЕАН играет важную роль. В сотрудничестве с другими странами мира и организациями, АСЕАН не может быть независим в своей внешней политике. Присутствие великих держав в регионе повлияло на деятельность АСЕАН. С позволения данных держав АСЕАН стала «движущей силой» интеграции в регионе, однако, в то же время, противоречия держав в регионе, и как следствие среди членов АСЕАН повлияли на деятельность организации в регионе. АСЕАН зависит от США в плане региональной безопасности, однако с экономической стороны зависит от Китая, который является крупнейшим торговым партнером.

5. Неофункционализм как теория региональной интеграции способна логично объяснить процессы, происходящие в рамках АСЕАН, так как социокультурная интеграция является логической закономерностью интеграции, где связующие характеристики стран ЮВА служат главными предпосылками для интеграции региона и образования АСЕАН.

6. В настоящее время наблюдается тесное переплетение в регионе нетрадиционных угроз безопасности с проблематикой региональных конфликтов. В этом отношении работа АРФ в сфере превентивной дипломатии становится особо востребованным. Конструктивисты рассматривают АРФ и другие институты АСЕАН как воплощение коллективной идентичности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а региональная идентичность стран АСЕАН является основной причиной ее активной позиции в Азии.

7. Совместные интересы Казахстана и АСЕАН могут быть представлены в трех аспектах: баланс сил в регионе, определяющий политическую безопасность всего региона в рамках деятельности ШОС, СВМДА, АРФ, вопросы региональной безопасности (проблема международного терроризма, ядерное оружие), а также совместные экономические интересы, позволяющие интегрировать экономику Казахстана в мировую экономику. Недостаток позиции Казахстана в мировой экономике является ограничением в проведении ее внешней политики, поэтому для устранения данного препятствия Казахстану необходимо выйти на уровень глобального экономического сотрудничества. АСЕАН выступает таким полем экономического взаимодействия значимого для обеих сторон (торговля и инвестиции, энергетика, промышленность, наука и техника, транспорт и логистика, продовольственная безопасность).

8. Мягкая сила (роль СМИ, образования, культурного обмена) в процессе построения взаимоотношений Казахстана и АСЕАН способны устранить такие препятствия для дальнейшего сближения. В первую очередь это касается для устранения информационного вакуума с обеих сторон и увеличение гуманитарного ресурса, этому может способствовать инвестирование в АСЕАН с целью продвижения политического и экономического имиджа Казахстана.

9. Перспективы отношений Казахстана и АСЕАН могут быть представлены по следующим направлениям: формирование взаимосотрудничества через интеграцию сообщества АСЕАН и Нового Шелкового Пути и Евразийского Союза, осуществление взаимодействия через

создание зон свободной торговли, в рамках развития социо-культурного направления через увеличение туристических потоков, совместных образовательных проектов, развитие сотрудничества научных центров, что приведет к модернизации двух сторон.

10. В Казахстане проект ЭПШП будет внедрен быстрее, чем в других странах-участницах благодаря значительному синергизму с программой «Нурлыжол» и оптимизированной нормативно-правовой базе. Республике Казахстан необходимо продолжить активное участие в транзитно-логистических проектах в рамках строительства нового «морского Шелкового пути». Укрепление сотрудничества со странами АСЕАН в рамках «морского Шелкового пути 21-го века», позволит развивать промышленный потенциал стран, через которые будет проходить Шелковый путь, а прежде всего – интенсивное развитие западных регионов Китая и их превращение в транспортно-логистический внешнеэкономический, а в перспективе и финансовый хаб «Большой Центральной Азии».

11. Несмотря на то, что Казахстан и страны АСЕАН имеют многообразные совместные интересы и создали механизмы сотрудничества, но их отношения еще недостаточно развиты. Проблемы в осуществлении взаимодействия Казахстана и АСЕАН в настоящее время можно разделить на следующие аспекты: это информационный разрыв между Казахстаном и АСЕАН, причиной которого во многом является недооценка роли СМИ как влиятельного фактора сближения обеих сторон; отсутствие инвестирования в странах АСЕАН, не учитывание такого фактора, как «мягкая сила» с целью продвижения политического и экономического имиджа Казахстана.

В итоге, можно заключить, что на основе приведенных выше положений в диссертации утверждается, что в настоящее время отношения сообщества АСЕАН и Казахстана динамично развиваются, в будущем они могут определять особый характер сотрудничества в АТР.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Выступление Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева на юбилейной сессии СВМДА // <http://www.akorda.kz/ru/>. 2.09.2018.
- 2 Celebrating ASEAN: 50 years of Evolution and Progress. A Statistical Publication // <https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2017/08/>. 3.09.2018.
- 3 Декларация зоны мира, свободы и нейтралитета: утв. 27 ноября 1971 года // <http://www.icnl.org/research/library/files/Transnational/zone.pdf> 17.11.2018.
- 4 Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (Балийский договор) от 24 февраля 1976 года // <https://www.lawmix.ru/abrolaw/15187> 17.11.2018.
- 5 ASEAN Charter 2007 // <https://asean.org/storage/images/archive/publications/ASEAN-Charter.pdf> 3.09.2018.
- 6 Токаев К.К. Внешняя политика Республики Казахстан в период становления нового мирового порядка: дис. ... док. полит. наук: 23.00.04. – М., 2001. – 263 с.
- 7 Должикова О. Азиатско-Тихоокеанский регион: формирование новой геополитической конструкции или перегруппировка сил? // Казахстан в глобальных процессах. – 2007. – №1. – С. 69-82.
- 8 Сыроежкин К.Л. Казахстан-Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2010. – Т. 1. – 336 с.
- 9 Ермекбаев Н.Б. ШОС: Роль Казахстана в региональной деятельности. – Астана: Акпол, 2008. – 48 с.
- 10 Лаумулин М.Т. Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. Геополитика XXI века. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2010. – Т. 4. – 352 с.
- 11 Ауган М.А. ЮВА – зона экономических и военно-политических интересов Китая // Казахстан-Спектр. – 2009. – №4. – С. 37-47.
- 12 Лаумулин М., Ауган М.А. АТЭС: история и институционально-правовая основа // ҚазҰУ хабаршысы. Халықаралық қатынастар және халықаралық құқық сериясы. – 2009. – №6(44). – Б. 122-128.
- 13 Мухамеджанова Д.Ш. Мировые интеграционные объединения и Казахстан: сотрудничество в условиях регионализации: монография. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2013. – 348 с.
- 14 Мухамеджанова Д.Ш. Интеграция Казахстана в тихоокеанское экономическое пространство // Analytic. – 2012. – №1. – С. 100-113.
- 15 Preusse H.G. The New American Regionalism. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2004. – 250 p.
- 16 Hettne B. Regionalism between Politics and Economics. – London: Routledge, 1994. - 354 p.
- 17 Nye J. International Regionalism: Readings. – Boston: Little, Brown and Company, 1968. – 432 p.

18. Hemmer C. Why is There No NATO in Asia? Collective Identity, Regionalism, and the Origins of Multilateralism // *International Organization*. – 2002. – Vol. 56, №3. – P. 575-607.
- 19 Wallis A. The New Regionalism // *Wiley Online Library*. – 1994. – Vol. 83, Issue 4. – P. 447-468.
- 20 Carr E.H. *Nationalism and After*. – London: Macmillan & Co, 1945. – 234 p.
- 21 Устав ООН: утв. 26 июня 1945 года // <http://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-i/index.html>. 6.09.2018.
- 22 Hurrell A. Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics // *Review of International Studies*. – 1995. – Vol. 21, №4. – P. 331-358.
- 23 Söderbaum Sc.M.F., Öjendal J. *Regionalization in a Globalizing World*. – London: Zed Books, 2001. – 320 p.
- 24 Hatsuse R. Regionalisms in East Asia and the Asia-Pacific // In book: *Globalism, Regionalism and Nationalism*. – Oxford: Blackwell Publishers Ltd, 1999. – P. 5-75.
- 25 De Lombaerde P., Van Langenhove L. Regional Integration, Poverty and Social Policy // *Global Social Policy*. – 2007. – Vol. 7(3). – P. 377-383.
- 26 Balassa B. The Theory of Economic Integration // *The Economic Journal*. – 1962. – Vol. 72(286). – P. 389-391.
- 27 Lokshin G. 40 years of the Association of South-East Asia Nations // *Observer*. – 2007. – №7. – P. 98-107.
- 28 Hugh P. PECC, APEC, and East Asian Economic Cooperation: Prime Minister Ohira's Legacy and Issues in the 21st Century // <https://www.pecc.org/resources/regional-cooperation>. 3.09.2018.
- 29 Васильева Н.А., Лагутина М.Л. Глобальный евразийский регион: опыт теоретического осмысления социально-политической интеграции. – СПб., 2012. – 424 с.
- 30 Яковлев П.П. Трансатлантическое партнерство: контекст, значение, проблемные аспекты // *Перспективы* (электронный журнал). – 2016. – №4. – С. 25-40.
- 31 Jin Jianmin. RCEP vs. TPP. – Tokyo: Fujitsu Research Institute, <http://www.fujitsu.com/jp/group/fri/en/column/message>. 3.09.2018.
- 32 Damuri Yose Rizal. Trade policy in swing: Indonesia's attitude to liberalisation and the TPP // <http://www.eastasiaforum.org/2014/03/19/trade-policy>. 3.09.2018.
- 33 Chatterjee B., Surendar S. Why RCEP is vital for India // <https://thediplomat.com/2015/03/why-rcep-is-vital-for-india/> 3.09.2018.
- 34 Basu Nayanima. India expects headway in RCEP talks // <https://www.business-standard.com/article/economy>. 3.09.2018.
- 35 Ли Куан Ю. Сингапурская история. 1965-2000 гг. Из третьего мира – в первый / пер. с англ: А. Боня. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. – 576 с.
- 36 Ikenberry J.G. *After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order After Major Wars*. – Princeton: Princeton University Press, 2000. – 327 p.

- 37 Acharya A. Constructing a security community in Southeast Asia: ASEAN and the problem of regional order. – N.Y.: Routledge, 2014. – 291 p.
- 38 Aggarwal V.K., Min G.K. Asia's New Institutional Architecture: Evolving Structures for Managing Trade, Financial, and Security Relations. – Berlin: Springer-Verlag, 2008. – 321 p.
- 39 Beeson M., Stubbs R. Routledge Handbook of Asian Regionalism. – N.Y.: Routledge, 2012. – 488 p.
- 40 Восточная Азия: между регионализмом и глобализмом / под ред. Г.И. Чуфрин. – М.: Наука, 2004. – 282 с.
- 41 Мировое комплексное регионоведение / под ред. А.Д. Воскресенского. – М., 2014. – 416 с.
- 42 Лагутина М.Л., Чарумани К. Сравнительный анализ ведущих региональных организаций в азиатско-тихоокеанском регионе // Научно-технические ведомости. – 2015. – №1(215). – С 38-48.
- 43 Песцов С.К. Регионализм и система международных отношений // Вестник ДВО РАН. – 2005. – №2. – С. 65-71.
- 44 Rudner M. APEC: The Challenges of Asia Pacific Economic Cooperation // Modern Asian Studies. – 1995. – Vol. 29, №2. – P. 403-437.
- 45 Ravenhill J. APEC and the construction of Pacific Rim regionalism. – Cambridge, 2001. – 308 p.
- 46 Бреславец, А.А. Принцип открытого регионализма как политическая основа организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Хабаровск, 2003. – 211 с.
- 47 Островская Е.Я., Фирсова И.С. Роль АТЭС в развитии экономического сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Международная экономика. – 2010. – №4. – С. 50-56.
- 48 Островская Е.Я., Фирсова И.С. Россия и АТЭС: основные векторы экономического сотрудничества // Международная экономика. – 2010. – №5. – С. 57-63.
- 49 Костюнина Г.М. Форум «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сообщество» (АТЭС) // В кн.: Международная экономическая интеграция / под ред. Н.Н. Ливенцева. – М.: Экономистъ, 2006. – С. 191-217.
- 50 Потапов М. Экономические итоги саммита АТЭС в Сиднее // Проблемы Дальнего Востока. – 2008. – №2. – С. 101-109.
- 51 Потапов М. АТЭС в условиях мирового финансового кризиса (экономические итоги саммита АТЭС в Лиме) // Проблемы Дальнего Востока. – 2009. – №2. – С. 55-64.
- 52 Busse N. Constructivism and Southeast Asian security // The Pacific Review. – 1999. – Vol. 12(1). – P. 39-60.
- 53 Stubbs R. ASEAN Plus Three: Emerging East Asian Regionalism? // Asian Survey. – 2002. – Vol. 42(3). – P. 440-455.
- 54 Kivimäki T. The Long Peace of ASEAN // Journal of Peace. – 2001. – Vol. 38, №1. – P. 5-25.

- 55 Alatas A. ASEAN in a Globalizing World // *Asia-Pacific Review*. – 2001. – Vol. 8(2). – P. 1-9.
- 56 Kai H. Does ASEAN Matter? International Relations Theories, Institutional Realism, and ASEAN // *Asian Security*. – 2006. – Vol. 2(3). – P. 189-214.
- 57 Kamarulzaman Askandar, Jacob Bercowtch & Mikio Oishi, The ASEAN way of conflict management: Old patterns and new trends // *Asian Journal of Political Science*. – 2002. – Vol. 10(2). – P. 21-42.
- 58 Beeson M. ASEAN's ways: still fit for purpose? // *Cambridge Review of International Affairs*. – 2009. – Vol. 22(3). – P. 333-343.
- 59 Kim M.-H. Integration Theory and ASEAN Integration // *Pacific Focus*. – 2014. – Vol. XXIX, №3. – P. 374–394.
- 60 Acharya A. *The End of American World Order*. Polity. – Cambridge UK, 2014. – 157 p.
- 61 Severino R.C. *Towards an ASEAN Security Community*. – Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2004. – 19 p.
- 62 Severino R. *Southeast Asia in Search of an ASEAN Community*. – Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2006. – 490 p.
- 63 Soesatro H. et al. *The inclusive regionalist: a festschrift dedicated to Jusuf Wanandi*. – Jakarta: Centre for Strategic and International Studies, 2007 – 519 p.
- 64 Tong G.Ch. Asean, China Plan FTA // *The Straits Times*. – 2001, november – 7.
- 65 Speech of S. Dhanabalan at the fifth meeting of the ASEAN Task Force // <http://www.nas.gov.sg/archivesonline/data/pdfdoc/SD19830518.pdf>. 1.10.2018.
- 66 Bolkih M. *Chairman's Statement: The Second ASEAN regional forum*. – Washington DC, 1995. – 204 p.
- 67 Mahbubani K. *The Great Convergence: Asia, the West, and the Logic of One World*. - London: Hardcover, 2014. – 328 p.
- 68 Fan H., Yang P. China's role in Asia's free trade agreements // *Asia and Pacific Studies*. - 2015. – Vol. 2(2). - P. 416-424.
- 69 Hsu Kristy. Asian leadership in policy and governance // In book: *ASEAN centrality: A quest for leadership role in East Asian economic integration*. – London: Emerald Group Publishing, 2015. – P. 105.
- 70 Xiaoming Zh. *The Rise of China and Community Building in East Asia // Asian Perspective*. - 2006. - Vol. 30(3). - P. 129-148.
- 71 Seng T.S. *The US Push for a Northeast Asia Forum: Three Ramifications for East Asian Regionalism* // https://www.rsis.edu.sg/rsis-publication/cms/1067-the-us-push-for-a-northeast-as/#.W_At09gzbBI 1.10.2018.
- 72 Goh E. *The Struggle for Order: Hegemony, Hierarchy and Transition in Post-Cold War East Asia*. – Oxford: Oxford University Press. 2013. – 296 p.
- 73 Goh E. *Great Powers and Hierarchical Order in Southeast Asia: Analyzing Regional Security Strategies* // *International Security*. - 2007. – Vol. 32(3). - P. 113-157.
- 74 Goh E. *Frontmatter. In Constructing the U.S. Rapprochement with China, 1961–1974: From Red Menace to Tacit Ally* // <https://www.cambridge.org/core/books/>. 1.10.2018.

75 Hong P. Jointly Building the 'Belt and Road' towards the Sustainable Development Goals // <https://www.un.org/development/>. 1.10.2018.

76 Hong Y. China's «Maritime Silk Road of the 21st Century» Initiative // <http://www.eai.nus.edu.sg/BB941.pdf>. 01.10.2018.

77 Wu J., Zhang Y. Xi in call for building of new «maritime silk road» // http://usa.chinadaily.com.cn/china/2013-10/04/content_17008940.htm. 01.10.2018.

78 Emmers R., Tan S.S. The ASEAN Regional Forum and preventive diplomacy: A review essay // *Asian Security*. – 2011. – Vol. 7(1). – P. 44-60.

79 Emmers R. ASEAN and Institutionalization of East Asia. – London; N.Y.: Routledge, 2012. – 234 p.

80 Stubbs R. ASEAN Plus Three: Emerging East Asian Regionalism? // <http://www.olemiss.edu/courses/pol337/stubbs02.pdf> 01.10.2018.

81 Maswood S. Japan and East Asian Regionalism Nissan Institute. - London: RoutledgeTaylor & Francis, 2002. – 253 p.

82 Yuzawa T. The Evolution of Preventive Diplomacy in the ASEAN Regional Forum: Problems and Prospects // *Asian Survey*. – 2006. – Vol. 46, Issue 5. – P. 785-804.

83 Chunlai S. Preventive Diplomacy in the Asia-Pacific Region // <http://sdsc.bellschool.anu.edu.au/sites/default/files/publications/>. 01.10.2018.

84 Peou S. Realism and constructivism in Southeast Asian security studies today: a review essay // *The Pacific Review*. – 2002. – Vol. 15(1). – P. 119-138.

85 Kai H. Does ASEAN Matter? International Relations Theories, Institutional Realism, and ASEAN // *Asian Security*. – 2006. - Vol. 2(3). – P. 189-214.

86 Kivimäki T. Power, interest or culture – is there a paradigm that explains ASEAN's political role best? // *The Pacific Review*. – 2008. – Vol. 21(4). – P. 431-450.

87 Yamazawa I., Kinoshita T., C.H. Kwan. Japan and East Asia: How Do We Meet the Globalization Challenge Together? // In book: *A New East Asia – Toward a Regional Community*. – Singapore: National University of Singapore, 2007. – P. 68-100.

88 Yoon D.R. The G20 and the role of Asia in the future // In book: *Asian responses to the global financial crisis: the impact of regionalism and the role of the G20*. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2012. - P. 85-104.

89 Yoshimatsu H. ASEAN and evolving power relations in East Asia: strategies and constraints // *Contemporary Politics*. – 2012. – Vol. 18(4). – P. 400-415.

90 Рахматуллаев Э. Превентивная дипломатия: панацея или мираж?. – М., 2007. – 408 с.

91 Rakhimov M. Central Asia and Japan: Bilateral and multilateral relations // *Journal of Eurasian Studies*. – 2014. – Vol. 5, Issue 1. – P. 77-87.

92 Kassenova N. Japans Hesitant Embrace of Central Asia: Will There Be a Strategy // In book: *Great Powers and Regional Integration in Central Asia: a local Perspective* / eds. by M. Esteban, N. de Pedro. – Madrid: Exlibris Ediciones, 2009. – P. 95-111.

93 Джоробекова Г.Э. Векторы региональной экономической интеграции стран Центральной Азии // В кн.: *Внешнеполитическая ориентация стран*

Центральной Азии в свете глобальной трансформации мировой системы международных отношений. – Бишкек, 2009. – С. 273-277.

94 Молдакасимов Е. АСЕАН во внешнеполитических интересах Казахстана // <http://www.postsoviet.ru/publications/177/> 1.10.2018.

95 ASEAN Declaration // <https://asean.org/the-asean-declaration-bangkok-declaration-bangkok-8-august-1967/> 1.10.2018.

96 The Declaration of ASEAN Concord // https://asean.org/?static_post=declaration-of-asean-concord-indonesia-24-february-1976.

97 Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia Indonesia // <https://asean.org/treaty-amity-cooperation-southeast-asia-indonesia-24>. 1.10.2018.

98 ASEAN Declaration on the south China SEA // <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2017/07/1992-ASEAN-Declaration-on-the-South-China-Sea.pdf>.

99 Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в ЮВА // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangkok.shtml 1.10.2018.

100 Видение – 2020 года: программа развития АСЕАН до 2020 г. // https://asean.org/?static_post=asean-vision-2020 1.10.2018.

101 Декларация об АСЕАН – II или «Балийский договор – II» // https://asean.org/?static_post=declaration-of-asean-concord-ii-bali-concord-ii 1.10.2018.

102 APEC Economic Leaders' Declaration of Common Resolve // https://www.apec.org/~media/Files/LeadersDeclarations/1994/1994_LeadersDeclaration.pdf 1.10.2018.

103 APEC First Ministerial Meeting Joint Statement, Australia, 1989 // https://www.apec.org/~media/Files/MinisterialStatements/Annual/1989/89_amm_jms.pdf 1.10.2018.

104 Framework Agreement on Comprehensive Economic Co-Operation Between ASEAN and the People's Republic of China // https://asean.org/?static_post=framework-agreement-on-comprehensive. 1.10.2018.

105 Framework Agreement on Comprehensive Economic Cooperation Among the Governments of the Member Countries of the Association of Southeast Asian Nations and the Republic of Korea // https://asean.org/?static_post=framework-agreement-on-comprehensive-economic-cooperation-among. 1.10.2018.

106 Leaders' Declaration - Blake Island. APEC Leaders Economic Vision Statement // <http://www.asianlii.org/apec/other/agrmt/1alevs374/> 1.10.2018.

107 APEC Leaders. '2016 Leaders' Declaration' // <https://www.apec.org/>. 1.10.2018.

108 Text of the Trans-Pacific Partnership // <https://www.mfat.govt.nz/assets/Trans-Pacific-Partnership>. 1.10.2018.

109 Guiding Principles and Objectives for Negotiating the Regional Comprehensive Economic Partnership // <http://asean.org/storage/2012/05/RCEP-Guiding-Principles-public-copy.pdf>. 1.10.2018.

110 Joint Declaration on the Launch of Negotiations for the Regional Comprehensive Economic Partnership, 2013 // <https://dfat.gov.au/trade/agreements/negotiations/rcep>. 1.10.2018.

111 Игнатов В.Г., Бутов В.И. Регионоведение. – Р-на-Д., 1998. – 180 с.

- 112 Хелд Д. и др. Глобальные трансформации: политика, экономика, культура / пер. В.В. Сапинова. – М., 2004. – 576 с.
- 113 Декларация о регионализме // http://aer-www.ameos.net/fileadmin/user_upload/PressComm/Publications/DeclarationRegionalism/. 10.2018.
- 114 Чарумани К. Роль АТЭС в интеграционной стратегии России в АТР: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. – СПб., 2015. – 177 с.
- 115 Schulz M. et al. Regionalization in a Globalizing World. – Chicago, 2001. – 320 p.
- 116 Haas E.B. The Study of Regional Integration: Reflections on the Joy and Anguish of Pretheorizing // *International Organization*. – 1970. – Vol. 24. Issue 4. – P. 606-646.
- 117 De Lombaerde P., Van Langenhove L. Regional Integration, Poverty and Social Policy // *Global Social Policy*. – 2007. – Vol. 7(3). – P. 377-383.
- 118 Van Ginkel H., Van Langenhove L. Introduction and Context // In book: *Integrating Africa: Perspectives on Regional Integration and Development*. – Tokyo: UNU Press. 2003. – 199 p.
- 119 Kahnert F.P., Stoutjesdijk R.E., Thomopoulos P. Economic integration among developing countries. – Paris: Development Center of the Organization for Economic Co-operation and Development (OECD), 1969. – 162 p.
- 120 Allen R.L. Review of The theory of economic integration, by Bela Balassa // *Economic Development and Cultural Change*. – 1963. – Vol. 11(4). – P. 449-454.
- 121 Panagariya A. The Regionalism Debate: An Overview // *The World Economy*. – 1999. – Vol. 22(4). – P. 477-512.
- 122 Hosny A.S. Theories of Economic Integration: A Survey of the Economic and Political Literature // *International Journal of Economy, Management and Social Sciences*. – 2013. – Vol. 2(5). – P. 133-155.
- 123 Генеральное соглашение по торговле и тарифам // <https://www.hse.ru/data>. 1.10.2018.
- 124 Haas E. The uniting of Europe: political, social and economic forces 1950-1957. – Stanford: Stanford University Press, 1958. – 368 p.
- 125 Каримуллина А.А. Современные западные интерпретации особенностей экономического развития новых индустриальных стран Азии // *Общерегionalные проблемы развития*. – 2018. - №(38). – С. 96-102.
- 126 The East Asian Miracle / World Bank Policy Research Paper. 1993 // <http://documents.worldbank.org/curated/en/975081468244550798/pdf/>. 2.10.2018.
- 127 Acharya A. Comparative Regionalism: A Field Whose Time has Come? // *Italian Journal of International Affairs*. – 2012. – Vol. 47(1). – P. 3-15.
- 128 Костюнина Г.М. Азиатско-Тихоокеанская Экономическая интеграция. – М.: РОССПЭН, 2002. – 207 с.
- 129 Бородавкин А.Н. Многомерная архитектура для полицентричного Азиатско-Тихоокеанского региона // *Дипломатический ежегодник*. – 2009. – №1. – С. 11-14.
- 130 Bollard A. How Connectivity Can Help Accelerate APEC's Economic Integration and What We Can Learn from ASEAN?: speech // APEC Secretariat, at the ISEAS Symposium. – Singapore, 2013, april - 3.

131 Hugh P. From PAFTAD to APEC: Economist Network // Discussion Paper.-1997. - Vol 2. - P. 1-17.

132 Bogor Declaration – APEC Economic Leaders’ Declaration of Common Resolve // https://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/1994/1994_aelm.aspx 2.10.2018.

133 Ravenhill J. APEC and the Construction of Pacific Rim Regionalism. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000. – 294 p.

134 How APEC operates? // <https://www.apec.org/About-Us/How-APEC-Operates> 2.10.2018.

135 Трошина С. Специфика интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе. – М., 2013. – 294 с.

136 Бюллетень Российского центра исследований форума «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» // Российский центр исследований АТЭС. – 2011. – №27. – С. 22.

137 Искакова Ж.А. Страны АСЕАН в Транстихоокеанском Партнерстве // 2 internat. scient. and pract. conf. «Science of the 21 century: Problems and Prospects of Researches». – 2018. – Vol. 6. – P. 91-95.

138 Kwie E.S. Chinese trade bilateralism // In book: Bilateral trade Agreements in the Asian-Pacific: origins, evolution and implications. – NY: Routledge, 2006. – 320 p.

139 Chen Y.J. Contemporary Chinese Political Economy and Strategic Relations // An International Journal. – 2016. – Vol. 2, №1. – P. 141-171.

140 Morgenthau H. Politics among nations. the struggle for power and peace. – Ed. 2-nd. – New York: Alfred A. Knopf, 1955. – 260 p.

141 Wendt A. Social Theory of International Politics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 452 p.

142 Васильев Л.Е. и др. АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы. – М.: ИД «Форум», 2010. – 368 с.

143 Adler E. Communitarian International Relations: The Epistemic foundations of International Relations. – London: Routledge, 2005. – 336 p.

144 Цыганков П.А. Тенденции классических парадигм в западной теории международных отношений // Общественные науки и современность. – 2004. - №2. - С. 119-130.

145 Mitrany D. A working peace system. – Chicago: Quadrangle Press, 1966. – 221 p.

146 Conzelsmann T. Neofunktionalismus I // In book: Theorien der Internationalen Beziehungen. – Opladen, 2003. – S. 141-161.

147 Haas E.B. International Integration: The European and the Universal Process // International Organization. – 1961. – Vol. 15, №3. – P. 366-392.

148 Искакова Ж.А. АСЕАН через призму теорий международных отношений // The Europe and the Turkic World: Science, Engineering and Technology: program of the III internat. scient.-prac. conf. - Alanya, 2018. – P. 339.

149 Искакова Ж.А. Становление и трансформация Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) // Вестник Евразийского Национального университета им. Л.Н. Гумилева. – 2017. – №3(118). – С. 497-501.

150 Denoon D.B.H., Colbert E. Challenges for the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) // Pacific Affairs. – 1999. – Vol. 71, №4. – P. 505-523.

151 Pollard V.K. ASA and ASEAN, 1961-1967: Southeast Asian Regionalism // Asian Survey. – 1970. – Vol. 10, №3. – P. 254.

152 Ramses Amer. Conflict Management and Constructive Engagement in ASEAN's Expansion // Third World Quarterly. – 1999. – Vol. 20, №5. – P. 1031-1048

153 Acharya A. Culture, Security, Multilateralism: The «ASEAN Way» and Regional Order // Contemporary Security Policy. – 1998. – Vol. 19, №1. – P. 55-84.

154 Acharya A. Constructing a Security Community in Southeast Asia: ASEAN and the Problem of Regional Order. – Redwood City: Stanford University Press, 2009. – 427 p.

155 Rajshree Jetly. Conflict Management Strategies in ASEAN: Perspectives for SAARC // The Pacific Review. – 2003. – Vol. 16, №1. – P. 53-76.

156 Emmerson D. Southeast Asia: Minding the Gap between Democracy and Governance // Journal of Democracy. – 2012. – Vol. 23(2). – P. 62-73.

157 Leifer M. The ASEAN peace process: a category mistake // Pacific Review. – 1999. – Vol. 12(1). – P. 25-38.

158 Acharya A. Regional Military-Security Cooperation in the Third World: A conceptual Analysis of the Relevance and Limitations of ASEAN (Association of Southeast Asian Nations) // Journal of Peace Research. – 1992. – Vol. 29, №1. – P. 7-21

159 Russell H. Fifield. ASEAN: Image and Reality // Asian Survey. – 1979. – Vol. 19, №12. – P. 1199-1208.

160 Leszek Buszynski. ASEAN: A Changing Regional Role // Asian Survey. – 1987. – Vol. 27, №7. – P. 763-769.

161 David B.H. Denoon and Evelyn Colbert, „Challenges for the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN)“ // Pacific Affairs. - 1998-1999. - Vol. 71, №4. - P. 508.

162 Lau Teik Soon. ASEAN and the Cambodian Problem // Asian Survey. – 1982. – Vol. 22, №6. – P. 67-74.

163 Cotton J. The «Haze» over Southeast Asia: Challenging the ASEAN Mode of Regional Engagement // Pacific Affairs. – 1999. – Vol. 72, №3. – P. 331-351.

164 Seth S.P. ASEAN and Regional Security // Economic and Political Weekly. – 1999. – Vol. 34, №33. – P. 54-60.

165 ASEAN-China Declaration of Conduct of Parties in the South China Sea (2002) декларация // https://asean.org/?static_post=declaration-on-the-conduct-of-parties-in-the-south-china-sea-2 21.10.2018.

166 Declaration of ASEAN Concord II - Bali Concord II, (2003) декларация // <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2017/07/2002-Declaration-on-the-Conduct-of-Parties-in-the-South-China-Sea.pdf> 21.10.2018.

167 Statement of the ASEAN Chair on the Signing of the Protocol to the ASEAN Charter on Dispute Settlement Mechanisms by the Foreign Ministers of ASEAN // http://asean.org/?static_post=statement-of-the-asean-chair-on-the-signing-7.10.2018.

168 Ba A. (Re)Negotiating East and Southeast Asia: Region, Regionalism and the Association of Southeast Asian Nations. – Redwood City: Stanford University Press, 2009. – 232 p.

169 Jones M.J., Smith M.L.R. ASEAN and East Asian International Relations: Regional Delusion. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2006. – 403 p.

170 Nischalke T.I. Insights from ASEAN's Foreign Policy Co-operation: The 'ASEAN Way', a Real Spirit or a Phantom // Contemporary Southeast Asia. – 2000. – Vol. 22(1). – P. 89-113.

171 Ravenhill J. Economics and Security in the Asia-Pacific Region // The Pacific Review. – 2013. – Vol. 26(1). – P. 1-15.

172 Sheldon S. ASEAN and Southeast Asia // In book: International Relations of Asia / eds. D. Shambaugh, M. Yahuda. – Ed. 2-nd. – Lanham MD: Rowman & Littlefield, 2014. – P. 225-245.

173 Ba A.D. ASEAN Centrality Imperiled? ASEAN Institutionalism and the Challenges of Major Power Institutionalization // In book: ASEAN and the institutionalization of East Asia. – Abingdon; New York: Routledge, 2011. – P. 114-129.

174 Goh E. Institutions and the great power bargain in East Asia: ASEAN's limited 'brokerage role' // International Relations of the Asia-Pacific. – 2012. – Vol. 11(3). - P. 373-401.

175 Emmers R. ASEAN and the institutionalization of East Asia. – London; N.Y.: Routledge, 2011. – 234 p.

176 Acharya A. ASEAN 2030: Challenges of Building a Mature Political and Security Community // ADBI Working Paper Series. – Tokyo: Asian Development Bank Institute, 2013. – №44. – P. 26.

177 Kraft H. Driving East Asian regionalism: The reconstruction of ASEAN's identity // ASEAN and the Institutionalization of East Asia. – London: Routledge, 2012. – P. 63.

178 Capie D. Explaining ASEAN's resilience: Institutions, path dependency, and Asia's emerging architecture. - London: Routledge, 2012. – 234 p.

179 ASEAN Economic Community Blueprint / ASEAN Secretariat. Jakarta // <https://www.asean.org/storage/images/archive/21083.pdf>. 9.10.2018.

180 ASEAN Socio-Cultural Community Blueprint - 2009 // <https://asean.org/storage/2016/01/ASCC-Blueprint-2025.pdf> 9.10.2018.

181 Wong S. ASEAN Members «Forge Ahead Together» // New Straits Times Online. – 2015, december – 15.

182 Initiative for ASEAN Integration (IAI) Strategic Framework and IAI Work // https://asean.org/?static_post=initiative-asean-integration-iai-work-plan-iii 9.10.2018.

183 Das S.B. Understanding the MPAC // https://www.iseas.edu.sg/images/centres/asc/pdf/Sanchita-ST-16_July2015.pdf. 9.10.2018.

184 Menon J. An ASEAN Economic Community by 2015? // <https://voxeu.org/article/asean-economic-community-2015>. 9.10.2018.

185 Letchumanan R. What is ASEAN Community 2015 All About? // <https://thediplomat.com/2015/02/what-is-asean-community-2015-all>. 9.10.2018.

186 ASEAN Community 2015: Integration for Whom? Policy Brief // <http://www.iboninternational.org>. 9.10.2018.

187 Pasadilla Gloria O. Social Security and Labor Migration in ASEAN // <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/157275/adbi-rpb34.pdf> 7.10.2018.

188 Speech by Dhanabalan, minister for national development, at the 1989 new year gathering for community leaders at the people's association auditorium on friday // <http://www.nas.gov.sg/archivesonline/data/pdfdoc/SD19890106.pdf> 6.09.2018.

189 Шляпина А.О. Китай-Страны АСЕАН: территориальные споры в Южно-Китайском море. - Ойкумена 2013 // <https://cyberleninka.ru/article/v/kitay-strany-asean-territorialnye-spory-v-yuzhno-kitayskom-more>. 06.09.2018.

190 Koh T. Whu I believe in ASEAN, ASEAN50, Vol.1. The ASEAN journey: Reflection of ASEAN Leaders and Officials // <http://www.eria.org/asean50-vol.1-30.tommy-koh.pdf>. 06.09.2018.

191 Jayakumar S. The Southeast Asian drama: evolution and future challenges: Georgetown University inaugural distinguished lecture on Southeast Asia // <https://catalogue.nlb.gov.sg/cgi-bin/spydus.exe/>. 06.09.2018.

192 China FM refutes fallacies on the South China Sea issue. 25 July 2010. China Daily // <http://www.chinadaily.com.cn/china/>. 06.09.2018.

193 Allison L. The EU, ASEAN and Interregionalism: Regionalism Support and Norm Diffusion between the EU and ASEAN. - London: Palgrave, 2015. – 248 p.

194 Глобальное измерение кризиса Рохинджи. Российский Совет по международным делам. 5 декабря 2017 года // <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/globalnoe-izmerenie-krizisa-rokhindzha>. 05.03.2018.

195 Ruggie J. Multilateralism: The Anatomy of an Institution // In book: The Theory and Praxis of an Institutional Form. – N.Y.: Columbia University Press, 1993. - P. 3-36.

196 Transcript of 'Global Challenges' A public address given by former US President William J. Clinton // <https://yaleglobal.yale.edu/content/transcript-global-challenges>. 05.03.2018.

197 Iskakova Zh. ASEAN and geopolitical processes: conclusions for Kazakhstan // Матер. междунар. науч.-практ. конф. «Интеграционные процессы в науке в современных условиях. – Казань, 2017. – С. 176-180.

198 Singapore is a global city of Opportunity, Ministry of Communications and Information Singapore // <https://www.mci.gov.sg/pressroom/news-and-stories/pressroom/2005/3/singapore-is-the-global-city-of-opportunity?>. 05.11.2018.

199 Речь премьер-министр Индии Моди на 37-й Сингапурской лекции 23 ноября 2015 // <https://www.mfa.gov.sg/content/mfa/overseasmission>. 01.09.2018.

200 Речь Президента КНР в Парламенте Индонезии / Центр АСЕАН-Китай. – 2013. – 2 октября // <https://reconasia-production.s3.amazonaws.com/media/>. 01.09.2018.

201 Речь Премьер-министр Китая Ли Кэцян на саммите Китай-АСЕАН. – 2017. – 14 ноября // <http://english.forestry.gov.cn/index.php?option>. 01.09.2018.

202 Байков А.А. Региональные варианты международной интеграции // В кн.: Современная мировая политика. Прикладной анализ: монография. – М.: Аспект Пресс, 2010. – С. 569-589.

203 Арапова Е.Я. Экономическая интеграция в Восточноазиатском регионе. Ретроспективный анализ и будущие возможности: монография. – М.: Проспект, 2015. – 208 с.

204 Ысқақова Ж.А. ОШАМҚ+3: ынтымақтастық және даму перспективалары // Вестник Казахского Национального педагогического университета имени Абая. – 2018. – №1(56). – С. 244-248.

205 Joint Ministerial Statement of the ASEAN+3 Finance Ministers Meeting, Honolulu, 09 May 2001 // https://asean.org/?static_post=joint-ministerial-statement-of-the-asean-3-finance-ministers-meeting-honolulu-usa-9-may-2001 01.09.2018.

206 Joint Ministerial Statement, Fifth ASEAN Finance Ministers Meeting, Kuala Lumpur, 7-8 April 2001 // https://asean.org/?static_post=joint-ministerial-01.09.2018.

207 Domingo R. Low Awareness of 2015 ASEAN Integration Noted // <https://business.inquirer.net/114795/low-awareness-of-2015-asean-integration-noted> 01.09.2018.

208 Goh Chok Tong. Asean, China Plan FTA // <http://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/digitised/issue/straitstimes20011107-1>. 01.09.2018.

209 Blechinger V. Campaign Finance in Japan // In book: Lobbying, Government Relations, and Campaign Finance Worldwide. - Dobbs Ferry; NY: Oceana, 2000. - P. 297-317.

210 China in the International Financial System, Center for International Governance Innovation // <https://www.researchgate.net/publication/313624391>. 01.09.2018.

211 Park J. Regionalism, Economic Integration and Security in Asia A Political Economy Approach. – Cheltenham: University of Incheon. – 2011. - 298 p.

212 Snyder S. The Japan-South Korea Identity Clash: East Asian Security and the United States. - NY: Columbia University Press, 2015. - 240 p.

213 ASEAN Regional Forum: A Concept Paper', adopted at the Second ASEAN Regional Forum, Bandar Seri Begawan, 1995 // <https://2001-2009.state.gov/t/pm/rls/fs/12052.htm> 1.09.2018.

214 Camilleri J. East Asia's Emerging Regionalism: Tensions and Potential in Design and Architecture // Global Change, Peace and Security. – 2005. – Vol. 17, №3. – P. 253-261.

215 Bateman S., Emmerson R. Security and International Politics in the South China Sea: Towards a Co-operative Management Regime. - Abingdon: Routledge, 2009. – 252 p.

216 Yuzawa T. The Evolution of Preventive Diplomacy in the ASEAN Regional Forum // Asian Survey. - 2006. – Vol. 46(5). - P. 785-804.

217 Cahill K. M. Preventive Diplomacy: Stopping Wars Before They Start. - New York: Basic Books, 2009. – 102 p.

218 Boutros B. Challenges of Preventive Diplomacy: The Role of the United Nations and Its Secretary General // In book: Preventive Diplomacy: Stopping Wars Before They Start. – N.Y.: Basic Books, 2009. - P. 16-32.

219 Boutros B. An Agenda for Peace. – N.Y.: United Nations, 1992. – 828 p.

220 Lund M. Preventing Violent Conflicts. – Washington: United States Institute of Peace, 2006. - 240 p.

221 Conference on Security Co-operation in Europe Final Act, Helsinki, August 1, 1975 // <https://www.osce.org/helsinki-final-act?download=true> 1.09.2018.

222 Article 1 of the Protocol of Amendment to the Charter of the Organization of American States ‘Protocol of Cartagena de Indias’ // http://www.oas.org/en/sla/dil/inter_american_treaties_A-41_charter_. 1.09.2018.

223 Chairman’s Statement, the Second ASEAN Regional Forum, Bandar Seri Begawan, Brunei Darussalam, 1 August 1995// <https://2001-2009.state.gov/t/ac/csbn/rd/4376.htm> 1.09.2018.

224 Kronenberger V., Wouters J. The European Union and Conflict Prevention: Policy and Legal Aspects. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 28 p.

225 Emmers R. Balance of Power and Cooperative Security in ASEAN and the ARF. - London: Routledge, 2003. - 254 p.

226 Narine Sh. ASEAN and the Management of Regional Security // Pacific Affairs. – 1998. – Vol. 71, №2. – P. 195-214.

227 Ermekbaev N.B. Multilateral cooperation in the field of security in Asia in the context of Kazakhstan's foreign policy strategy: political aspects: dis. ... cand. watered. sciences. – Almaty: Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, 2009. – 153 p.

228 Suleimenov T.S., Iskakova Zh. Kazakhstan's Participation In The Regional Forum of Security of The Association of Southeastern Asian Nations // Мемлекеттік басқару және қызмет. – 2017. – №(2)62. – С. 47-52.

229 Аманжолов Ж.М., Ахметов Е. Б. Региональный форум АСЕАН по вопросам безопасности и перспективы развития в контексте позиции Казахстана на интеграцию // <https://articlekz.com/article/16668> 20.03.2018

230 Goh Evelyn. ASEAN Regional Forum in US East Asian strategy // The Pacific Review. – 2004. – Vol. 17, №1. – P. 47-69.

231 Экономический пояс шелкового пути: новая геополитическая карта евразийского континента//<https://articlekz.com/article/18180>. 28.09.2018.

232 Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века» // [http:// ru.china-embassy.org/rus/zgxw/t1257296.htm](http://ru.china-embassy.org/rus/zgxw/t1257296.htm) 29.03.2017.

233 Szczudlik-Tatar J. China’s New Silk road diplomacy // The Polish Institute of International Affairs. – 2013. – Vol. 34(82). – P. 1-8.

234. Перспективы реализации проекта Экономический пояс Шелкового пути и государственной программы «Нурлы Жол» // <http://www.kisi.kz/ru/categories/geopolitika-i-mezhdunarodnye->. 20.08.2018.

235 Zhang H. Building the silk road economic belt: Challenges in Central Asia // Cambridge Journal of China. – 2015. – Vol. 10, №3. – P. 17-35.

236 Чернова А.Ф. Основные этапы реализации проекта «Экономический пояс Шёлкового пути» // <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyye-etapy-realizatsii-proekta-ekonomicheskiiy-poyas-shyolkovogo-puti> 2.11.2018.

237 Iskakova Zh., Sarsembayev M., Kakenova Z. Can Central Asia be integrated as ASEAN? // *Opcción, Año.* – 2018. – Vol. 33, №85. – P. 152-169.

238 Ван Шуцунь. Экономический пояс Шёлкового пути и ЕАЭС: конкуренты или партнёры? // *Обозреватель.* - 2014. - №10(297). - С. 58–59.

239 Один пояс – один путь – путь взаимовыгодного развития и совместного процветания Китая и Казахстана. 7 сентября 2018 года // <https://www.inform.kz/ru/odin-poyas-odin-put-put-vzaimovыgodnogo>. 9.09.2018.

240 Выступление У. Сулеймена - Посла Республики Казахстан в Сингапуре на междунар. форуме, посв. обсуждению инициативы «Пояса и пути». – Сингапур, 2018. – 4 мая // <http://mfa.gov.kz/ru/content-view/user-sulejmen-centralnaa-azia-i-asean-sblizenie-posredstvominiciativy>. 01.09.2018.

241 Iskakova Zh. Cooperation of ASEAN and Kazakhstan within the architecture of the New Silk Way // *Матер. междунар. «круглого стола».* – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2018. – С. 233-238.

242 Шелковый путь и большая Евразия: политика, экономика, инфраструктура: теледебаты «Россия 24» и МДК «Валдай» // <https://www.youtube.com/watch?v=IieeGkzGxHo>. 2.11.2018.

243 Iskakova Zh. Kazakh-Vietnamese Relations: The Evolution of Cooperation // *Tyurakulov readings.* - 2016. – Vol. 1. - P. 136-143.

244 Фролова И.Ю. Китайский проект «Экономический пояс Шёлкового пути»: развитие, проблемы, перспективы // *Проблемы национальной стратегии.* 2016. - №5(38). - С. 54.

245 Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. – 8 мая 2015 года // <http://kremlin.ru/supplement/4971>. 8.09.2018.

246 ЕАЭС и АСЕАН идут по одному пути, стремясь к углублению процесса интеграции. – 20 декабря 2017 года // - <http://www.eurasiancommission.org/ru/>. 2.09.2018.

247 Итоги года – год 2008: уроки и итоги // <http://kisi.kz/ru/categories/experts/posts/itogi-goda---god-2008-uroki-i-itogi>. 8.09.2018.

248 Iskakova Zh. Prospects of Cooperation of Kazakhstan With The Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) // *Матер. междунар. науч.-практ. конф.* – Астана, 2016. – С. 79-81.

249 Искакова Ж.А. г-н Рахмат Прамоно - Посол Республики Индонезия в Республике Казахстан: интервью. – Астана, 2018. – 18 сентября. – 11:00 часов.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Интервью докторанта

Академии государственного управления Искаковой Ж.А. с Послом Республики
Индонезия в Республике Казахстан г-ом Рахматом Прамоно
г. Астана, 18 сентября 2018 года, 11:00 часов

Каковы сильные и слабые стороны АСЕАН?

Одной из сильных сторон АСЕАН является общее прошлое, которое нас объединяет. Многие страны АСЕАН были под колониальным режимом западных держав, за исключением может Тайланда, который всегда был независимым государством, у него не было прямого опыта колонизации со стороны других государств, но другие страны, да, были колонизированы западными державами. Эти державы дали нам уникальный характер. Некоторые страны были колонизированы западными государствами, некоторые принадлежали к восточному блоку, так называемые коммунистические страны, например Вьетнам, Индонезия, Лаос. В тоже время будучи независимыми в настоящий момент, эти страны все равно испытывают влияние этих держав. В нашем сотрудничестве с другими странами мира, мы не можем быть независимы в своей внешней политике. Например, некоторые страны более близки к России, Китаю и Пхеньяну. Такие страны как Сингапур, Филиппины, Малайзия более близки к США. Таким образом, существовали много нюансов в наших взаимоотношениях с мировым сообществом после Второй мировой войны. Это создало некую субстанцию нестабильности в политической и экономической и социокультурной областях. Изначально Индонезия не была готова к интеграции, мы были более близки к Москве и Пекину, но когда вступил к полномочиям новое руководство Индонезии политика изменилась, мы уже были готовы и открыты к взаимоотношениям с соседствующими странами. Данное сотрудничество закрепилось в Бангкокской декларации, с которой началась новая эра сотрудничества. Изначально, действительно, очень трудно было сотрудничать, существовала некая подозрительность между странами, но с другой стороны, между странами АСЕАН всегда существовал так называемый дух АСЕАН, мы были очень вежливы, гибки и не пытались доминировать между собой. Первый саммит в Бали был в 1976, когда лидеры пяти стран встретились и обсудили дальнейшее будущее страны, у нас не было даже секретариата, позже он был создан в Джакарте. После 60-х годов процесс АСЕАН ускорился. Другим важным аспектом, который объединил нас является тот факт, что мы развивающиеся государства, конечно сейчас трудно отнести Сингапур в данную категорию, но в то время все страны АСЕАН сталкивались с внутренними проблемами, которые нас объединили. Правительства стран АСЕАН работали вместе, для того, чтобы помогать друг другу для решения проблем.

Что касается проблем АСЕАН, то хотелось бы отметить следующее. В первую очередь страны АСЕАН очень различны в экономическом развитии. У нас есть Сингапур с очень высоким ВВП, но в тоже время есть и Камбоджа и

Лаос, чья экономика развивается не так быстро. У нас есть страны с экономикой ориентированной на промышленность, например, Малайзия, но и есть страны, основу экономики которых представляет аграрный сектор. Во-вторых, есть также различия в политическом плане. Есть страны с все еще с социалитической системой, такие как Вьетнам, Лаос. Но есть также страны с развитой демократической системой, такие как, Филиппины и Индонезия. В силу таких различий принимать решения достаточно не легко, иными словами, такое различие между странами АСЕАН влияет на процесс принятия решений.

Другая проблема – это величина населения стран АСЕАН. У нас есть страны с населением меньше, чем 500 тыс человек, например, Бруней. Индонезия например, состоит из 261 млн. людей. Очень большая разница в размере населения. Существовала некоторая обеспокоенность со стороны маленьких государств, например Бруней к Индонезии. В прошлом политика Индонезия была агрессивна, поэтому маленькие страны не могли полностью доверять большим странам. Но вместе с тем, для плодотворного сотрудничества нам необходимо было стереть прошлое и не обращать на него внимание для того, чтобы построить будущее. У нас это получилось, я полагаю. Вот таким образом строилась основа нашей организации. Но также хотел бы отметить, что даже в настоящее время существуют некоторые проблемы такого рода. Но они успешно преодолеваются, так как страны АСЕАН очень тесно сотрудничают и решают проблемы в диалоговом формате. Недавно было подсчитано, что на протяжении прошлого 2017 года АСЕАН было проведено более 1250 встреч разного формата. Постоянные встречи очень важны для нас. Конечно иногда некоторые вопросы трудно решить принимая во внимание большую разницу в политическом и экономическом развитии. Когда мы решали вопрос о свободной экономической зоне, мы учитывали этот факт, поэтому особые условия были даны для менее развитых стран, таких как Лаос, Вьетнам, Мьянма для вхождения в данную зону. Они входили в свободную экономическую зону постепенно. Это было достигнуто посредством диалога и обсуждений таких нюансов между всеми странами АСЕАН в формате диалога 10 минус 1. Данный формат очень полезен в обсуждениях экономических вопросов.

Согласны ли вы с утверждением, что АСЕАН это движущая сила интеграции в Азитаско-Тихокеанском регионе?

Да, во многом. Но вместе с тем, по своему роду АСЕАН отличается от многих других интеграционных объединений, например Европейского Союза. ЕС это наднациональная организация, государства делегировали свой суверенитет другим органам, таким как Европарламент, Европейский Суд и т.д. Что касается АСЕАН, то она изначально не была согласна быть наднациональной организацией. Наша основная миссия - это быть семьей, но не отдавать свой суверенитет. Это главное отличие.

Какова позиция АСЕАН относительно РВЭП и ТТП?

Почти все государства АСЕАН поддерживают мультивекторность в своих взаимоотношениях с другими объединениями и государствами. Но к сожалению, ситуация немного изменилась. Сейчас экономическая ситуация в

современном мире немного неоднозначна. АСЕАН сейчас также продвигает свою платформу для региональной торговли. В первую очередь это свободные экономические зоны АСЕАН, а также формат АСЕАН плюс 1. Позже мы поняли, что более выгодно сотрудничать в более расширенном формате, поэтому было решено создать РВЭП, переговоры по созданию которого должны завершиться в 2018 году. Что касается ТПП, то инициатива по созданию его была озвучена позже мировыми державами, США в первую очередь, за исключением Китая. Именно поэтому некоторые страны АСЕАН не хотят присоединиться к ТПП. Что касается РВЭП, то это открытая организация, и если кто либо желает присоединиться к ней, но такая страна вполне может это сделать. РВЭП не закрывает двери. Именно поэтому у Индонезии и многих других стран в приоритете РВЭП. Но тем не менее, Индонезия рассматривает возможность вступления в ТПП немного позже. Но у нас в приоритете РВЭП, поскольку данное объединение основано АСЕАН. Хотя некоторые страны АСЕАН уже члены ТПП, но они не покинут РВЭП, поскольку оно важнее для нас.

Какова роль Регионального Форума АСЕАН в развитии интеграционных процессов в регионе?

РФА – это очень важный орган. Это платформа для диалога, у нее нет обязательств. Но эта платформа очень важна для решения вопросов, возникающих у стран АСЕАН. К примеру, если назревает какая-либо проблема, которую необходимо решить, то страны АСЕАН обсуждают ее вначале на данном форуме, но не на саммитах АСЕАН. То есть сначала неофициально на РФА это проблема озвучивается, обсуждается, а затем выносится на саммит АСЕАН. Таким образом, мы можем выносить на обсуждение в рамках РФА любой вопрос, который нас волнует, не опасаясь осуждения со стороны других стран, а также другим странам не обязательно соглашаться по тому или иному вопросу. Как только мы достигнем общего понимания по этому вопросу, общего интереса, мы можем его обсудить в более официальном формате. Такова основная цель РФА.

Согласны ли с утверждением, что Центральная Азия может применить опыт АСЕАН?

Да, конечно. Но необходимо конечно же учитывать местные особенности и уникальность, необходимо найти свою систему, которую больше бы подходила для вашего региона. Если опыт АСЕАН приемлем, то конечно его можно использовать, но если есть другие альтернативы, то можно и их применять. Например, можно использовать комбинацию опыта АСЕАН, зарубежных государств и своих национальных особенностей, и можно выработать таким образом «центральноазиатский» стиль.

В рамках Нового Шелкового пути какие перспективы сотрудничества есть у АСЕАН и Казахстана?

Как вы знаете, АСЕАН как объединение поддерживает инициативу Китая в создании и развитии Нового Шелкового Пути. У нас есть некоторые вопросы в развитии проекта «мобильности» АСЕАН «ASEAN Connectivity». Поэтому мы работаем с Китаем в рамках Нового Шелкового Пути и «ASEAN

Connectivity». Некоторые наши страны континентальные, а некоторые, например, Филиппины и Индонезия – морские. В этой связи для нас важное значение имеет также Новый Шелковый путь в морском направлении. Работая с Китаем в рамках данного проекта, мы, прежде всего, просим учитывать местные аспекты развития, учитывать нужды местного населения. Инициатива должна исходить не только с одной стороны, но также и с двух сторон.

Что вы можете сказать о сотрудничестве АСЕАН и ЕАЭС?

Мы признаем необходимость развития сотрудничества между АСЕАН и ЕАЭС. Мы знаем, что существует огромный потенциал сотрудничества между этими двумя группами. АСЕАН также сотрудничает с другими региональными объединениями такие как ШОС, Меркосур и т.д. Обычно сотрудничества начинается с совместной работы между секретариатами, а именно осуждения возможных путей сотрудничества. Процесс сотрудничества между секретариатами АСЕАН и ЕАЭС начался в 2016 году после саммита АСЕАН-Россия в Сочи.

Каковы перспективы сотрудничества АСЕАН и ШОС?

Мы также признаем, что ШОС очень важная региональная организация, членами данной организации являются большие стран, такие как Китай, Россия. Очень важно для нас иметь общие платформы для обсуждения тех или иных вопросов и иметь общее понимание о процессах, происходящих в них. ШОС это связующее звено в понимании вопросов региональной безопасности, развитии мира между странами.